

УОЛЪТЪ УИТМАНЪ

ПОБЪГИ ТРАВЫ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

К. Д. БАЛЬМОНТА

Книгоиздательство "Скорпіонъ"

1911

----- [begin page] -----

УОЛЪТЪ УИТМАНЪ

----- [begin page] -----

УОЛЪТЪ УИТМАНЪ

ПОБЪГИ ТРАВЫ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

К. Д. БАЛЬМОНТА

Книгоиздательство "Скорпіонъ"

1911

----- [begin page] -----

МОСКВА,—1911.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

Леонтьевскій пер., д. N 5.

----- [begin page] -----

УОЛЪТЪ УИТМАНЪ

ПОБЪГИ ТРАВЫ.

(1855—1891)

----- [begin page] -----

КАКЪ ПРЕДИСЛОВІЕ.

----- [begin page 5] -----

ПОЛЯРНОСТЬ.

Въ Америкѣ было три великихъ Поэта, и два изъ нихъ—предѣльные. Ихъ имена—Эдгаръ По, Уитманъ, и Лонгфелло.

"Пѣсни о Невольничествѣ" Лонгфелло, такія его стихотворенія, какъ "Гимнъ къ Ночи", "Псаломъ Жизни" и "Затерянный", касаются нѣжнѣйшихъ струнъ нашей души, а его космогоническая поэма "Пѣснь о Гайаватъ", представляетъ крупную попытку отобразить сквозь призму современной впечатлительности первобытныя сказанія первородныхъ сыновъ Земли, вѣдающихъ первый поцѣлуй Солнца и Луны. Лонгфелло, однако, болѣе изящный Поэтъ, нежели сильный, и нигдѣ онъ не достигаетъ той предѣльности, которую мы чувствуемъ на каждой страницѣ въ творествѣ Эдгара По и Уольта Уитмана. Онъ могъ быть, и не быть. Съ Лонгфелло мы богаче, но и безъ него мы не были бы бѣдняками. А Эдгаръ По и Уольтъ Уитманъ были неизбѣжны въ истекшемъ столѣтіи. Безъ нихъ 19-й вѣкъ не могъ бы осуществиться и быть законченнымъ. Они такъ же неизбѣжны въ жизни нашей души, какъ первая любовь, первое горе, лунный вечеръ, и солнечное утро. Какъ могъ бы я дышать, а со мной тысячи людей, еслибъ не было "Ворона" Эдгара По, съ его незабвеннымъ "Nevermore"? Если бы ко мнѣ не наклонялись по ночамъ, и не цѣловали меня призрачнымъ поцѣлуемъ, Аннабель-Ли и Морелла и Лигейя? И какъ могли бы звучать колокола, вечерніе и утренніе, еслибъ не было "Колокольчиковъ и Колоколовъ" безумнаго Эдгара? И развѣ я не былъ среди Масокъ Красной Смерти?

----- [begin page 6] -----

И развѣ я не бѣжалъ въ безумномъ испугѣ, изъ падающаго Дома Эшеръ? И не ходилъ ли я безъ конца, безъ конца, безъ конца, съ жестокимъ Человѣкомъ Толпы, ночью, утромъ, вечеромъ, ночью, утромъ, ночью, утромъ, ночью—ночью съ Человѣкомъ Толпы? И слыша, какъ меня мучаетъ сердце-изобличитель, не говорилъ ли я себѣ много разъ: Вильямъ Вильсонъ?

Эдгаръ По—Сѣверный Полюсъ, и всѣ Южныя страны, черезъ которыя проходишь, идя на Сѣверный Полюс. Эдгаръ По—сладчайшій звукъ лютни, и самое страстное рыданіе скрипки. Ощущеніе, возведенное въ кристальность. Зачарованный пышный залъ, кончающійся магическимъ зеркаломъ, въ которое глянешь—и больше ужъ некуда идти. Эдгаръ По—горнило самопознанія. Онъ старшій братъ нашъ, любимый одинокій, и мы терзаемся, что не можемъ перебраться въ Прошлое, къ нему, вѣрной толпой нашей, теперь такой

многочисленной, къ нему, Королю нашему, который былъ тогда брошень, въ страшный мигъ своей единственной великой битвы. Миръ, миръ ему, красивому ангелу Печали, онъ живетъ среди насъ, въ нашихъ тонкихъ ощущеніяхъ, въ безумныхъ вскрикахъ нашей скорби, въ звучныхъ ритмахъ нашихъ пѣсень, въ риѣмахъ конечныхъ и начальныхъ, въ красивыхъ движенияхъ юной дѣвушки, которая думаетъ сейчасъ о немъ, и тихую поступь которой я слышу сейчасъ черезъ стѣны, черезъ тысячеверстныя разстоянія трехъ чуждыхъ странъ. Если Эдгаръ По есть движеніе души моей отъ Южныхъ улыбокъ къ Сѣверу, отъ цвѣтовъ и поцѣлуевъ—къ кристалламъ льдовъ, Уольтъ Уитманъ есть движеніе обратное, отъ скорбей и сомнѣній онъ приходитъ къ положительному началу, черезъ него душа моя, постепенно освобождаясь отъ фанатизма сердца, отъ горячей моей приверженности къ единичнымъ событіямъ и ощущеніямъ единичной моей жизни, вступаетъ въ океанъ Всемирности и, сливъ всѣ инструменты въ громовой органъ, поетъ самозабвенно—"Осанна!" Уольтъ Уитманъ есть Южный Полюсъ. Въ областяхъ Южнаго Полюса тоже есть много тѣхъ же самыхъ льдовъ, которые намъ уже извѣстны, ибо странствіе на Сѣверный Полюсъ мы предпринимали многократно. Но тутъ есть еще много неизслѣдованнаго и неожиданнаго. На Южномъ Полюсѣ, досто-

Съ

----- [begin page 7] -----

вѣрно, есть теплыя средиземные моря, въ которыхъ никто еще не плавалъ, острова съ цвѣтами и плодами, похожими на наши—и непохожими на наши. Чрезъ непрерываную символизацию всего, что на мигъ возникаетъ въ текущемъ потокѣ жизни, черезъ впаденіе всѣхъ единичныхъ ручьевъ въ одинъ вселенскій Океанъ, Уитманъ, много и много разъ побѣдно подходит къ міровому утверждению Я, заглянувшего въ зеркало и ушедшаго отъ него, къ Бытію Утвержденному, которое вѣчно себя растрчиваетъ, не теряя ни одной своей капли, — быть можетъ, и теряя, да такъ что не жалко.

Можно любить, или не любить Уитмана, но устранить его невозможно. Онъ Поэтъ Настоящаго и Грядущаго. Онъ часть, и крупная часть, того будущаго, которое быстро идетъ къ намъ, которое вотъ уже дѣлается настоящимъ. Идеализованная Демократія. Просвѣтленное Народовластіе. Побѣдное шествіе Человѣчества въ дѣлѣ завоеванія Планеты. Это идетъ, это придетъ. Отъ насъ зависитъ, будетъ ли это идущеееѣ самымъ уродливымъ кошмаромъ, изъ всехъ донинѣ бывшихъ, или же—первой по истинѣ свѣтлой эрой Сознательнаго Человѣческаго Лица. Какъ бы то ни было, лавина идетъ, и Уитманъ намъ крикнулъ объ этомъ. Собранные въ этомъ томѣ, переводы стиховъ Уитмана, за исключеніемъ 20-30 вещей, напечатанныхъ главнымъ образомъ въ журналахъ "Вѣсы!" и "Переваль", появляются въ печати впервые. Они явились результатомъ многолѣтняго чтенія книги Уитмана "Leaves of Grass", и сдѣланы въ осень 1903-го года, и въ осень 1905-го года, въ наши сѣверные

зачарованные часы запоздалых утръ и вечеровъ, на берегу Балтійскаго Моря, въ местечкахъ Меррекулъ и Силламэгни, а также въ осенней Москвѣ 1905-го года подъ непрекращавшуюся музыку ружейныхъ залповъ.

При передачѣ строкъ Уитмана на Русскій языкъ, я соблюдалъ наивозможно-большую точность, прибѣгая къ перефразировкамъ лишь тамъ, гдѣ этого категорически требовало мое художественное воспріятіе. Великая заслуга Уитмана—что онъ создалъ свой собственный поэтический языкъ, добровольно отказавшись отъ доступныхъ намъ всѣмъ созвонностей риѣмъ. Безъ риѣмъ, безъ обычныхъ прикрасъ стиха, безъ обычной, свойственной стиху,

----- [begin page 8] -----

правильной размѣрности, онъ достигаетъ особаго внутренняго ритма, создаетъ дикіе циклическіе напѣвы, и втягиваетъ въ свой стихъ нѣжнѣйшія напѣвности, что таятся въ движеніи волнъ, и шелестѣніи вѣтерковъ. Ужь когда ему было 70 лѣтъ, онъ говорилъ: Если бы выборъ имѣлъ я сходствовать съ лучшими Бардами, И по волѣ моей состязаться Съ Гомеромъ... съ плѣнными скорбью Гамлетомъ, Лиромъ, Отелло—Шекспира, Съ Теннисономъ, съ прекрасными лэди его, Напѣть и измыслить лучшее, замысль избранный влить въ совершенную риѣму, усладу пѣвцовъ;— Это, все это, о, Море, охотно-бъ я отдалъ, Если бы дало ты мнѣ колебанье единой волны, Ухватку ея, Или вдохнуло бы въ стихъ мой дыханье свое единое, И оставило въ немъ этотъ запахъ.

Уитманъ этотъ выборъ имѣлъ, и сдѣлалъ его. Въ его творчествѣ дышетъ Море. Нѣтъ тутъ, или мало тутъ, сладости. Свѣжій соленый духъ. Уитманъ самъ—Водяной. Онъ—Морской Царь, пляшетъ—корабли опрокидываетъ, косматый, лохматый, нелѣпый, прекрасный, такъ вотъ и захватывающій.

Одинъ изъ *вѣрныхъ* Уольта Уитмана молвилъ: "Когда я читаю Уольта Уитмана, Природа говоритъ ко мнѣ когда я читаю Природу, Уольтъ Уитманъ говоритъ со мной". Это такъ. Прикоснемся-жъ къ Побѣгамъ Травы, и побудемъ въ солнечномъ Утрѣ. Отъ Полдня до Звѣздной Ночи.

К. Бальмонт

1908. 13 марта.

Долина Березъ

----- [begin page 9] -----

ПОСВЯЩЕНІЯ.

----- [begin page 10] -----

----- [begin page 11] -----

ОДНОГО ВОСПѢВАЮ Я.

Одного воспѣваю я, личность простую, отдѣльную,
Но слово мое—для Народа, мой лозунг—Для Всѣхъ.

О тѣлѣ живущемъ пою, съ головы и до ногъ.
Не только лицо и мозгъ достойны, сказала мнѣ Муза, много до-
стойнѣе Форма въ своемъ завершени
И Женщину я наравнѣ воспѣваю съ Мужчиной.

О жизни безмѣрной въ бѣни, во власти и страсти,
Веселой, для вольныхъ дѣяній, по законамъ божественнымъ соз-
данной, я пою,
Человѣка пою Нашихъ Дней.

КОГДА РАЗМЫШЛЯЛЪ Я ВЪ МОЛЧАНЬИ.

Когда размышлялъ я въ молчаньи,
Къ поэмамъ моимъ возвращаясь и думая, медля такъ долго,
Призракъ предсталъ предо мной, недоверчивый съ виду,
Страшный въ своей красотѣ, возрастѣ, власти,

----- [begin page 12] -----

Геній пѣвцовъ старыхъ странъ,
Ко мнѣ обращая глаза подобные пламени,
Своимъ указуя перстомъ на многія пѣсни безсмертныя.
Что поешь? угрожающимъ голосомъ мнѣ онъ сказалъ,
Иль не знаешь, что есть лишь единственный замыселъ
Для бардовъ, живущихъ во вѣкъ?
Говорить о Войнѣ, о превратностяхъ битвъ,
Совершенныхъ готовить солдатъ.

Такъ да будетъ, я молвилъ въ ответъ,
О, надменная Тѣнь, я вѣдь тоже войну воспѣваю,
И длинѣе она и величественнѣе всѣхъ другихъ,
Начата она въ книгѣ моей, съ перемѣнной удачей,
Съ наступленіемъ, съ бѣгствомъ, съ движеніемъ впередъ,
съ отступленіемъ,

*Съ проволочкой въ побѣде, съ еще не рѣшенной побѣдой,
(Хоть она достовѣрна, какъ кажется мнѣ, иль почти до-*

*стовѣрна,
Какъ я вижу, въ концѣ концовъ),
Поле битвы есть мѣръ.
Не на жизнь, а на смерть эта битва за Тѣло и вѣчную Душу,
Вотъ, явился и я, чтобы пѣть пѣсню битвы,
И я прежде всего поощряю
Смѣлыхъ солдатъ.*

НА МОРѢ ВЪ ТѢСНЫХЪ КОРАБЛЯХЪ.

На морѣ въ тѣсныхъ корабляхъ,
Межъ тѣмъ какъ безграничная лазурь повсюду расширяется,
Съ свистящими вѣтрами, и съ музыкою волнъ, широкихъ волнъ
и повелительныхъ
Иль въ одинокой лодкѣ, бросаемой по густотѣ волны,

----- [begin page 13] -----

Межъ темъ какъ весело и полная довѣрья, раскинувъ крылья
бѣлыхъ парусовъ,
Она эфиръ проворно разсѣкаетъ средь искръ и пѣны дня,
или подъ звѣздами ночными,
Быть можетъ наконецъ я буду, воспоминаніе о сушѣ, чи-
таться дружною семьею моряковъ,
И молодыхъ, и старыхъ, въ полности, какъ есть.

*Вотъ наши мысли, мысли тѣхъ, кто путникъ,
Не только здѣсь земля, не только суша является одна, они
промолвятъ
Здѣсь небосводъ раскинулся, мы чувствуемъ качающійся
декъ подъ нашими ногами,
Біеніе пульса долгое мы слышимъ, приливъ, отливъ, въ
движеніи бесконечномъ,
Созвучія мистеріи незримой, неясныя обширныя внушенія
глубинъ морскихъ, текучіе слоги,
Благоуханье, слабый скрипъ снастей, задумно-грустную
размѣрность,
Безбрежность панорамъ, и горизонтъ, далекій, дымный,
Здѣсь это все, и это есть поэма океана.*

О, книга, не колеблись же, сверши свою судьбу,
Не только какъ воспоминаніе о сушѣ,
Но также и какъ лодка одинокая, что путь въ эфиръ дер-
жить, куда, не знаю, но съ довѣрьемъ полнымъ,
Союзная со всѣми кораблями, которые плывутъ, плыви и ты!
Любовь мою лелѣйную носи имъ (о, моряки, для васъ я здѣсь
ее лелѣйно заключаю въ каждый листъ);
Спѣши, о, книга, созданная мной! раскрой, моя ладья, свой
бѣлый парусъ вкось надъ властными волнами,
О, пой, плыви, носи въ лазури безграничной ко всѣмъ морямъ.

Мой гимнъ для моряковъ плывущихъ, напѣвъ для всѣхъ ихъ
кораблей.

----- [begin page 14] -----

КЪ ЧУЖИМЪ СТРАНАМЪ.

Я слышалъ, вы спрашивали, чтобъ дали вамъ что-нибудь для
разсмотренія этой загадки, зовущейся Новымъ Свѣтомъ.

Чтобъ могли вы Америку опредѣлить, атлетическую ея Де-

Потому я вамъ посылаю поэмы мои, чтобы вы увидали въ
нихъ то что вамъ нужно.

КЪ ИСТОРИКУ.

Ты прославляешь минувшихъ,

Ты внѣшнихъ изслѣдовалъ, поверхности расъ, жизнь, что
себя явила,

Ты говорилъ о человѣкѣ, какъ существѣ общественномъ, со-
бирательномъ, о немъ—правителей и священниковъ,

Я, житель Аллеганій, говоря о немъ такъ, какъ есть онъ въ
себѣ и въ правахъ своихъ собственныхъ,

Нажимая пульсъ жизни, что рѣдко являла себя (величайшая
гордость человѣка въ немъ самомъ),

Пѣвецъ Личности, начертывая то, чему еще лишь быть,

Я въ чертежѣ являю историю будущаго.

ТЕБѢ, СТАРОЕ ДѢЛО.

Тебѣ, старое дѣло!

Тебѣ, несравненное, страстное, доброе дѣло,

Ты, строгая, безъ угрызений, нѣжная мысль,

Безсмертная черезъ вѣка, черезъ расы, и страны,

----- [begin page 15] -----

Послѣ странной грустной войны, великая война за тебя,
(Всѣ войны, какъ думаю я, велись черезъ время въ дѣйстви-
тельности, и будутъ всегда въ дѣйствительности
вестись во имя тебя),

Эти пѣсни—во имя тебя, твоего непрерывнаго марша впередъ.

(Война, о, солдаты, не только во имя себя самой,

Гораздо, гораздо значительнѣе, ждала молчаливо сзади, чтобъ
выступить молча впередъ въ этой книгѣ).

Ты, сфера столь многихъ сферъ!
Ты, основа кипящая! ты, зерно сокровенно-хранимое! ты,
средоточье!
Вкругъ тебя, какъ вкругъ оси, вращается битва-война,
Со всей ея гнѣвной запальчиво-пылкой игрою причинь,
(Съ обиліемъ слѣдствій, встающихъ однажды въ три тысячи
лѣтъ),
Эти речитативы тебѣ,—книга моя и война суть одно,
—Слить съ ея духомъ я и мое, распря и споръ—о тебѣ,
Какъ колесо вкругъ оси, книга моя, для самой себя не-
Вкругъ мысли одной—о тебѣ.

ДЛЯ ТОГО, КОМУ Я ПОЮ.

Для того, кому я пою,
Я возношу настоящее на миновавшемъ,
(Какъ вѣковые деревья встаютъ изъ своихъ корней,
настоящее на миновавшемъ),
Я его расширяю пространствомъ и временемъ, и плавлю законы
безсмертные,
Чтобъ сдѣлать его черезъ нихъ закономъ для самого себя.

----- [begin page 16] -----

ЧИТАЯ КНИГУ.

Читая книгу, жизнеописанья
Извѣстная, я говорю себѣ:
Вотъ это авторъ называетъ жизнью
Того, о комъ онъ говорить?
И такъ же кто-нибудь, когда умру я,
Когда уйду, мою напишетъ жизнь?
(Какъ будто кто—зналъ что-нибудь о ней,
Я часто думаю, что самъ я мало знаю
О жизни, о дѣйствительной моей,
Лишь слабые намеки, тамъ и сямъ
Разбросанные знаки, указанья,
Чтобъ самъ отсюда выходъ я нашель).

ПРИ НАЧАЛѢ МОИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

При началѣ моихъ изученій я такъ былъ обрадованъ первымъ
шагомъ,
Самымъ фактомъ сознанія, этими формами, силой движенія,
Насѣкомымъ мелчайшимъ или животнымъ, ощущеньями,
зрѣньемъ, любовью,
Первый шагъ, говорю я, настолько меня изумилъ и обрадовалъ,
Что мнѣ трудно было уйти впередъ, трудно было желать уйти,
Но стою я и медлю все время, чтобы пѣть изступленные
пѣсни.

ПЕРВОЗДАТЕЛИ.

Какъ они нужны Землѣ, (появляясь на ней съ перерывами),
Какъ дороги, страшны они для Земли,
Какъ приходится имъ приучаться къ себѣ и къ любому,
Какимъ парадоксомъ имъ кажется собственный вѣкъ,
Какъ народъ отвѣчаетъ имъ, все жъ ихъ не зная,
Какъ есть въ ихъ судьбѣ что-то страшное, неумолимое во
всѣ времена,
Какъ всѣ времена дурно всегда выбираютъ предметы наградъ
и ласкательствъ,
И какъ та же великая цѣнность должна быть куплена снова
такою же неумолимой цѣной!

КЪ ШТАТАМЪ.

Къ Штатамъ или къ какому-либо изъ нихъ, или къ какому-
либо городу Штатовъ, *Противьтесь много,*
повинуйтесь мало,
Разъ безъ вопроса повиновенья, полное рабство,
Разъ полное рабство, ни одинъ народъ, ни одно государство,
ни одинъ—единственный город на этой землѣ никогда
не получить обратно свободы своей.

НАЧИНАЕМЪ СКИТАНІЯ МЫ ЧЕРЕЗЪ ШТАТЫ.

Начинаемъ скитанія мы черезъ Штаты,
(О, чрезъ міры, побуждаемы этими пѣснями,
Отплывая отнынѣ къ каждой странѣ, къ каждому морю),
Мы, охочіе все изучать, мы, учителя всѣхъ, и любовники
всѣхъ и всего.

Мы наблюдали зиму, весну, лѣто, и осень, какъ они сами
себя раздають и проходятъ

И спросили, что жъ, почему человѣку какому не сдѣлать
бы столько же, сколько зима, и весна, и лѣто, и
осень, расточая себя, какъ они?

Мы живемъ извѣстное время въ каждомъ селеніи и городѣ
Мы проходимъ черезъ Канаду, Сѣверъ, Востокъ, долину
обширную, вдоль Миссиссиппи и Южные Штаты,

Мы говоримъ на равныхъ правахъ съ каждымъ изъ Штатовъ,
Мы испытываемъ себя самихъ и приглашаемъ мужчинъ и жен-
щинъ послушать,
Мы говоримъ самимъ себѣ, Помни, не бойся, чистосердеч-
нымъ пребудь, возглашай тѣло и душу,
Время побудь и иди, будь плодовитымъ, воздержнымъ, цѣ-
ломудреннымъ и магнетическимъ,

И то, что вы расточаете, возвратится, какъ вѣчно весна
возвращается,
И столь же будь богатымъ, какъ богаты возвратности года.

КЪ НѢКОТОРОЙ ПѢВИЦЕ.

Вотъ, возьми этотъ даръ,
Я его сохранялъ для героя какого-нибудь, для оратора, для
полководца,
Для кого-нибудь, кто бы служилъ доброду старому дѣлу,
великой идеѣ, росту и вольности расы,
Какому-нибудь храбрецу, что смотритъ тиранамъ въ глаза,
Какому-нибудь дерзновенному, понявшему слово мятежъ;
Но я вижу теперь—то, что я сохранялъ, тебѣ надлежитъ,
какъ любому.

----- [begin page 19] -----

Я НЕПОКОЛЕБИМЫЙ.

Я непоколебимый, я непринужденно стоящій въ Природѣ,
Владыка всего, или владычица всего, увѣренность среди ве-
щей неразсудительныхъ,
Насыщенный, какъ и они, покорный, воспріемлющій, молча-
щій, какъ они,
Увидѣвшій, что рудъ мой, бѣдность, извѣстность, слабости
и преступленья не столь, какъ почиталъ я, важны,
Я возлѣ Мексиканскаго залива, или въ Маннагаттѣ, или въ
Теннесси, или далеко на Сѣверѣ, или въ глубинѣ страны,
Я человекъ рѣчной, или въ лѣсахъ живущій, или гдѣ-ни-
будь на фермѣ, или побережьи, на озерахъ ли, въ Канадѣ,
Гдѣ бѣ жизнь моя ни проходила,—о, только бѣ въ само-
равновѣсьи быть для всѣхъ случайностей,
Чтобъ встрѣтить ночь лицомъ къ лицу, и бури, голодъ, не-
счастія, удары, посмѣянье, какъ это дѣлаютъ
деревья и животныя.

МІРЪ УЧЕНОСТИ.

Туда когда я гляжу, я вижу тамъ каждую славу и всѣ ре-
зультаты, опять возникаютъ они въ своемъ начертаньи,
и тѣсно гнѣздятся, навѣки обязанные,

Туда часы, и годы, и мѣсяцы,—туда ремесла и промыслы,
всѣ учрежденья, вплоть до малѣйшаго,
Туда ежедневная жизнь, языкъ, инструменты, политика, лич-
ности и государства;
Туда и мы, я съ своими стеблями и пѣснями, полный до-
вѣрья, дивующійся,
Какъ отецъ, къ своему идущій отцу, беретъ съ собой дѣтей
своихъ.

----- [begin page 20] -----

КОРАБЛЬ ОТПЛЫВАЮЩІЙ.

Вотъ, безграничное море,
На лонѣ его корабль отплывающій, распускающій всѣ па-
руса, вплоть до послѣдняго,
Вымпель трепещетъ вверху, межъ тѣмъ какъ спѣшить онъ,
спѣшить онъ такъ статно—волны внизу,
соревнуя, тѣснятся впередъ,
Они окружаютъ корабль свѣтовой кривизною, движенъемъ, и пѣной.

Я СЛЫШУ АМЕРИКУ ПОЮЩУЮ...

Я слышу Америку поющую, разныя слышу я пѣсни,
Пѣсни ремесль, каждый поетъ свою пѣсню сильно и весело,
Плотникъ поетъ свою пѣсню, мѣряя доску или бревно,
Камѣнщикъ пѣсню поетъ, готовясь къ работѣ или работу
свою оставляя,
Лодочникъ пѣсню поетъ о томъ, что ему надлежитъ въ его
лодкѣ,
Палубный пѣсню поетъ на своемъ пароходѣ,
на палубѣ,
Сапожникъ поетъ, сидя на лавкѣ, шляпочникъ стоя поетъ,
Слышу я пѣснь дровосѣка, юношу-пахаря, утромъ за плу-
гомъ идущаго, или въ полдень, когда прерываетъ
работу онъ, или въ вечерній часъ,
Нѣжное пѣние матери, или юной жены за работой, или дѣ-
вушки, между тѣмъ какъ стираетъ она или шьетъ,
Каждый поетъ о своемъ, о томъ, что—его, иль ея, и больше ничье,
Днемъ — что дню надлежитъ, а ночью дружная кучка силь-
ныхъ товарищей
Поетъ открытыми ртами свои сильныя звучныя пѣсни.

----- [begin page 21] -----

ГДѢ ГОРОДЪ В ОСАДЕ?

Гдѣ городъ въ осадѣ, что тщетно старается снять

Осаду враговъ?
Вотъ, я посылаю въ тотъ городъ вождя.
Онъ смѣль, онъ проворен, бессмертенъ,
И конница съ нимъ, и пѣхота, обозы орудій,
И возлѣ орудій стрѣлки, страшнѣе всѣхъ бывшихъ доселѣ.

ВСЕ ЖЕ, ХОТЬ Я И ПОЮ ОДНОГО.

Все же, хоть я и пою одного,
(Одного, кто однако же весь—противорѣчье),
Я посвящаю пѣсни—Народности,
Я въ немъ мятежъ оставляю (О, сокровенное, право возму-
щенья! О непогасимый, необходимый огонь!)

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ СВОИХЪ ДВЕРЕЙ.

Не закрывайте своихъ дверей передо мной, о, библиотеки
гордыя,
Ибо я приношу то, чего еще не было на вашихъ заполнен-
ныхъ полкахъ, но что было нужнѣе всего,
Исходя изъ войны, я составилъ книгу,
Слова моей книги ничто, порывъ ея все,
Отъединенная книга, съ другими не связанная,
И умомъ не воспринятая,
Но вы, сокровенности, вы, неразсказанныя,
На каждой страницѣ вы будете, вспыхнувъ, дрожать.

----- [begin page 22] -----

ПОЭТЫ ГРЯДУЩІЕ.

Поэты грядущіе! ораторы, пѣвцы, музыканты грядущіе!
Не сегодня меня оправдывать, и отвѣчать, за что я стою,
Но вы, новое племя, естественное, атлетическое, къ мате-
камъ относящееся, бѣльшимъ, чѣмъ тѣ, что доселѣ
вѣдомы были,
Возстаньте! Ибо вы должны оправдать меня.

Самъ я пишу всего лишь два-три указующихъ слова для
будущаго,
Я выхожу впередъ лишь на мигъ, чтобъ вдругъ повернуть
и быстро исчезнуть во тьмѣ.

Я человѣкъ, который, блуждая, чуть-чуть задержавъ свой
шагъ, обращаетъ къ вамъ мимолетный взглядъ и
затѣмъ отвращаетъ лицо свое,
Предоставляя вамъ разсмотрѣть это, точно означивъ
Отъ васъ ожидая главнѣйшаго.

КЪ ТЕБЕ.

Незнакомецъ, коль ты, проходя, повстрѣчаешь меня,
И со мной говорить пожелаешь,
Почему бы тебѣ не начать разговора со мной?
Почему бы и мнѣ не начать разговора съ тобою?

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ тебѣ, читатель, трепещутъ жизнь, гордость, любовь, тѣ
же самыя, что и во мнѣ,
Потому для тебя эти пѣсни.

----- [begin page 23] -----

ДѢТИ АДАМА.

----- [begin page 24] -----

----- [begin page 25] -----

ВЪ САДЪ МІРОВОЙ.

Въ садъ міровой опять восходя,
Мощныя пары, сыновъ, дочерей, преваряя, какъ въ пѣсне вступи-
леніе,
Любовь, жизнь ихъ тѣль, значеніе и бытіе,—
Послѣ дремоты воскреснувъ,
Ибо, въ возвратѣ своемъ, могучіе циклы опять меня возродили,—
Полный любви, зрѣлый, весь прекрасный самъ для себя
весь удивительный,
Съ членами сильными, и съ дрожащимъ огнемъ, что въ нихъ
играетъ всегда, по причинамъ чудеснѣйшимъ
Существова, я все еще пристальный взоръ устремляю и я про-
ницаю,
Настоящимъ довольный, довольный прошедшимъ,
Рядомъ со мной или сзади меня слѣдуетъ Ева,
Или предо мной, и я за нею иду, тотъ же самый.

ВО ИМЯ ЗАПРУЖЕННЫХЪ РѢКЪ, ПРИЧИНЯЮЩИХЪ БОЛЬ.

Во имя запруженныхъ рѣкъ, причиняющихъ боль,
Во имя того во мнѣ самомъ, безъ чего я былъ бы ничто,

Во имя того, что я рѣшился прославить, хотя бы одинъ я стоялъ
межъ людей
Во имя того, что мой собственный голосъ звенить, воспѣвая фал-
лось,
Воспѣвая пѣснь порожденія,
Воспѣвая необходимость великолѣпныхъ дѣтей и въ нихъ вели-
колѣпныхъ возросшихъ людей,
Воспѣвая мускульный зовъ-понужденье и соединенье,

----- [begin page 26] -----

Воспѣвая пѣснь сопостельника (О, неудержность стремленья!
О, привѣтъ любому и каждому тѣлу, съ его взаимною тягой!

О, привѣтъ тебѣ, кто бы ни былъ ты, привѣтъ тѣлу, взаимно
притянутому! И привѣтъ тому, превыше всего, что тебѣ
восторгъ доставляет!),
Во имя алканья, во имя грызенья, что ѣсть меня ночью и днемъ,
Во имя миговъ первичныхъ, мгновеній естественныхъ, застѣн-
чивыхъ болей, которыя я воспѣваю,
Ища что-нибудь, что еще до сихъ поръ не найдено, хоть этого
я прилежно искалъ вотъ уже многіе годы,
Воспѣвая истую пѣснь души вспышками наудачу,
Возрождаясь съ грубѣйшей Природой или между животныхъ,
Этимъ, и ими, и тѣмъ, что съ ними, поэму свои насыщая,
Запахомъ яблокъ или лимоновъ, спариваньемъ птицъ,
Влажностью лѣсовъ, обниманьемъ-забѣгомъ волнъ,
Сумасшедшимъ толчкомъ - набѣганьемъ волнъ на сушу, которое
я воспѣваю,
Увертюру слегка запѣвая, предвосхищая потокъ звуковой,
Благословенная близость, видъ совершеннаго тѣла,
Пловецъ, голый, плывущій въ водѣ, или недвижно лежащій на
спинѣ и такъ плавающій,
Женская форма, что близится, я, мыслей исполненный, тѣлесная
плоть съ сладкою болью трепетная,
Роспись божественная для меня самого или тебя или кого бы то
ни было сдѣланная,
Лицо, члены, перечень всего съ головы до ногъ, и то, что отсюда
возникаетъ,
Мистическій бредъ, изступленье, безумье любовное, отдача пре-
дѣльная, крайняя,
(Слушай тихонько, склонившись ко мнѣ, то, что теперь я шепчу
тебѣ,
Я люблю тебя, о, ты владѣешь мною сполна,
О, только бы намъ, мнѣ и тебѣ, ускользнуть ото всѣхъ осталь-
ныхъ и совсѣмъ - совсѣмъ удалиться, быть вольными быть
беззаконными,

----- [begin page 27] -----

Два сокола въ воздухѣ, двѣ рыбы плывущія въ Морѣ без-
законны не больше, чѣмъ мы);

Сквозь меня неудержная бурая проносится, и страстно я
весь дрожу,
Клятва нераздельности, слитности двухъ вмѣстѣ, женщины,
любящей меня, кого я люблю больше чѣмъ жизнь
мою, этой клятвой клянусь я,
(О, за тебя я ставлю на карту охотно все,
О, пусть я погибну, разъ это нужно!
Только бы ты и я! и что намъ въ томъ, что другіе думаютъ
и дѣлаютъ?
Что намъ все остальное? лишь бы мы насладились другъ
другомъ и истожили другъ друга, если такъ быть
должно);
Во имя владыки, кормчему преданъ корабль,
Главный командуетъ мной, командуетъ всѣмъ, отъ него беря
позволеніе,
Во имя времени замысль свой ускоряя (медлилъ я слиш-
комъ ужь долго),
Во имя пола, основы и утока ткани,
Во имя одинокаго молчанья, частыхъ одинокихъ сѣтованій,
Во имя того, что такъ много людей кругомъ, а настоящій
не близко, не здѣсь,
Во имя касанья нѣжнаго рукъ по мнѣ, и пальцевъ мягко
просунутыхъ въ бороду мою и въ волосы,
Во имя задержаннаго долгаго поцѣлуя на рту или на груди,
Во имя тѣснаго сжатія, отъ котораго я или кто бы то ни
было пьянъ, изнемогъ отъ блаженства,
Во имя того, что знаетъ супругъ божественный, во имя
деланья отчества,
Во имя восторга ликующаго, побѣды и утоленья, во имя
ночного объятія сопостельника,
Во имя дѣйствій-поэмъ глазъ, рукъ, бедръ, и грудей,
Во имя цѣплянья дрожащей руки,
Во имя склоненной изогнутости и ущемленья,
Во имя сплетенья бокъ о бокъ, покрывало послушное прочь.

----- [begin page 28] -----

Во имя того, кому такъ не хочется меня отпускать, и меня,
кому такъ не хочется прочь уходить,
(Минутку, о, нѣжная, ждущая, сейчасъ я вернусь),
Во имя часа сіяющихъ звѣздъ и росы ниспадающей,
Во имя ночи, изъ ночи на мигъ возникая, спѣшу я,
Тебя прославлять, о, божественный актъ, и дѣтей уготованныхъ,
И васъ, о, могучія бедра.

Я ПОЮ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ТѢЛО.

1.

Я пою электрическое тѣло,
Полчища тѣхъ, кого я люблю, окружаютъ меня, и я окружаю ихъ,
Они не хотятъ меня отпустить, пока не пойду я съ ними, пока
не отвѣчу имъ,

И сниму съ нихъ порчу, и ихъ наполню полнотою души.

И еще полагали, что тѣ, кто тѣло свое оскверняетъ, могутъ прятаться?

И еще сомнѣвались въ томъ, что тотъ кто живыхъ оскверняетъ, такъ же дурень, какъ тотъ, кто оскверняетъ мертвыхъ?

И въ томъ, что тѣло значить столько же, сколько душа?
Но, если тѣло не есть душа, что же есть душа?

2.

Любовь тѣла мужского и женскаго опровергаетъ всѣ счеты, тѣло само опровергаетъ всѣ счеты,
Тѣло мужское прекрасно, и прекрасно женское тѣло.

Выраженъе лица посмѣивается надъ изъясненьями,
Но выраженъе мужчины стройнаго, статнаго—не только въ его лицѣ,

----- [begin page 29] -----

Оно въ его членахъ также, въ его суставахъ, оно любопытно видится въ суставахъ кисти его и бедра,

Оно въ походкѣ его, и въ томъ, какъ держать онъ шею, въ сгибѣ его поясницы, колѣнъ, одежда его не скрываетъ,

Сильное нѣжное качество сквозить чрезъ фланель и сукно, Видѣть, какъ онъ идетъ, это столько же, сколько есть въ лучшей поэмѣ, можетъ быть больше,

Вы медлите, чтобы увидѣть спину его, и задній изгиб его шеи, и линію плечъ.

Барахтанье полныхъ здоровыхъ дѣтей, груди и головы женщинъ, складки ихъ одѣяній, ихъ манера держаться на улицѣ, очертанье фигуръ ихъ къ низу,

Пловецъ обнаженный, плывущій въ купальѣ, котораго видно, когда онъ плыветъ, въ прозрачномъ зеленомъ сіяньи, или лежитъ съ лицомъ, обращеннымъ вверхъ, и молча качается вправо и влево въ подъемѣ воды,

Склоненъе впередъ и назадъ гребцовъ въ ихъ гребныхъ судахъ, ѣздока въ сѣдлѣ его,

Дѣвушки, матери, хозяйки, во всемъ, что они дѣлаютъ, Группа рабочихъ, сидящихъ въ полдень, у открытыхъ своихъ котелковъ, межъ темъ какъ жены имъ служатъ,

Няня съ ребенкомъ, дочь фермера, въ саду иль на скотномъ дворѣ

Парень, киркой расчищающій землю къ поѣзду, кучеръ въ саняхъ, свою шестерню сквозь толпу направляющій,

Больба двухъ борцовъ, двухъ юныхъ матросовъ, возросшихъ, веселыхъ, здоровыхъ, съ открытыми лицами, естественныхъ, волныхъ послѣ работы своей, на закатѣ солнца,

Плащи и куртки отброшены, объятъе любви и упора,

Схватка вверху и схватка внизу, растрепаны волосы, разметались, слѣпятъ имъ глаза,

Маршировка пожарныхъ въ ихъ форменномъ платьѣ, игра мужского мускула сквозь ихъ пояса и штаны, плотно сидящіе,

Возвращенъе съ пожара неторопливое, замедленъе, когда вдругъ опять призываетъ ихъ колоколь, внимательность насторожившихся,

Совершенныя позы, естественныя, разнообразныя, наклонъ головы, изогнутая шея, считанье,
Такихъ я люблю — я весь распескаюсь, свободно иду, у груди материнской я съ малымъ ребенкомъ,
Плыву я съ пловцами, съ борцами борюсь, въ ногу иду съ пожарными, замадляя свой шагъ, считаю и слушаю.

3.

Я зналъ человѣка, простаго фермера, отца пяти сыновей,
И въ нихъ — отцовъ сыновей, и въ нихъ — отцовъ сыновей.
Это былъ человѣкъ удивительной силы, спокойствія, красоты всей наружности,
Форма его головы, блѣдно-желтый и бѣлый цвѣтъ бороды и волосъ, бездонность значенья въ выраженіи черныхъ глазъ, широта и свобода движеній, манерьъ,
Я привычку имѣлъ его навѣщать, чтобы все это видѣть, онъ также былъ и уменъ,
Постъ его былъ шесть футовъ, слишкомъ восемь десятковъ онъ прожилъ, сыновья его ловки были, коренасты и бородаты, красивы, съ загорѣлыми лицами,
Они и дочѣри любили его, всѣ, кто видѣлъ его, любили его, Не изъ-за доброй его славы любили его, а личной любили любовью,
Онъ пилъ только воду, его кровь свѣтилась какъ алый цвѣтъ сквозь свѣтло-коричневую кожу его лица,
Онъ часто ходилъ на охоту и на рыбную ловлю, онъ плавалъ одинъ въ своей лодкѣ, прекрасную лодку ему подарилъ корабельщикъ знакомый, и охотничьихъ ружей довольно имѣлъ онъ въ подарокъ отъ людей, что любили его,
Когда онъ шелъ на охоту или рыбную ловлю съ пятью сыновьями своими и многими внуками, вы сразу его увидали бы, онъ былъ самый красивый и сильный въ этой толпѣ,

Вамъ было бы радостно долго и долго быть съ нимъ, вамъ было бы рабостно сидѣть съ нимъ въ лодкѣ, чтобы вы и онъ могли касаться другъ друга.

4.

Я понималъ, что быть съ тѣми, кто нравится мнѣ, довольно, Задержаться въ вечерней компаніи съ нѣсколькими — совершенно довольно,
Быть окруженнымъ красивой, живой, смѣющейся, дышущей плотью—совершенно довольно,

Проходить среди нихъ, или касаться кого изъ числа ихъ,
или руку мою слегка задержать вкругъ шеи его иль
ея на мгновенье, чего же еще?

Мнѣ большихъ восторговъ не нужно, я плаваю въ этомъ
какъ въ морѣ.

Есть что-то въ этой непосредственной близости къ мужчи-
намъ и женщинамъ, въ смотрѣньи на нихъ, въ
этихъ касаньяхъ ивъ запахъ ихъ, что нравится
очень душѣ.

Всѣ вещи угодны душѣ, но это ей нравится очень.

5.

Вотъ это—женская форма,
Съ головы до ногъ отъ нея ореоль исходитъ божественный,
Она привлекаетъ къ себѣ притяженіемъ неумолимымъ, не-

Я привлечень дыханьемъ ея такъ, какъ будто бы я не
болѣе чѣмъ безпомощный паръ, все кругомъ отпа-
даетъ, кромѣ меня и этого,

Книги, искусство, религія, время, зримая плотность земли,
и то, чего ждалъ отъ небесъ и чего ужасался
въ аду, все растаяло,

Безумныя нити растутъ изъ этого, ростки пробиваются не-
удержимо, неудержимый отвѣтъ,

----- [begin page 32] -----

Волосы, грудь, бедра и ноги, изгибъ ихъ, небрежно упав-
шія руки разъятыя, и мои разамкнулись,
Отливъ, приливомъ ужаленный, и приливъ, отливомъ ужа-
ленный, любовная плоть возстающая, крѣпнущая и
полная сладостной боли,
Безграничные свѣтлые брызги любви горячей, безмѣрной,
дрожащая влага густая любви, бѣлоцвѣтный плѣни-
тельный сокъ,
Новобрачная ночь любви, вѣрно и нѣжно входящая въ зарю
распростертую,
Волнообразно входящая въ день, хотящій и отдающійся,
Потерявшаяся въ этомъ нѣжномъ разрывѣ объявшаго сладко-
тѣлеснаго дня.

Это узелъ,— а послѣ ребенокъ рождается женщиной, чело-
вѣкъ порожденъ есть отъ женщины,
Омовенье рожденья, сліянье большого и малаго, и новый
опять исходъ.

Не стыдитесь, о, женщины, исключительность вашего права—
что вы обнимаете все остальное въ себѣ, результаты
всего остального,
Вы ворота тѣла, и вы же врата души.

Въ женщине все, всѣ качества въ ней сочетаются въ мѣр-
ности,
На своемъ она мѣстѣ, въ равновѣсьи она, гармонично ея
движеніе,

Она все въ достодолжномъ покровѣ, она сразу покорность
и дѣйствіе,
Отъ нея зачнутся дочери и сыновья, сыновья зачнутся и
дочери.

Если я вижу душу мою отраженной въ Природѣ,
Если сквозь дымку я вижу Кого-то въ невыразимомъ здо-
ровьи, законченности, красотѣ,
Вижу склоненную голову, руки крестъ-на-крестъ, женщину
вижу я.

----- [begin page 33] -----

6.

Мужчина не меньше душа, и не больше, онъ также на
своемъ мѣстѣ,
Онъ также есть всѣ качества, онъ сила и дѣйствіе,
Яркая вспышка вселенной, которая вѣдома въ немъ,
Презрѣнье подходитъ къ нему, хотѣнья и вызовъ идутъ къ
нему очень,
Самыя дикія страсти, страсти безъ удержа, благословенье
въ крайней предѣльности, скорбь до предѣльности,
очень ему къ лицу, и къ лицу ему гордость.
Гордость мужчины съ вольнымъ размахомъ успокоительна и
превосходна есть для души,
Знанье идетъ къ нему, онъ его любить всегда, онъ каж-
дую вещь по волѣ своей испытуетъ,
Что бы ни пришлось обзрѣть, и какое бѣ то ни было море.
съ парусами какими бѣ то ни было, онъ свои измѣ-
ренія лотомъ наконецъ завершаетъ лишь здѣсь,
(Гдѣ, какъ не здесь завершить онъ свои измѣренья?),

Тѣло мужчины священо и тѣло женщины священо,
Кто бѣ это ни былъ, неважно, оно есть священо — развѣ
ничтожнѣй всего оно въ артели рабочихъ?
Пусть это будетъ тѣло одного изъ нихъ, съ закрубѣлымъ
лицомъ, эмигрантовъ, сейчасъ лишь причалившихъ
къ пристани;
Каждое здѣсь и гдѣ бы то ни было то же, какъ тѣло въ
благомъ состояннѣ, довольственномъ, столько же въ
немъ, какъ и въ васъ,
Каждому мѣсто его, или мѣсто ея, въ процессіи.

(Все есть процессія,
Вселенная есть процессія съ совершеннымъ размѣрнымъ
движеніемъ).

----- [begin page 34] -----

Или такъ много вы знаете сами, что невѣждою будете звать
малѣйшаго?

Или вамъ кажется, будто вы право имѣете на хорошее зрѣ-
лище, а онъ или она не имѣютъ права на зрѣлище?
Или вы думаете, вещество, изъ пловучей разъятости выйдя,
скрѣпилось, и почва есть на поверхности, и вода бѣ-
жить и растительность вьется,
Только для васъ, не для него и не для нея?

7.

Тѣло мужчины на рынкѣ,
(Ибо я до войны часто ходилъ на невольничій рынокъ и
наблюдалъ за продажей),
Я помогаю продавщику, неряха не знаетъ и не половину
дѣла своего.

Джентельмэны, взгляните на это вотъ чудо,
Сколько бы покупщики не надавали, не могутъ они доста-
точной дать за это цѣны,
Для этого шаръ земной квинтилліоны лѣтъ приготавлился,
безъ единого животнаго или растенья,
Для этого циклы въ своемъ вращеніи твердо и вѣрно вра-
щались.

Въ этой головѣ все-сокращающій мозгъ,
Въ ней и подъ ней создаванья героевъ.

Изслѣдуйте эти члены, красные, черные, или бѣлые, въ
сухожильяхъ и мышцахъ ловки они,
Они должны быть обнажены, чтобы вы могли ихъ увидѣть.

Чувства утонченныя, зажженные жизнью глаза, хватка
мощи воленіе, слои грудного мускула, гибкій спин-
ной хребетъ и шея, мякоть не вялая, соразмѣрныя
руки и ноги,

----- [begin page 35] -----

И еще чудеса тамъ внутри.
Тамъ внутри кровь течетъ.
Та же самая кровь, издревле! та же самая красно-бѣгущая
кровь!
Тамъ, наливаясь, растетъ, водометно мечется сердце, тамъ
всѣ страсти, желанья, достиженія и устремленья,

(Или вы думаете, ихъ нѣтъ здѣсь, такъ какъ о нихъ не
говорятъ въ гостиныхъ и въ залахъ для лекцій?).
Это не только одинъ, лишь одинъ человекъ, это отецъ тѣхъ,
которые будутъ отцами въ свой чередъ,
Въ немъ исходный прыжокъ многочисленныхъ царствъ и бога-
тыхъ республикъ,
Изъ него несчетныя жизни безсмертныя съ несчетными ихъ
воплощеньями и наслажденьями,
Какъ можете знать вы, кто возникнетъ отъ отпрыска его—
отпрыска черезъ столѣтья?

(Отъ кого вы могли бы и сами происходить, кого бы нашли вы, если бъ только могли прослѣдить путь пройденныхъ столѣтій?).

8.

Тѣло женщины на рынкѣ,
Она тоже не только она сама, она изобильная мать матерей,
Она воспріемница тѣхъ, которые выростутъ и будутъ парой
для матерей.

Любили ли вы когда-нибудь тѣло женщины?
Любили ли вы когда-нибудь тѣло мужчины?
Ну увидали ли вы, что они суть въ точности тѣ же для
всѣхъ у всѣхъ народовъ, во всѣ времена, повсюду
на всей землѣ?

Если есть что-нибудь священное, человѣческое тѣло свя-
щенно,

----- [begin page 36] -----

И слава и сладость мужчины—есть знакъ мужской незапят-
нанной зрѣлости,
И въ мужчинѣ и женщинѣ чистое, сильное тѣло съ твер-
дыми фибрами, красивѣй, чѣмъ самое красивое лицо.

Видали ли вы глупца, который испортилъ свое живущее тѣло?
или глупую, которая испортила свое живущее тѣло?
Ибо они не скрываютъ себя, и укрыться не могутъ.

9.

О, мое тѣло! я не рѣшаюсь оставить твои подобія въ дру-
гихъ мужчинахъ и женщинахъ, ни оставить подобья
твоихъ частей,
Я вѣрю, твои подобія будутъ стоять или падать съ твердостью
или паденьемъ подобій души, (и что они суть душа,
Я вѣрю, подобья твои будутъ стоять или падать вмѣстѣ съ
моими поэмами, и что они суть мои поэмы,
Поэмы мужчины, женщины, ребенка, юноши, жены, мужа,
матери, отца, юнаго мужа, и юной жены,
Голова, шея, волосы, уши, сережки ушей, барабанная ихъ
перепонка,
Глаза, бахрома рѣсницъ, радужная оболочка глаза, брови,
пробужденіе вѣкъ, ихъ дремота,
Ротъ, языкъ, губы, зубы, небо, челюсти, скрѣпы ихъ,
Носъ, ноздри, и перемычка,
Щеки, виски, лобъ, подбородокъ, горло, затылокъ, и шей-
ная ось,
Сильныя плечи, мужская борода, плечевая кость, задняя
часть плеча, и широкій уклонъ боковой въ грудной
полости,
Верхняя часть руки, подмышки, локтевая впадина, нижняя
часть руки, ручные мускулы, кости ручныя,

Кисти и суставы кистей, рука и ладонь, суставы пальцевъ,
большой палець, указательный палець, смычки
пальцевъ, и ногти,

----- [begin page 37] -----

Широкая грудь, завитки волосковъ на груди, грудная кость,
стороны груди,
Ребра, животъ, позвоночникъ, суставы спинного хребта,
Бедрa, впадины бедръ, сила бедръ, округлость внутри и
снаружи, мужскіе шары, мужской корень,
Сильная ставка берцовыхъ костей, твердо держащая тѣло
вверху,
Мускулы ногъ, колѣна, колѣнная чашка, верхняя часть
ноги, нижняя часть ноги,
Лодыжки, подъемъ, ступня, пальцы, суставы ножные, и пятка;
Всѣ положенія, всѣ очертанья, всѣ принадлежности моего
или вашего тѣла, или чьего бы то ни было, муж-
ского ли, женскаго ли,
Губки легкихъ, мѣшокъ желудка, внутренности нѣжныя и
чистыя,
Мозгъ въ своихъ развѣтвленьяхъ внутри черепного сруба,
Сочувствія, клапаны сердца, затворки нѣбныя, полъ, мате-
ринство,
Женственность, все, что есть женщина и мужчина, который
приходить изъ женщины,
Матка, груди, соски, молоко грудное, слезы, смѣхъ, плачь,
любовные взгляды, смущенія любовныя и возставанья,
Голось, членораздѣльность рѣчи, рѣчь, шопоть и громкій
крикъ,
Пища, питье, пульсъ, перевариванье, испарина, сонъ, ходь-
ба, плаванье,
Равновѣсье на бедрахъ, скачекъ, и уклонность, объятье,
изгибность руки, и сжиманье;
Непрерывность измѣненій въ изогнутой линіи рта, и вокругъ
глазь,
Кожа, загаръ, веснушки, и волосы,
Любопытность влеченья, коорое чувствуетъ кто-нибудь, если
рукой онъ коснется до голаго тѣла,
Круговыя рѣки дыханья, дыханіе внутри и во внѣ,
Красота поясницы, и отсюда бедръ, и отчюда внизъ къ
колѣнамъ,

----- [begin page 38] -----

Тонкій красный сгущенный сокъ внутри васъ или во мнѣ,
кости и мозгъ въ костяхъ,
Осуществленье здоровья изысканное;
О, я говорю, это не только части и поэмы тѣла, но и души,
О, я теперь говорю, они суть душа!

ЖЕНЩИНА ЖДЕТЪ МЕНЯ.

Женщина ждёт меня, все содержитъ въ себѣ она, тѣтъ ни
въ чемъ недостатка,
Но былъ бы во всемъ недостатокъ, когда недоставалъ бы полъ,
или когда недоставала бы влажность истаго мужчины.

Полъ содержитъ все, тѣла и души,
Намѣренія, доводы, утонченности, нѣжность, обнародованья,
Велѣнья, пѣсни, гордость, и здоровье, и тайну материнства,
млеко сѣменное,
Всѣ чаянья, благотворенья, дарованья, всѣ страсти, всѣ
любви, красоты, наслажденія Земли,
Правительства, судей, боговъ, всѣхъ тѣхъ земныхъ, за
къмъ идутъ вослѣдъ,
Ихъ всѣхъ въ себѣ содержитъ полъ, какъ части самого
себя, какъ оправданья самого себя.

Тотъ человѣкъ, который мнѣ желаненъ, не чувствуя стыда,
въ себѣ—и признаетъ и знаетъ очарованье пола своего,
Та женщина, что мнѣ желанна, безъ стыда, и признаетъ и
знаетъ сладость пола своего.

Себя я нынѣ отпускаю отъ безстрасныхъ женщинъ,
Иди и буду съ той, что ждётъ меня, и съ тѣми женщинами,
чья кровь тепла, и кто мнѣ соотвѣтственъ для утоленья,
Я вижу, что онѣ понимаютъ меня, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ
отказа,

----- [begin page 39] -----

Я вижу, что онѣ достойны меня,
Я буду сильнымъ мужемъ этихъ женщинъ.

Ни на юту не меньше онѣ, чѣмъ я,
У нихъ загорѣло лицо, отъ сіяющихъ солнць и отъ вѣющихъ
вихрей,
Въ ихъ тѣлѣ старинная гибкость, божественность силы и
гибкости,
Онѣ умѣютъ плавать, грести, ѣздить верхомъ,—и бороться,
бѣгать, стрѣлять, биться, идти въ отступленье, идти
въ наступленье, не уступать, защищаться,
Въ собственномъ правѣ своемъ ультиматумъ умѣютъ поста-
вить—ясны, спокойны онѣ, и достойно собою владѣютъ.
Я близко къ себѣ привлекаю васъ, женщины,

Я васъ не могу отпустить, я хочу вамъ доброе сдѣлать,
Я для васъ, а вы для меня, не только для вашего блага,
но и для блага другихъ,
Въ васъ сокрытыми дремлютъ герои и барды сильнѣе,
Они не хотятъ пробудиться отъ касанья другого мужчины,
и ждутъ меня.
Это я, о, женщины, я, пролагаю себѣ дорогу,

Я суровъ, я рѣзокъ, широко, отсовѣтовать мнѣ невозможно,
но я васъ люблю,
Я не раню васъ больше, чѣмъ это необходимо для васъ,
Вещество изливаю я, чтобъ возникли сыны и дочери, при-
годныя этимъ странамъ, медленнымъ грубымъ
мускуломъ я нажимаю,
Я скрѣпляю себя достожджно, согласно съ цѣлью, ника-
кимъ не внемлю мольбамъ,
Отойти не дерзаю, пока не вложилъ не храненье то, что
такъ долго въ себѣ накоплялъ.

Чрезъ васъ я даю сбѣжать запруженнымъ рекамъ самого себя,
Въ васъ я закутываю тысячу будущихъ лѣтъ,
Я къ вамъ прививаю прививки тѣхъ, кто мною любимъ
и Америкой,

----- [begin page 40] -----

Капли, что я проливаю на васъ, возрастуть горячими, силь-
ными дѣвушками, новые встанутъ изъ нихъ пѣвцы,
музыканты, художники,
Дѣти, которыхъ отъ васъ я рожу, дѣтей породятъ въ свою
очередь,
Я хочу совершенныхъ мужчинъ и женщинъ изъ моихъ расто-
ченій любовныхъ,
Я буду ждать, чтобъ они, смѣшавшись, прониклись другими,
какъ вы проникаетесь мною, я вами,
смѣшавшись теперь,
Я буду плодовъ ожидать отъ ихъ ливней, отъ ихъ дождей,
какъ я ожидаю плодовъ отъ ливней, что вамъ я даю,
Я буду глядѣть, что, растутъ ли любовныя нивы отъ рожде-
нія, жизни, сметри, безсмертія, которыя такъ
я любовно засѣваю теперь.

Я САМОПРОИЗВОЛЬНЫЙ.

Я самопроизвольный, Природа,
Чарующій день, восходящее Солнце, другъ, съ которымъ
я счастливъ,
Рука, которую другъ положилъ небрежно на плечо мое,
Холмъ побѣлѣвшій отъ цвѣта горнаго ясеня,
Тотъ же вечеръ осенній, красныя краски, и желтыя, краски
темнаго цвѣта, пурпурныя, свѣтлыя, темно-зеленыя,
Богатый покровъ муравы, животныя, птицы, владѣніе частное,
берегъ никѣмъ не воздѣланный, первобытныя
яблони, камешки,
Обрывки, одинъ за другимъ красиво идущіе, словно капля
за каплей, небрежно составленный списокъ вещей, по
мѣрѣ того, какъ они одна за другою встаютъ предо
мною или я о нихъ думаю,
Поэмы дѣйствительныя, (ибо то, что зовемъ мы поэмами,
суть лишь картины),

Поэмы глубоких тайн, сокровенностей ночи, и людей, что
подобны мнѣ,
Эта поэма, незримая, робкая, томная, что ношу я всегда
въ себѣ, и всѣ люди носятъ,
(Узнайте разъ навсегда, признание умышленно-явное, гдѣ бѣ
ни были люди, подобные мнѣ, сильныя наши
поэмы, которыя прячутся),
Любовныя мысли, любовный сокъ, запахъ любви, отдача
любовная, цѣплянья любовныя, осторожный
любовный подкопъ,
Любовныя руки, объята, любовныя губы, фаллическій палецъ
любви, груди любви, животы, которые тѣсно
прижаты любовью и клеены,
Земля любви цѣломудренной, жизнь, что есть жизнь только
послѣ любви,
Тѣло любви моей, тѣло женщины той, что люблю я, тѣло
мужчины, тѣло земли,
Нѣжный вѣтеръ, что вѣетъ тихонько съ Юго-Запада передъ
полуднемъ,
Пчела мохнатая, дикая, которая въ страстномъ желаньи
жужжить и вѣетъ то вверхъ, то внизъ, хватается
раскрывшійся женскій цвѣтокъ, на немъ искривляется,
тврдо держа ногами любовными, и дѣлаетъ то, что
ей хочется, и держится плотно и трепетно, пока не
насытится;
Свѣжесть лѣсовъ на зарѣ,
Двое уснувшихъ ночью, лежащіе тѣсно вмѣстѣ, одинъ съ
устремленною наискось внизъ рукой, обнимающей за
поясницу другого,
Запахъ яблокъ, и сладостный духъ шалфея раздавленнаго,
мяты, березы,
Томленія страстныя юноши, то, какъ горитъ онъ и какъ
прижимается, когда говорить свою исповѣдь мнѣ
о томъ, что онъ видѣлъ во снѣ,
Кружащійся мертвый листъ въ винтообразномъ круженьи,
къ землѣ упاداющій, павшій и все же довольный,

Ужалы, еще не возникшіе, которыми жалятъ меня зрѣлица,
люди, предметы,
Застрявшее жало меня самого, которое жалитъ меня такъ
сильно, какъ только способно ужалить
другое, какое бѣ то ни было,
Нѣжная чувственность шарообразныхъ закутанныхъ братьевъ,
лишь избраннымъ щупальцамъ можно узнать, гдѣ они,
Блуждающій духъ-любопытникъ, рука, что блуждаетъ по
тѣлу всему, стыдливая жимка-сжиманіе тѣла въ томъ
мѣстѣ, гдѣ пальцы ласкательно медлятъ и вотъ за-
остряются,
Свѣтлая чистая жидкость въ юношѣ,
Пыткой объятая ѣдкость, такая задумчивая и мучительная,

Боль и недугъ, раздражительно-сильный приливъ, что быть
не желаетъ въ покоѣ,
То же въ себѣ я чувствую, то же въ другихъ ощущаю,
Юноша пышетъ и пышетъ, и юная женщина пышетъ и пышетъ,
Юноша поздною ночью не спитъ, и горячая хочетъ рука
подавить то, что имъ овладѣть бы хотѣло,
Мистически-жарко-любовная ночь, странныя пытки на поло-
вину-желанныя, видѣнья, испарина,
Пульсъ, который насильственно бьется черезъ ладони, и
трепетно пальцы объемлетъ, и юноша краской горитъ,
зарумянился, стыдно ему, и сердить онъ;
Влажныя брызги на мнѣ любовника-моря, межъ тѣмъ какъ
лежу я, нагой и хотящій,
Забава дѣтей-близнецовъ, что подъ солнцемъ ползутъ по
травѣ, межъ тѣмъ какъ мать ни на мигъ зоркихъ
глазъ отъ нихъ не отниметь,
Стволь орѣшника, шелуха скорлупъ, и зрѣющіе и созрѣвшіе
орѣхи овально-округлые,
Цѣломудріе травъ, и птицъ, и животныхъ,
Какъ слѣдствіе, низость меня, разъ я прячусь и разъ я себя
нахожу непристойнымъ, межъ тѣмъ какъ птицы и
звѣри никогда и ни въ чемъ не прячутся, себя не
находятъ безстыдными,

----- [begin page 43] -----

Чистота, благородство родительства, вровень съ отцовствомъ
чистота материнства,
Клятва рожденья дѣтей, которой я клялся, свѣжія дщери
мои, мои Адамовы дочери,
Жажда, что гложетъ меня ночью и днемъ голоднымъ гры-
зеньемъ, покуда не насыщу я того, что создастъ сыно-
вей, чтобы мѣсто заполнить мое, когда мнѣ конецъ,
Благодѣтельный отдыхъ, цѣлебный покой и довольство,
И эта кисть винограда, что я наудачу сорвалъ съ самого себя,
Она свое дѣло сдѣлала—я бросаю ее беззаботно, пусть тамъ
упадетъ, гдѣ захочетъ.

ОДИНЪ ЧАСЪ БЕЗУМЬЯ И РАДОСТИ.

Одинъ часъ безумья и радости! О, изступленный! Ни умѣряй
меня!
(Что́ это такъ освобождаетъ меня въ этихъ буряхъ?
Что́ означаютъ вскрики мои среди молній и бѣшенныхъ
вѣтровъ?)

О, испить мистическихъ бредовъ глубже, чѣмъ кто бы то
ни было!
О, дикія и нѣжные боли! (Я ихъ вамъ завѣщаю, дѣти мои,
Я ихъ вамъ завѣщаю не безъ причины, о, женихъ и невѣста!)

О, отдаться тебѣ, кто бъ ты ни былъ, и взять тебя мнѣ
отдающуюся вопреки всему міру!
Возвратиться въ Рай! О, стыдливая, женственная!

Привлечь тебя близко къ себѣ, и впервые прижать къ тебѣ
губы мужчины, который рѣшителенъ.

О, смущеніе, трижды завязанный узелъ, глубокой и темный
прудъ, весь свободный и свѣтомъ залитый.

----- [begin page 44] -----

О, умчаться туда, гдѣ наконецъ достаточно мѣста, достаточно
воздуха!
Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и условностей, я отъ
моихъ, и ты отъ твоихъ!
Найти неожиданно лучшее, что есть въ Природѣ, и имъ
наслаждаться небрежно!
Почувствовать ротъ свой свободнымъ, который былъ замкнутъ!
Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то ни было,
я доволенъ собой, я доволенъ!
О что-то, чего не зналъ! Что-то во снѣ заколдованномъ!
Ускользнуть совершенно отъ всякихъ зацѣпокъ чужихъ, отъ
якорей, трюмовъ!
Вольно нестись! Вольно любить! Броситься прямо въ опас-
ность безъ удержу!
Гибель дразнить, звать ее—ну-ка, поди сюда!
Восходить, взлетать къ небесамъ любви, мнѣ назначенной!
Подниматься туда своей опьяненной душой!
Потеряться, разъ это нужно!
Напитать весь остатокъ жизни часомъ, часомъ однимъ пол-
ноты и свободы!
Однимъ короткимъ часомъ безумья и радости!

ИЗЪ ОКЕАНА ТОЛПЫ, ИЗЪ МОРЯ РЕВУЩАГО.

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго, нѣжно дошла до
меня капля одна,
шепчетъ, *Тебя я люблю, чуть время пройдетъ и умру я,*
Долгій путь я прошла, чтобы только взглянуть на тебя,
къ тебе прикоснуться,
Ибо я не могла умереть—на тебя не взглянувъ хоть разъ,
Я боялась, что я иначе быть можетъ тебя потеряю.

Вотъ мы встрѣтились, мы увидались теперь, мы не погibli
Съ миромъ вернись въ Океанъ, любовь моя,

----- [begin page 45] -----

Я тоже вѣдь часть въ Океанѣ этомъ, любовь моя, не такъ
уже мы раздѣльны,

Погляди на округлость великую, на слитность всего, о, какъ
совершенно!
Но что до меня, до тебя, неудержное Море должно разлу-
чать насъ,
На часъ по различнымъ путямъ унося насъ, но не можетъ
оно унести насъ врозь навсегда;
Будь терпѣлива—немножко—ты знаешь, я воздухъ привѣт-
ствую, говорю съ Океаномъ и сушей,
Каждый день на закатѣ Солнца во имя твое, любовь моя.

ЧЕРЕЗЪ ВѢКА И ВѢКА ВОЗВРАЩАЯСЬ ВРЕМЯ ОТЪ ВРЕМЕНИ.

Черезъ вѣка и вѣка возвращаясь время отъ времени,
Неразрушимый, безсмертный въ скитаніяхъ,
Сильный, фаллическій,
Съ первобытными мощными бедрами, безукоризненно нѣжный,
Я пѣвецъ Адамовыхъ пѣсень,
Въ новомъ саду Запада, въ большихъ городахъ взывая,
Безумствую, брежу, предшествую такъ тому, что рождается,
Предлагая ихъ, въ молитвенномъ этомъ служеніи, предлагая себя,
Купая себя, пѣсни моя купая въ ѣ области Пола,
Порожденія бедеръ моихъ.

----- [begin page 46] -----

МЫ ДВОЕ, КАКЪ ДОЛГО МЫ БЫЛИ ОБМАНУТЫ.

Мы двое, какъ долго мы были обмануты, да, одурачены,
Теперь, претворенные, мы ускользаемъ быстро, какъ усколь-
заетъ Природа,
Мы—Природа, мы долго были въ отсутствіи, но теперь воз-
вращаемся,
Мы становимся теперь растеньями, стволами, листвою, кор-
нями, корою,
Мы въ почвѣ лежимъ, какъ въ постели, мы скалы,
Мы дубы, мы растемъ въ расщелинахъ, другъ возлѣ друга,
Мы пасемся, мы двое средь дикихъ стадъ, какъ любой— не-
посредственны,
Мы двѣ рыбы, плывущія въ Морѣ вмѣстѣ,
Мы цвѣты рожкового дерева, мы роняемъ нашъ ароматъ
надъ тропинками утромъ и вечеромъ,
Мы также грубая грязь—безстыдство звѣрей, растений, камней,
Мы два хищные ястреба, мы паримъ высоко и смотримъ внизъ,
Мы два лучезарныя солнца, это мы, что такъ въ равновѣсьи
качаемся,
Сферическіе и звѣздные, это мы, мы какъ двѣ кометы,
Четвероногіе, въ чащѣ лѣсной мы бродимъ съ своими клы-
ками, настигаемъ добычу прыжкомъ,
Мы два облака утра и вечера, плывущія тамъ высоко,
Мы два смѣшавшіяся моря, мы двѣ изъ веселыхъ тѣхъ
волнъ, что одна забѣжитъ на другую, и обѣ
другъ друга омочатъ,

Мы то же, что атмосфера, прозрачные, воспринимающие,
проницаемые, непроницаемые,
Мы снѣгъ, дождь, холодъ, и мракъ, мы каждый созданье,
вліяніе этого Шара,
Мы кружились, кружились, пока не вернулись опять домой,
мы двое,
Мы все опорожнили, сдѣлали все недѣйствительнымъ, кромѣ
свободы, и нашей собственной радости.

----- [begin page 47] -----

О, БРАКЪ! О, БРАЧНЫЙ ВОСТОРГЪ!

О, бракъ! О, брачный восторгъ! зачѣмъ ты терзаешь меня,
подвергаешь мученіямъ Тантала?
О, зачѣмъ ты жалишь меня на одинъ только быстрый мигъ?
Зачѣмъ мы не можешь длиться? Зачѣмъ ты теперь пересталъ?
Или затѣмъ, что, если бъ ты длился нѣсколько больше,
Чѣмъ одинъ только быстрый мигъ, ты вскорѣ меня бы убилъ?

Я ТОТЪ, КТО БОЛѢЕТЪ ЛЮБОВЬЮ.

Я тотъ, кто болѣетъ любовной любовью;
Вѣдь Земля тяготѣетъ! и развѣ все вещество, болѣнье, не
привлекаетъ все вещество?
Такъ и тѣло мое—ко всему, что я знаю и что я встрѣчаю.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ МИГИ.

Естественные миги—когда на меня вы находите—а, вотъ вы
здѣсь какъ разъ,
Дайте теперь мнѣ лишь чувственныхъ радостей,
Дайте мнѣ все упоенье страстей моихъ, дайте мнѣ грубую
жизнь и роскошную,
Сегодня я буду союзникъ любимцевъ Природы, и ночью
сегодняшней тоже,
Я за тѣхъ, кто вѣрится въ восторги несдержанные, я въ пол-
ночныхъ участвую оргіяхъ юныхъ людей,
Я танцую съ танцующими, и съ пьющими пью,
Эхо намъ кличетъ въ отвѣтъ на непристойные возгласы наши,
Я подцѣпилъ забулдыгу какого-то, онъ мнѣ теперь закадыч-
ный другъ,

----- [begin page 48] -----

Пусть беззаконникъ онъ, да, пусть безграмотный, грубый,
пусть онъ осужденъ другими за то, что онъ сдѣлалъ,
Роли я больше не буду играть, зачѣмъ удалять мнѣ себя
отъ своихъ сотоварищей?

О, вы, отъ кого сторонятыся, по крайней мѣрѣ хотъ я не
сторонюсь отъ васъ,
Я иду прямо въ вашу среду, я буду вашимъ поэтомъ,
Я буду больше для васъ, чѣмъ для кого бы то ни было.

Я ПРОХОДИЛЪ КОГДА-ТО ПО ЛЮДНОМУ ГОРОДУ.

Я проходилъ когда-то по людному городу, впечатлѣвая въ
моемъ мозгу для будущихъ цѣлей всѣ его зрѣлища,
зданья, преданья, обычаи,
Но теперь изъ всего того города я помню одну только жен-
щину, которую встрѣтилъ случайно, и она задержала
меня, изъ любви ка мнѣ,
День за днемъ, ночь за ночью, были мы вмѣстѣ—все другое
забыто мною давно,
Повторяю, я помню одну лишь ту женщину, которая страстно
ко мнѣ прилѣпилась,
Мы снова блуждаемъ, мы любимъ, опять разлучаемся,
И снова она меня за руку держать, не нужно, чтобъ я уходилъ,
Я вижу ее предъ собою такъ близко, безмолвную, грустную,
трепетную.

Я ВАСЪ СЛЫШАЛЪ, ТОРЖЕСТВЕННО-НѢЖНЫЯ ТРУБЫ ОРГАНА.

Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа, когда
въ воскресенье послѣднее утромъ я шель
мимо церкви,
Осенніе вѣтры, когда я гулялъ въ сумерки въ чащѣ лѣсной,
я слышалъ протяжные скорбные ваши вздохи
между вершинъ,

----- [begin page 49] -----

Я слышалъ чудеснаго тенора, Итальянскаго тенора въ оперѣ,
я слышалъ сопрано въ квартетѣ;
Сердце любви моей! также тебя я слышалъ, какъ черезъ
руку тихонько шептала ты, сквозь одну изъ кистей,
охватившихъ меня вокругъ моей головы,
Слышалъ біеніе крови твоей, межъ тѣмъ какъ подъ ухомъ
моимъ этой прошлой ночью, колокольчиковъ
маленькихъ звонъ не смолкая звенѣлъ.

ЛИЦОМЪ ОБРАТИВШИСЬ НА ЗАПАДЪ ОТЪ БЕРЕГОВЪ КАЛИФОРНИИ.

Лицомъ обратившись на Западъ отъ береговъ Калифорніи,
Вопрошающій, неутомимый, того, что еще не найдено, ищущій,
Я, ребенокъ, престарый, я надъ волнами, къ очагу материн-
ства, къ странѣ скитаній, гляжу далеко,
Смотрю съ береговъ моего родного Западнаго моря, почти
что очерченъ кругъ,
Ибо въ путь устремившись на Западъ отъ Индустана, отъ
долинъ Кашемира,
Отъ Азіи, отъ Сѣвера, отъ Бога, мудрецъ, и герой,

Отъ Юга, отъ цвѣтущихъ полуострововъ и пряныхъ остро-
Много съ тѣхъ поръ переживши скитаній, скитавшись во-
кругъ Земли,
Нынѣ лицомъ я опять обратился къ дому, весьма довольный
и радостный,
(Но гдѣ же то, для чего я отправился въ путь такъ давно,
такъ давно уже?
И почему же оно до сихъ поръ такъ и не найдено?)

----- [begin page 50] -----

КАКЪ АДАМЪ РАННИМЪ УТРОМЪ.

Какъ Адамъ раннимъ утромъ,
Выхожу изъ ночной я бесѣдки, освѣженный сномъ,
Глядите, какъ я прохожу, услышите мой голосъ, приблизьтесь,
Прикоснитесь ко мнѣ, прикоснитесь ладонью руки
До тѣла, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тѣло мое.

----- [begin page 51] -----

ТРОСТНИКЪ.

----- [begin page 52] -----

----- [begin page 53] -----

ДУШИСТЫЯ ТРАВЫ МОЕЙ ГРУДИ.

Душистыя травы моей груди,
Я съ васъ собираю листы, я пишу, чтобъ потомъ перечестъ
изъ нихъ лучшіе,
Могильные листья, тѣлесные листья, растущіе выше меня,
выше смерти,
Вѣковые корни, высокіе побѣги, зима не заморозитъ вашихъ
тонкихъ листовъ,
Каждый годъ вы опять расцвѣтете, откуда вы удалились,
тамъ вы опять возникнете;

О, не знаю, многіе ли проходящіе васъ запримѣтять, или
вдохнуть слабый вашъ ароматъ, но я въ немногихъ
увѣренъ;
О, легкіе листья! О, расцвѣты крови моей! Я вамъ позво-
ляю вашимъ собственнымъ образомъ о сердцѣ томъ говорить,
что подъ вами,
О, не знаю что вы тутъ означаете подъ вами самими, вы
не есть счастье,
Вы нерѣдко есть нѣчто болѣе горькое, чѣмъ я могу выне-
сти, вы жжете меня и колете,
Но вы для меня красивы, корни съ слабой окраской, вы меня
заставляете думать о смерти,
Смерть красива отъ васъ, (что же въ концѣ концовъ на са-
момъ дѣлѣ красиво, какъ не смерть и любовь?),
О, я думаю, не во имя жизни я пою здѣсь свою пѣснь лю-
бящихъ, я думаю, это во имя смерти,
Ибо какъ спокойно и какъ торжественно возростаетъ она,
дабы достигнуть воздуха любящихъ,
Что жъ, мнѣ все равно, смерть или жизнь, душа моя пред-
почтеній не хочетъ,
(Я не увѣренъ, не привѣтствуетъ ли высокая душа любя-
щихъ смерть наиболѣе),
По истинѣ, смерть, я думаю, что эти листы разумѣютъ какъ
разъ то же самое, что разумѣешь ты,

----- [begin page 54] -----

Ростите же выше, побѣги плѣнительные, чтобы могъ я уви-
дѣть! растите изъ груди моей!
Возникайте изъ скрытаго сердца внутри!
Не прячьтесь такъ въ вашихъ корняхъ гвоздично - окрашен-
ныхъ, листы боязливые!
Не оставайтесь внизу столь пристыженными, травы моей
груди!
Придите, я твердо рѣшилъ обнажить широкую грудь мою,
довольно, довольно я задыхался и чувствовалъ,
какъ мнѣ душно;
Эмблематическія и капризные травы, я васъ оставляю, те-
перь вы не нужны мнѣ,
Я скажу, что хочу сказать, само собой,
Я возношу своей пѣсней себя самого и товарищей только,
никогда уже больше не возглашу никакого
зова иного, только ихъ зовъ,
Я подниму имъ безсмертные отсвѣты-отклики черезъ эти
Страны,
Я дамъ по всѣмъ этимъ Странамъ примѣръ для любящихъ,
чтобъ принять постоянную волю и четкія формы,
Черезъ меня слова будутъ сказаны, что сдѣлаютъ смерть ве-
селящей,
Дай же мнѣ тонъ свой, о, смерть, чтобы я могъ съ нимъ
быть согласующимся,
Дай мнѣ себя, ибо вижу, что ты надлежишь мнѣ теперь
превыше всего, и неразрывно вмѣстѣ слились вы
объ, ты, смерть, и любовь,
И не позволю я больше вамъ меня обманывать тѣмъ, что
называлъ я жизнью,

Ибо теперь мнѣ дано понять, что вы суть задачи суще-
ственных,
Что вы прячетесь въ этихъ изменчивыхъ формахъ жизни,
по причинамъ достаточнымъ, и что они главнымъ
образомъ существуютъ для васъ,
Что вы идете за грани ихъ, выходите, чтобы остаться, ре-
альность реальная,

----- [begin page 55] -----

Что за масками всѣхъ матерьяловъ вы терпѣливо ждете,
сколько бы ни было времени,
Что будетъ быть можетъ день, когда вы будете всѣмъ за-
вѣдывать,
Что можетъ быть вы разсѣете все зрѣлище видимости,
Что можетъ быть все это есть для васъ, но это длится недолго,
Вы же будете длиться и длиться.

ДЛЯ ТЕБЯ, О, ДЕМОКРАТИЯ.

Сюда, я создамъ материкъ неразрывный,
Я создамъ самый блестящій народъ, на какой когда-либо
солнце сіяло,
Я создамъ магнетически-дивныя страны,
Любовью товарищей,
На жизнь—любовью товарищей.

Я насажду товарищество густое, какъ чаща деревьевъ вдоль
теченія рѣкъ Америки, и вдоль береговъ великихъ
озеръ, и по всѣмъ неоглядностямъ прерій,
Я создамъ города неразлучные съ ихъ руками, объявшими
каждую шею,
Силой любви товарищей,
Мужскою любовью товарищей.

Для тебя отъ меня они, о, Демократія, чтобы служить тебѣ,
о, жена моя.
Для тебя, для тебя они всѣ, эти пѣсни звенящія.

ОСНОВА ВСѢХЪ МЕТАФИЗИКЪ.

Ну-съ, государи мои, а теперь я скажу вамъ
Слово, которому въ памяти нужно остаться,
Слово, въ которомъ основа для всѣхъ метафизикъ.

----- [begin page 56] -----

(Такъ говорить предъ студентами старый профессоръ,
Курсъ заключая, который весьма посѣщался.)

Древнія всѣ изучивши и новыя также системы,
Греческихъ всѣхъ мудрецовъ, и философовъ также Герман-
скихъ,
Канта вполне разсмотревъ, Шеллинга, Гегеля, Фихте,
Знание Платона, Сократа, который превыше Платона,
Мудрость божественныхъ словъ Христа, что прекраснѣй Со-
крата,
Вижу я въ памяти нынѣ системы Германцевъ и Грековъ,
Вижу философовъ всѣхъ, Христіанскія цѣркви и вѣры,
Но за Сократомъ я вижу, за ликомъ Христовымъ, я вижу
Нѣжность любви чѣловека къ собрату людскому,
Вижу привязанность друга къ любимому другу,
Вижу согласно-вѣнчанныхъ супруга съ супругой,
Вижу дѣтей и родителей, связанныхъ нѣжной любовью,
Съ городомъ городъ въ союзѣ, страну со странюю.

ВЫ НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ КО МНѢ ПРИВЛЕЧЕННЫЙ?

Вы новый человекъ ко мнѣ привлеченный?
Начну съ предупрежденья, я конечно далеко отъ того, за
кого вы меня считаете;
Вамъ кажется, будто во мнѣ вы найдете вашъ идеаль?
Вы думаете, это такъ легко, чтобъ я сдѣлался вашимъ лю-
бовникомъ?
Вы думаете, что дружба моя утоленіемъ будетъ безъ примѣси?
Вы думаете, что я надежный и вѣрный?
Вы не видите дальше, чѣмъ этотъ фасадъ, эта мягкость и
эта терпимость моего обращенья?
Кажется вамъ, что вы приближаетесь по твердой и вѣрной
почвѣ къ герою по истинѣ подлинному?
И въ мысль къ вамъ не возшло, о, сновидецъ, что можетъ
быть все это майя, иллюзія?

КАПАЙТЕ, КАПЛИ.

Капайте, капли! оставляйте вены мои голубыя!
О, капли меня! медленныя капли сочитесь!
Чистосердечно отъ меня отпадая, капайте, капли кровавыя,
Изъ ранъ нанесенныхъ, чтобъ волю вамъ дать, на волю
изъ плѣна васъ выпустить,
Изъ лица моего, изо лба моего и губъ,
Изъ груди моей, изнутри, гдѣ я былъ сокрытъ, вытѣсней-
тесь, красныя капли, исповѣдальныя капли,
Запятняйте страницу каждую, запятняйте каждую пѣсню, ко-
торую я пою, кровавыя капли,
Дайте узнать имъ вашъ алыи жаръ, дайте блистать имъ,
Насытите ихъ вами, стыдными, мокрыми,
Сіяйте надъ всѣмъ, что я написалъ или что еще напишу,
кровавыя капли,
Въ нашемъ свѣтѣ да будетъ все видно, капли румяно-красныя.

Я СЛЫШУ, МЕНЯ ОБВИНЯЮТЪ.

Я слышу, меня обвиняютъ, что я подрываю основы,
На самомъ же дѣлѣ не противъ основъ я и не за основы,
(Что общаго въ самомъ дѣлѣ съ ними есть у меня? или что
съ разрушеніемъ ихъ?)

Я хочу лишь одно учредить въ и въ городѣ каж-
домъ Соединенныхъ Штатовъ, внутри страны и на морѣ,
На поляхъ и въ лѣсахъ, и надъ каждымъ килемъ большимъ
или малымъ, который бороздитъ воду,
Безъ учрежденій и правилъ, ручательствъ или доказательствъ,
Основу нѣжной любви товарищей.

----- [begin page 58] -----

ВЪ ЭТО МГНОВЕНЬЕ.

Въ это мгновенье, когда я одинъ полонъ мысли и грусти,
Кажется мнѣ, что другіе есть люди тамъ въ странахъ другихъ,
Такъ же, какъ я, одинокіе, полные грусти и мысли,
Кажется мнѣ, что гляжу я и ясно ихъ вижу,
Всюду, въ Германіи, Франціи, или Италіи,
Вижу въ Испаніи, дальше, въ Китаѣ, въ Россіи
Рѣчь ихъ другая, и кажется мнѣ, что, когда бы
Могъ я узнать ихъ, я такъ же бы къ нимъ привязался,
Какъ я привязанъ къ живущимъ въ краяхъ мнѣ родимыхъ,
Знаю, мы были бы братьями, были бъ друзьями,
Знаю, навѣрно, я счастье бы съ ними узналъ.

МЫ ДВОЕ МАЛЬЧИШЕКЪ.

Мы двое мальчишекъ, другъ къ другу мы льнемъ,
Другъ друга не бросимъ, и вмѣстѣ идемъ,
Направо, налево, на Югъ и на Сѣверъ;
Мы сильны, и локти умѣемъ разставить,
И пальцы умѣемъ сжимать,
Оружіе съ нами, и нѣтъ съ нами страха,
Ѣдимъ мы, и пьемъ мы, и спимъ мы, и любимъ,
Одинъ намъ законъ есть, законъ тотъ—мы сами,
Пловцы мы, солдаты, разбойники, воры,
Въ тревогѣ всѣ скряги, вся челядь, попы,
Мы воздухъ вдыхаемъ, пьемъ свѣтлую воду,
Мы пляшемъ на дернѣ зеленомъ и взморьѣ,
Беремъ города, презираемъ покой,
Хохочемъ, смеемся надъ сводомъ уставовъ,
И слабость мы гонимъ,—что нужно, беремъ.

----- [begin page 59] -----

ЗДѢСЬ ЛИСТЫ МОИ САМЫЕ СЛАБЫЕ.

Здѣсь листы мои самые слабые, и однако же самые сильные,
Затѣняю я мысли, скрываю здѣсь, я имъ здѣсь не даю вы-
раженія,
Но они мнѣ даютъ выраженіе, больше всѣхъ моихъ прочихъ
поэмъ.

МОЙ ОБРАЗЪ, ЗЕМЛЯ.

Мой образъ, Земля.
Хоть ты и глядишь такъ безстрастно, обширно, сферично,
Теперь у меня подозрѣнье, что это не все;
Теперь у меня подозрѣнье, что есть въ тебѣ что-то горячее,
Что можетъ прорваться,
Потому что влюблень я въ атлета, въ меня онъ влюблень,
Но къ нему есть во мнѣ что-то страшное, что-горячее,
Что можетъ прорваться,
Я не смѣю объ этомъ въ словахъ рассказать,
Ни даже въ строкахъ этой пѣсни.

МНѢ СНИЛОСЬ ВО СНѢ.

Мнѣ снилось во снѣ, что я вижу невѣдомый городъ,
Непобѣдимый, хотя бъ на него и напали всѣ царства земли.
Снился мнѣ новый городъ друзей,
Самымъ высокимъ тамъ—качество было могучей любви,
Выше—ничто, и за ней все идетъ остальное,
Зрима была она ясно мгновеніе каждое
Въ дѣйствіяхъ жителей этого города,
Въ ихъ взорахъ, во всѣхъ ихъ словахъ.

----- [begin page 60] -----

----- [begin page 61] -----

ПРИВѢТЪ МИРУ.

----- [begin page 62] -----

----- [begin page 63] -----

SALUT AU MONDE.

1.

Возьми мою руку, Уольть Уитманъ.
Какія скользящія дива! какія картины и звуки!
Какія несчетные звенья, одно къ одному, прицѣплено каждое
къ ближнему,
И въ каждомъ отвѣтъ для всего, и каждое землю раздѣляет
со всѣми.
Что ширится въ сердцѣ твоёмъ, Уольть Уитманъ?
Какія тамъ волны и почвы встають?
Что тамъ за климатъ? что тутъ за люди? какіе здѣсь
города?
Какія тутъ дѣти, играютъ одни, задремали другія?
Кто эти дѣвушки? Кто эти жены замужнія?
Что тамъ за группы старыхъ людей, медленно ходятъ,
руками другъ друга обнявши за шею?
Что это здѣсь за рѣки, лѣса, и плоды?
Какъ называются горы, что встали высоко въ туманахъ?
Что тамъ за сотни жилищъ, мириады жилищъ, наполненныхъ
жителями?

2.

Во мнѣ широта расширяется, долгота удлиняется,
Азія, Африка, Европа къ востоку—Америка на западѣ,
Какъ поясь объемля выпуклость земли, вьется горячій экваторъ,
Любопытно на сѣверъ и югъ повернута ось концами,
Во мнѣ самый длинный день, солнце кружится по косвен-
нымъ кольцамъ, не заходитъ въ теченіе месяцевъ,

----- [begin page 64] -----

В должное время во мнѣ простирая полночь, солнце какъ
разъ надъ горизонтомъ встаетъ и заходитъ опять,
Зоны во мнѣ, моря, водопады, лѣса, вулканы и островные группы,
Малэзія и Полинезія, и великіе острова Вестъиндскіе.

3.

Что ты слышишь, Уольть Уитманъ?
Я слышу, какъ поетъ рабочій, поетъ жена фермера,
Я слышу, тамъ въ отдаленіи, звуки дѣтей и животныхъ
раннимъ утромъ,
Я слышу, кричатъ, подбодряя другъ друга, Австралійцы въ
погонѣ за дикою лошадейю,
Я слышу Испанскую пляску, звучатъ кастаньеты въ тѣни
подъ каштанами, скрипка звучитъ и гитара,
Слышу я долгіе отзвуки эхо, звучаціе съ Темзы,
Слышу свирѣпыя пѣсни, Французскія пѣсни свободы,
Слышу я, какъ Итальянскій яличникъ речитативомъ поетъ,
повторяя поэмы старинныя,
Слышу я въ Сирии шумъ саранчи, межъ тѣмъ какъ дождемъ
изъ туч своихъ страшныхъ о травы
она ударяетъ, въ хлѣба низвергается,

Слышу я Коптскій припѣвъ, на закатѣ, задумчиво падаетъ
онъ на лоно отца почитаемаго, обширнаго
темнаго Нила,
Слышу я крикъ понукающей, то погонщикъ муловъ Мекси-
канскій, и на мулъ звучать колокольчики,
Слышу я, какъ муэзинъ Арабскій бросаетъ свой кличъ съ
высоты мечети,
Слышу я Христіанскихъ священниковъ у алтарей ихъ церквей,
слышу отвѣтный басъ и сопрано,
Слышу я крикъ Казаковъ, и голосъ пловца, поплывшаго
въ море Охотское,
Слышу я свистъ за спиною рабовъ, межъ темъ какъ угрюмыми
группами идутъ они по-двое, по-трое, скрѣпленные
вмѣстѣ цѣпями, съ рукою рука и съ ногою нога,

----- [begin page 65] -----

Слышу я, какъ Евреи читаютъ свои псалмы и лѣтописи,
Слышу размѣрные миѣи Грековъ, и легенды сильныя Римлянъ,
Слышу рассказъ о божественной жизни и смерти кровавой
красиваго Бога Христа,
Слышу, какъ учить Индусъ любимаго ученика войнамъ,
любвямъ, поговоркамъ, дошедшимъ сохранно
до этого дня отъ поэтовъ, слагавшихъ три
тысячи лѣтъ назадъ.

4.

Что ты видишь, Уольтъ Уитман?
Кто тѣ, кого ты привѣтствуешь, одного за другимъ привѣт-
ствуешь?
Я вижу, великое круглое чудо катится черезъ пространство,
Я вижу, вдали, въ уменьшеньи, фермы, деревни, руины,
кладбища, тюрьмы, конторы торговыя, дворцы и
лачуги, хижины дикихъ, шатры кочевниковъ,
вижу я все это тамъ на поверхности,
Я вижу часть тѣневую, съ одной стороны, гдѣ спящіе спятъ,
и свѣтлую часть, озаренную солнцемъ, съ другой
стороны,
Я вижу съ большимъ любопытствомъ, быстрюю смѣну свѣта
и тени,
Я вижу далекія страны, такъ близко, дѣйствительно, такъ
приближенно къ ихъ жителямъ, какъ мнѣ близка
моя родина.
Я вижу обильныя воды,
Я вижу горные пики, я вижу сіэрры Андъ, гдѣ они въ ряды
размѣстились,
Гималаи вижу я четко, Тянь-Шань, Алтай, и Гхаутъ,
Я вижу гигантскія башни Эльбруса, Казбека, Базарджуоси,
Я вижу Штирійскія Альпы, Карнакскія Альпы,
Я вижу Пиренеи, Балканы, Карпаты, а къ сѣверу Доврэффель,
и въ морѣ горную Геклу,

----- [begin page 66] -----

Я вижу Везувій и Этну, Лунныя горы и Красныя горы
Мадагаскара,
Я вижу пустыни Аравіи, Ливіи, Азіи,
Я вижу огромныя страшныя лдяныя горы Полярныя и
Предполярныя,
Я вижу всѣ океаны, верхніе вижу и нижніе, Атлантическій,
Тихій, Мексиканское море, Бразильское и
Перуанское,
Индустанскія воды, Китайское море, Гвинейскій заливъ,
Японскія воды, красивый заливъ Нагасаки, сушей замкнутый
среди горъ,
Балтійскій просторъ, и Каспійскій, Ботническій, берега Бри-
танскія, дальше Бискайскаго заливъ,
Средиземное море, залитое солнцемъ, острова къ островамъ,
Бѣлое море, и море вокруг Гренландіи.

Я гляжу на моряковъ міра,
Въ штормѣ одни, но въ ночи другіе слѣдятъ на дозорѣ,
Третьихъ, безпомощныхъ, носить по морю, а эти въ зараз-
ныхъ болезняхъ.
Я гляжу на суда, на паруса міра,
Въ гроздьяхъ иные, въ портахъ, другіе въ своихъ скитаніяхъ,
Вонъ, огибаютъ Мысь Буръ, другіе же — Мысь Зеленый,
иные же Мысь Гвардарфуй, Мысь Бонъ и мысь
Бахадоръ,
Иные проходятъ близъ Дондры, иные же въ Зундскомъ про-
ливѣ, иные же Мысь Лопатки, иные Беринговъ
проливъ,
Иные мысь Горнъ, а иные плывутъ въ Мексиканскій заливъ,
вдоль Кубы или Гаити, въ Гудсоновъ, въ Баф-
финскій заливъ,
Близъ Довера эти проходятъ, въ Уашъ входятъ другіе, а эти
въ Сольвей, огибаютъ мысь Ясный, Край Суши
обходятъ вонъ тѣ,
Вонъ тѣ черезъ Зюдеръ-Зе, черезъ Шельду свой путь со-
Авершаютъ,

----- [begin page 67] -----

А тѣ въ Гибралтаръ приходятъ, въ Дарданеллы, изъ нихъ
уходятъ,
Иные мрачно свой путь чрезъ зимнія воды свершаютъ,
Иные нисходятъ по Оби, по Ленѣ восходятъ легко,
Иные по Нигеру и Конго, по Инду и Брамапутрѣ,
Иные въ Камбоджѣ, а эти—готовы въ Австралію плыть,
Стоять въ Ливерпульѣ, и въ , въ Дублинѣ, или въ
Марселѣ, въ Неаполѣ и въ Лиссабонѣ, и въ
Гамбургѣ, въ Бременѣ, въ Гагѣ, въ Бордо, въ Копенгагенѣ, всюду,
въ Вальпараисо стоятъ, въ Панамѣ и въ Рио-Жанейро.

Я вижу рельсы земли, я вижу дороги желѣзныя,
Въ Великобританіи вижу ихъ, вижу ихъ также въ Европѣ,
Я вижу ихъ въ Азіи, въ Африкѣ.
Электрической вижу я путь, телеграфы земли,
Нити извѣстій, войны, смертей, потерь, приобретений, стра-
стей моей расы,
Вижу я полосы рѣкъ земли,
Вижу я Амазонку и Парагвай,
Вижу я четыре великихъ рѣки Китая, Амуръ, Желторѣчь,
Янгъ-Тзе и Жемчужную,
Вижу я Сену, Дунай и Луару, Рону, Гвадалквивиръ,
Вижу излучины Волги, Днѣпръ и Одеръ,
Я вижу Тоскану вдоль Арно, Венеціи край вдоль По,
Вижу я Грековъ, которые плывутъ изъ Эгейской бухты.

6.

Вижу я мѣсто, гдѣ было древнее царство Ассиріи, царство
Персіи, Индіи,
Я вижу паденіе Ганга на высокой край Саукары.

----- [begin page 68] -----

Вижу я мѣсто, гдѣ мысль родилась о Божествѣ, воплощен-
номъ аватарами въ формахъ людскихъ,
Вижу мѣста постепеннаго шествія разныхъ жрецовъ на Зе-
мль, оракуловъ и приносителей жертвы, брами-
новъ, звездопоклонниковъ, ламъ, монаховъ, и муф-
тій, увѣщавателей,
Вижу мѣста, гдѣ друиды бродили по рощамъ Моны, вижу
омелу, вервену,
Вижу я храмы смертей тѣль Боговъ, вижу я древнихъ обо-
значителей.
Вижу Христа, ядущаго хлѣбъ послѣдней вечери, среди
юныхъ и старыхъ людей,
Вижу, гдѣ сильный божественный юноша Геркулесъ необ-
манно работаль, долго трудился и умеръ потомъ,
Вижу я мѣсто невинной богатой жизни и злополучной судь-
бы красиваго сына ночного, полночленнаго Вакха,
Вижу Кнефа, цвѣтущаго, въ голубое одѣтаго, съ короной
изъ перьевъ на своей головѣ,
Вижу Гермеса, на которомъ нѣтъ подозрѣній, умирающаго,
горячо любимаго, говорящаго своему народу: *Не
плачьте обо мнѣ. Это не моя настоящая роди-
на, я былъ изгнанъ изъ моей настоящей страны,
я теперь возвращаюсь туда,*
*Я возвращаюсь въ небесную сферу, куда каждый уйдетъ въ
свою очередь.*

7.

Я вижу поля сраженья Земли, трава растетъ на нихъ, рас-
цвѣты и нивы,
Вижу слѣды древнихъ походовъ и новыхъ,

Безыменные вижу масонства, досточтимыя вѣсти неизвѣстныхъ событій, героевъ, записи этой Земли.

Я вижу мѣста древнихъ саг,

----- [begin page 69] -----

Вижу сосны и ели, измятыя сѣверной бурей и вырванныя,
Гранитные вижу утесы и валуны, зеленые вижу луга и озера,
Вижу надгробные камни на могилахъ Скандинавскихъ воителей,

Вижу я ихъ вознесенными над берегомъ тревожныхъ океановъ,
чтобы души умершихъ людей, когда утомятся своею спокойной могилой,
встали сквозь холмъ, и смотрѣли на волны мятежныя,
и освѣжились бы грозами, безмѣрностью, волей и дѣйствіемъ.

Вижу я степи Азіи,
Вижу Монгольскія насыпи, шатры Калмыковъ и Башкировъ,
Вижу я группы племенъ кочевыхъ со стадами быковъ и коровъ,
Вижу я плоскогорья съ оврагами, джунгли, пустыни,
Вижу я верблюда, дикую лошадь, дрохву, жирнохвостныхъ овецъ,
антилопу и волка, нору вырывающаго.

Вижу я горные страны Абиссиніи,
Вижу стада пасущихся козъ, смоковницу вижу, тамариндъ и финикъ,
Я вижу поля пшеницы, мѣста, гдѣ зелень и золото,
Я вижу вакеро Бразиліи,
Я вижу высокую гору Сорату въ Боливіи,
Вижу я, Вачо пересѣкаетъ равнины, несравненнаго вижу наѣздника,
лассо онъ держитъ въ рукѣ, чтоб ловить лошадей,
Вижу я, какъ чрезъ пампасы преслѣдуютъ дикій скотъ,
чтобы снять съ него шкуры.

8.

Вижу я области снѣга и льда,
Вижу я остроглазыхъ Самоѣдовъ и Финновъ,
Вижу, ловець тюленей въ лодкѣ намѣтилъ свое копье,
Вижу, какъ Сибирякъ ѣдетъ на легкихъ саняхъ, влекомыхъ собаками,

----- [begin page 70] -----

Вижу охотниковъ я за дельфинами, вижу суда китоловныя
въ Тихомъ Океанѣ, на Югѣ, и въ Атлантическомъ,
на Сѣверѣ,
Вижу я скалы, потоки, долины и глетчеры Швейцаріи,—замѣчаю
долгія зимы и ихъ уединеніе.

9.

Вижу я города Земли, и на удачу самъ становлюсь частью
любого,
Вотъ, Парижанинъ я истый,
Вотъ, я въ Вѣнѣ живу, въ Петербургѣ, въ Берлинѣ, въ
Константинополѣ,
В Аделаидѣ, въ Сиднеѣ, въ Мельбурнѣ,
В Лондонѣ я, въ Манчестерѣ, въ Бристолѣ, въ Эдинбургѣ,
въ Лимерикѣ,
Я въ Мадридѣ, въ Кадисѣ, въ Барселонѣ, въ Опорто, въ
Лионѣ, въ Брюсселѣ, въ Бернѣ, во Франкфуртѣ,
въ Штутгартѣ, въ Туринѣ, во Флоренціи,
Я существую въ Москвѣ, въ Краковѣ, въ Варшавѣ, или на
Сѣверѣ въ Христианіи, или въ Стокгольмѣ, или
въ Сибирскомъ Иркутскѣ, или на одной изъ улицъ
въ Исландіи,
Я нисхожу во всѣ эти города, и возстаю изъ нихъ снова.

10.

Я вижу пары, исходящiе изъ неизслѣдованныхъ странъ,
Я вижу дикiе лики, лукъ и стрѣлу, отломокъ отравленный,
фетишъ, и оби.
Вижу я города, Африканскiе и Азиатскiе,
Вижу Алжиръ, Триполи, Дерна, Могадоръ, Тимбукту, Монровію,
Вижу кишашіе рои Пекина, Кантона, Бенареса, Дельи, Каль-
кутты, Токио,
Вижу я Крумейца въ его хижинѣ, и Дагомейца и Ашанти
въ ихъ хижинахъ,

----- [begin page 71] -----

Вижу, какъ Турокъ куритъ въ Алеппо опиум.
Вижу толпы живописныя на ярмаркахъ Хивы, на базарахъ
Герата,
Вижу я Тегеранъ, вижу Мускаты и Медину и пространства
песковъ промежуточныхъ, вижу я караваны, какъ
съ трудомъ они пробираются,
Вижу Египетъ и Египтянъ, вижу я пирамиды и обелиски,
Вижу рѣзцомъ рассказанныя повѣствованія, лѣтописи царей
и династій, на плитахъ песчаника врѣзанныя или
на глыбахъ гранита,
Вижу въ Мемфисѣ могилы для мумій, въ нихъ муміи набаль-
замированныя, въ льняные покровы закутанныя,
лежатъ тамъ ужъ много столѣтій,
Гляжу на еиванца павшаго, съ удлиненно-большими глазами,
съ шеей склоненною на бокъ, съ руками крестъ
накрестъ,

Вижу всю челядь земли за работой,
Вижу всѣхъ узниковъ въ тюрьмахъ,
Вижу людскія тѣла земли съ недостаткомъ каким-нибудь,

Слѣпото, глухонѣмото, идиотовѣ, горбатыхѣ, объятыхѣ безуміемѣ,
Пиратовѣ, воровѣ, обманщиковѣ, убійцѣ, рабовладѣльцевѣ земли,
Безпризорныхѣ дѣтей, безпомощныхѣ старцевѣ и старыхѣ женщинѣ.

Я вижу мужчину и женщину всюду,
Видю ясное братство философѣ,
Видю наклонность къ зодчеству, свойство расы моей,
Видю, чего достигають упорство и трудолюбіе расы моей,
Видю разряды, цвѣта, варварства, цивилизаціи, прохожу среди нихѣ, мѣшаюсь въ нихѣ безѣ разбора,
И я привѣтствую всѣхѣ обитателей земли.

----- [begin page 72] -----

11.

Ты, кто бѣ ты ни былѣ!
Ты, дочь или сынѣ Англіи!
Ты, изѣ мощныхѣ Славянскихѣ племенѣ и имперій! ты, Россѣ въ Россіи!
Ты, съ смутнымѣ началомѣ, Черный, съ душою божественной, Африканецѣ, высокій, съ головою тонкой, съ благородными формами, съ гордымѣ удѣломѣ наравнѣ со мной!
Ты, Норвежецѣ! Шведѣ! Датчанинѣ! Исландецѣ! Пруссакѣ,
Ты, Испанецѣ Испаніи! ты Португалецѣ!
Ты, Французская женщина и Французѣ Франціи!
Ты, Бельгіецѣ, ты, возлюбившій свободу Нидерландецѣ! (родѣ, откуда я самѣ происхожу;)
Ты, сильный Австріецѣ! ты, Ломбардецѣ! Гуннѣ! Богемецѣ! фермерѣ Штиріи!
Ты, сосѣдѣ Дуная!
Ты, работчицѣ Рейна, Эльбы или Везера! ты, работница также!
Ты, Сардинецѣ! Баварецѣ! Швабѣ! Саксонецѣ! Валахѣ! Болгаринѣ!
Ты, Римлянинѣ! Неаполитанецѣ! ты, Грекѣ!
Ты, гибкій матадорѣ на аренѣ Севильи!
Ты, горецѣ, живущій незаконно въ Тавридѣ или на Кавказѣ!
Ты, Бухарецѣ, съ своимѣ табуномѣ, стерегущій своихѣ кобылицѣ и кормящій своихѣ жеребцовѣ!
Ты, съ тѣломѣ красивымѣ, Персѣ, на полномѣ скаку, съ сѣдла, вонзающій стрѣлы въ цѣль!
Ты, Китаецѣ и Китайка Китая! ты, Татаринѣ Татариі!
Вы, женщины земли, подчиненныя вашимѣ обязанностямѣ!
Ты, Еврей, въ старомѣ возрастѣ странствующій черезѣ всѣ опасности, чтобы стать однажды на почвѣ Сириі!
Вы, другіе Евреи, ждущіе всюду, во всѣхѣ краяхѣ, вашего Мессію!

----- [begin page 73] -----

Ты, задумчивый Армянинъ, размышляющій гдѣ-нибудь близъ
потока Евфрата! ты, глядящій пристальнымъ
взглядомъ среди руинъ Ниневіи! ты, восходящій
на гору Араратъ!
Ты, съ усталой походкой, пилигримъ, привѣтствующій вста-
ющее издалека мерцанье минаретовъ Мекки!
Вы, шейхи, вдоль полосы отъ Суэца до Бабъ эль-Мандэба,
правлящіе вашими семьями и племенами!
Ты, возроститель сливъ, холящій плодъ свой на поляхъ На-
зарета, Дамаска или озера Тиверіады!
Ты, Тибетець, торгующій по обширнымъ пространствамъ
внутри страны, или торгующійся въ лавкахъ Лхассы!
Ты, Японецъ или Японка! ты, житель Мадагаскара, Цейлона,
Суматры, или Борнео!
Вы всѣ, что живете на материкахъ Азіи, Африки, Европы,
Австраліи, все равно, гдѣ бы вы ни жили!
Вы всѣ, на бесчисленныхъ островахъ архипелаговъ Моря!
Вы всѣ столѣтій, отсюда грядущихъ, когда вы меня услышите!
И вы, кто бы и гдѣ бы вы ни были, кого я здѣсь не озна-
чилъ, но кто наравнѣ мной включень!
Всѣмъ вамъ привѣтъ! добрая воля вамъ всѣмъ отъ меня и
отъ Америки!
Каждый изъ насъ неизбѣженъ,
Каждый изъ насъ безграниченъ—каждый изъ насъ съ пра-
вомъ своимъ на землѣ,
Каждый изъ насъ можетъ ставить вѣчныя цѣли здѣсь на
землѣ,
Каждый изъ насъ такъ же божествененъ здѣсь, какъ любой.

12.

Ты, Готтентотъ, съ своимъ говоромъ чмокающимъ! вы, орды
шерстовласыя!
Вы, тѣ, что являетесь собственностью, капли пота роняю-
щіе, или капли крови!

----- [begin page 74] -----

Вы, человѣческія формы съ бездонными, вѣчно инымъ на-
печатлѣнными, ликами звѣрей!
Вы, бѣдные Кобу, на кого самый низкій изъ всѣхъ осталь-
ныхъ смотритъ сверху внизъ, за вашу чуть брез-
жущую рѣчь и разумность!
Ты, карликъ по росту, житель Камчатки, Гренландецъ, Лап-
ландецъ!
Ты, Австралійскій негръ, нагой, красный и грязный, съ
отвислой губой, ощупью ползающій, ищущій пищи!
Ты, Кафръ, Берберіецъ, Суданецъ!
Ты, дикій, и грубый, никемъ не наученный, Бедуинъ!
Вы, чумные рои въ Мадрасъ, въ Нанкинъ, въ Кабулъ, въ
Каиръ!

Ты, застигнутый ночью скиталецъ ночной Амазоніи! ты, Па-
тагонецъ! ты, Фиджи!
Не предпочту я другихъ передъ вами,
Не скажу противъ васъ ни слова, назадъ, уходите туда, гдѣ
вы находитесь,
(Вы придете ко мнѣ въ должное время, выйдя впередъ)!

13.

Мой духъ обошелъ въ соболѣзнованіи и въ рѣшимости вокругъ
всей Земли,
Я искалъ равныхъ и любящихъ, и нашель, что они для меня
готовы во всехъ краяхъ,
Я думаю, нѣкое дивное соотвѣтствіе уравнило меня съ ними.

Вы, туманы, я думаю, съ вами поднялся я, отодвинулся
прочъ къ континентамъ далекимъ, и внизъ тамъ
упаль, по причинамъ достаточнымъ,
Я думаю, съ вами я вѣялъ, о, вѣтры;
Вы, воды, я съ вами ощупаль, съ вами перстами я пере-
бралъ каждый берегъ,
Я прошель черезъ все, что проходить любая рѣка и про-
ливъ этого шара,

----- [begin page 75] -----

Я выбралъ себѣ упоръ на подножьи полуострововъ и на ска-
лахъ высокихъ, уступныхъ, чтобъ оттуда кричать:

Миру привѣтъ!

Въ тѣ города, куда проникаетъ свѣтъ и тепло, я проникаю
самъ въ тѣ города,
Всѣ острова, къ которымъ птицы взмахи свои направляютъ,
къ нимъ направляя свой взмахъ, я устремляю
свой путь.

Къ вамъ всѣмъ, во имя Америки,
Я устремляю, высоко и прямо подъятую, руку, я дѣлаю
знакъ,
Чтобъ послѣ меня онъ остался въ виду навсегда,
Для всѣхъ очаговъ и прибѣжищъ людей.

----- [begin page 76] -----

----- [begin page 77] -----

ПѢСНЬ ОТВѢЧАТЕЛЯ.

----- [begin page 78] -----

----- [begin page 79] -----

ПЕСНЬ ОТВЕЧАТЕЛЯ.

1.

Теперь внимайте утренней пѣснѣ моей, я возглашаю вамъ
знаменія Отвѣчателя,
Городамъ и фермамъ пою я, въ то время какъ въ утреннемъ
свѣтѣ они предо мной простираются.

Ко мнѣ подходитъ юноша съ порученьемъ отъ своего брата,
Какъ узнаеть юноша *что* и *когда* относительно своего
брата?
Скажите ему, чтобъ послалъ мнѣ знаменія.

И вотъ я стою передъ юношей лицомъ къ лицу, и беру его
правую руку въ лѣвую руку мою, и беру его лѣ-
вую руку въ правую руку мою,
И я отвѣчаю за брата его и за людей, и за того, кто
чаеть за всех, и вотъ посылаю знаменія.

Его всѣ ждуть, ему отдаются всѣ, его слово рѣшающее, и
окончательное,
Его принимаютъ всѣ, въ немъ существуютъ, купаясь какъ
въ свѣтѣ, въ немъ себя замѣчаютъ,
Его потопляютъ они, и онъ потопляетъ ихъ.

Красивые женщины, самая гордая страны, законы, карти-
ны природы, люди, животныя,
Земля съ своей глубиной и всѣ ея отличительности, и оке-
анъ беспокойный, (такъ возглашаю я пѣснь мою
утреннюю),

----- [begin page 80] -----

Все наслажденья и деньги и собственность, и все, что за
деньги можно купить,
Лучшія фермы, другіе сажаютъ, работаютъ, онъ собираеть,
Города благороднѣйшіе, самые пышные, другіе ихъ строятъ,
возводятъ, а онъ въ нихъ живетъ,
Нѣтъ ничего ни для кого иначе, какъ для него, близкое и
далекое все для него, корабли въ открытомъ морѣ,

Беспрерывныя зрѣлища и процессіи на сушѣ для него, если только для кого-нибудь они.
Онъ уставляетъ вещи въ ихъ положеніяхъ,
Онъ уставляетъ *сегодня* изъ самого себя, съ любовью, съ пластичностью,
Онъ размѣщаетъ свои времена, воспоминанія, родителей, братьевъ, сестеръ, сочетанья людей, ихъ ремесла, политику, такъ что другіе потомъ никогда ихъ стыдиться не могутъ, и не могутъ на то притязать, чтобы ими командовать.

Онъ Отвѣчатель,
Что отвѣчено можетъ быть, онъ на то отвѣчаетъ, что не можетъ быть, онъ указываетъ, какъ, почему отвѣчено тутъ быть не можетъ.

Человѣкъ есть властительный зовъ и вызовъ,
(Прятаться тщетно—слышите хохотъ и смѣхъ? слышите отзвуки эхо, и въ эхо иронію?).

Книги, дружбы, философы, жрецы, дѣйствія, наслажденіе, гордость возстаютъ и падаютъ, ища удовлетворенья,
Онъ указываетъ удовлетворенье, и указываетъ тѣхъ, что ютъ и падаютъ.

Все равно, какой полъ, все равно, гдѣ мѣсто, и какое сейчасъ время года, онъ быстро и нѣжно и смѣло можетъ итти ночью и днемъ,

----- [begin page 81] -----

У него—ключъ сердце, и ему отвѣчаетъ ручка дверная, когда прикоснется къ ней пальцами.

Желанность его всемірна, потокъ красоты не больше желанень, не больше всеміренень, чемъ онъ,
Тотъ, къ кому онъ былъ днемъ благосклонень, съ кѣмъ ночью онъ спалъ, благословень.

Каждое существованье имѣетъ свое нарѣчіе, каждая вещь имѣетъ свое нарѣчье и рѣчь.
Онъ разрѣшаетъ всѣ языки въ свой собственный и даетъ его людямъ, и каждый человѣкъ переводитъ, и каждый себя самого переводитъ также.
Одна часть не противодѣйствуетъ другой, онъ соединитель, онъ глядитъ, какъ они соединяются.
Онъ говоритъ безъ различья одинаковымъ тономъ: *Какъ проживаете, другъ?* обращаясь къ Президенту при его выходѣ,
И говоритъ: *День добрый, братъ*, Бѣднягъ, который киркой расчищаетъ плантацію сахара,
И оба его понимаютъ и знаютъ, что рѣчь его правильна.

Онъ идетъ въ капитолій совершенно спокойно,
Онъ бродитъ въ Собраніи, где заседаютъ исполнители Воли Народной, и одинъ изъ ея Представителей гово-

рить, обращаясь къ другому: *Вотъ наш равный
приходитъ и новый.*

Мастеровые потомъ считаютъ его мастеровымъ,
И солдаты предполагаютъ, что онъ солдатъ, и матросы, что
море ему извѣстно,
И писатели принимаютъ его за писателя, и художники за
художника,
И земледѣльцы видятъ, что могъ бы онъ съ ними землю
пахать и любить ихъ,

----- [begin page 82] -----

Все равно, какое бы ни было дѣло, онъ эту работу можетъ
исполнить, или ужь исполнилъ,
Все равно, какой бы ни былъ народъ, онъ могъ бы найти
въ немъ братьевъ своихъ и сестеръ.

Англичане считаютъ его изъ Англійскаго рода и племени,
Еврею Евреемъ онъ кажется, Русскому Русскимъ, онъ при-
вычный и близкій, ни отъ кого не далекъ.

На кого онъ ни взглянетъ въ кофейнѣ для странствующихъ,
тотъ его тотчасъ признаетъ своимъ,
Итальянецъ или Французъ въ немъ увѣрены, Нѣмецъ увѣ-
ренъ, Испанецъ увѣренъ, островитянинъ Куба-
нецъ увѣренъ,
Инженеръ, или палубный съ великихъ озеръ, или съ Миссис-
сиппи, или изъ Сан-Лоренса, или Сакраменто, или
Гудсонова залива, или съ Помэнока, признаютъ
его своимъ.

Джентльмэнъ чистой крови признаетъ его чистокровность,
Хулиганъ, проститутка, разгнѣванный, нищій себя узнаютъ
въ путяхъ его, онъ странно ихъ преображаетъ,
Вотъ уже больше не низки они, они едва узнаютъ себя,
такъ они выросли.

2.

Указанья и зарубка времени,
Совершенная здравость указываетъ на мастера между филосо-
фовъ,
Время, всегда безъ перерыва, указываетъ себя въ частяхъ,
Что всегда указываетъ поэта, это толпа пріятныхъ и дружныхъ
пѣвцовъ, и слова ихъ,
Слова пѣвцовъ суть часы и минуты свѣта и тьмы, но слова
создателя поэмъ суть общій свѣтъ и всеобщая тьма,

----- [begin page 83] -----

Создатель поэмъ установляетъ справедливость, дѣйствитель-
ность,
безсмертіе,
Его глубокой взглядъ внутрь и власть обнимаетъ всѣ вещи
и весь человѣческій родъ,
Онъ слава и запись до этой строки, запись вещей и рода
людского.

Пѣвцы не рождаютъ, рождаетъ только Поэтъ,
Пѣвцы желанны, и ихъ понимаютъ, довольно часто являются,
но рѣдокъ былъ день, было рѣдко и мѣсто ро-
жденія создателя поэмъ, Отвѣчателя,
(Не каждый вѣкъ и не каждые пять столѣтій содержали
подобный день, при множествѣ всѣхъ ихъ именъ).

Пѣвцы равномерно идущихъ часовъ различныхъ столѣтій
быть можетъ имѣли явное имя, но каждое имя
такое есть имя пѣ-
вцовъ,
Имя каждого есть пѣвецъ глазъ и красокъ, пѣвецъ слуха,
звуковъ, пѣвецъ размышленья, пѣвецъ сладко-
гласный, пѣвецъ тьмы и ночи, пѣвецъ для гости-
ной, пѣвецъ-чаровникъ, любовный пѣвецъ, или
что-нибудь въ этомъ родѣ.

Всѣ въ это время и во всѣ времена ждутъ словъ истинныхъ
поэмъ,
Слова истинныхъ поэмъ не просто лишь нравятся,
Поэты воистину суть не свита красоты, но священные вла-
дыки красоты;
Величье дѣтей есть явленіе во внѣ величья матерей и от-
цовъ,
Слова истинныхъ поэмъ суть расцвѣтъ и конечный восторгъ
знанія.

Божественный инстинктъ, широта и объемность взгляда, за-
конъ разума, здоровье, дерзость тѣла, отъеди-
ненность,

----- [begin page 84] -----

Веселость, солнечный загаръ, свѣжій воздухъ, таковы суть
немногія изъ словъ поэмъ.

Морякъ и путникъ, онъ ихъ держитъ въ основѣ своей, со-
здатель поэмъ, Отвѣчатель,
Зодчій, геометръ, химикъ, анатомъ, френологъ, художникъ,
онъ всѣхъ ихъ имѣетъ въ основѣ своей, создатель
поэмъ, Отвѣчатель.

Слова истинныхъ поэмъ даютъ вамъ больше, чѣмъ поэмы.
Они даютъ вамъ, изъ чего вамъ создать для себя поэмы, ре-
лигіи, политику, войну, миръ, поведеніе, исторію,
опыты, повседневную жизнь и всякую вещь
иную,
Они уравниваютъ разряды, цвѣта, расы, вѣрованья,
поль въ его различьи,

Они красоты не ищутъ, ихъ ищутъ,
Касаясь ихъ, или за ними немедля, во вѣки вѣковъ идутъ
красота, стремленье, жажда истомная, любовная
боль.

Къ смерти они приготавливаютъ, однако жъ, они не конецъ, а
скорѣе начало,
Они никого не приводятъ къ предѣлу его, и не дѣлаютъ
полнымъ, довольнымъ,
Кого захотятъ, того уносятъ въ пространство, чтобъ смо-
трѣть на рожденіе звѣздъ и познать одно изъ зна-
ченій,
Чтобы съ полною вѣрою въ путь устремиться, умчаться
впередъ по звеньямъ несчетнымъ, и больше по-
коя не знать никогда.

----- [begin page 85] -----

ПѢСНЬ ПЛОТНИЧЬЯГО ТОПОРА.

----- [begin page 86] -----

----- [begin page 87] -----

1.

Оружье нагое и стройное, синевата его бѣлизна,
Изъ глубинъ материнского чрева голова его взнесена,
Плотъ изъ дерева и кость изъ металла, членъ одинъ и губа
лишь одна,
Сѣро-синій листъ въ красномъ жарѣ возросъ, рукоятка же
сѣменемъ малымъ дана,
Лежитъ на травѣ и трава подъ нимъ склонена,
Въ немъ упоръ, въ немъ опора дана.
Сильныя формы и свойства сильныхъ формъ, мужскія реме-
сла, звуки и зрѣлища,
Многообразное шествіе, знаменья, музыка въ брызгахъ по
клавишамъ,
Органистъ, чьи персты проскользаютъ, играя отрывисто,
Звучить великій органъ.

2.

Привѣтъ всѣмъ странамъ земли, каждой въ ея отдѣльности,

Привѣтъ странамъ сосны и дуба,
Привѣтъ странамъ лимона и фиги,
Привѣтъ странамъ золота.
Привѣтъ странамъ пшеницы и маиса и странамъ виноград-
ной лозы,
Привѣтъ странамъ сахара и риса,

----- [begin page 88] -----

Привѣтъ странамъ хлопка, и бѣлаго картофеля, и сладкаго
картофеля,
Привѣтъ горамъ, равнинамъ, пескамъ, лесамъ, преріямъ,
Привѣтъ богатымъ надрѣчіямъ, плоскогорьямъ, разсѣлинамъ,
Привѣтъ безмѣрнымъ пастбищамъ, привѣтъ плодородной
почвѣ огородовъ, льну, меду, конопль;
Привѣтъ не меньшей, такой же, странамъ другимъ, жестко-
ликимъ,
Странамъ богатымъ, какъ страна золота, или пшеницы, или
плодовъ,
Странамъ копей, странамъ мужески-грубой руды,
Странамъ каменнаго угля, мѣди, свинца, олова, цинка,
Странамъ желѣза, странамъ, въ которыхъ творится топоръ.

3.

Чурбанъ близъ полѣнницы, къ нему прислоненный топор,
Лѣсная хижина, надъ входомъ лоза виноградная, простран-
ство, для сада расчищенное,
Неправильный легкій стукъ капель дождя по листьямъ послѣ
бури, уже убаюканной,
Время отъ времени стоны и жалобы, мысли о морѣ,
Помысль невольный о корабляхъ, въ бурю разбитыхъ, опро-
кинутыхъ набок, о сломленныхъ мачтахъ,
Чувство огромныхъ балокъ старинныхъ домовъ и амбаровъ,
Картина возставшая въ памяти, или рассказъ, странствія
чрезъ приключенья, людей, семей и вещей,
Высадка изъ корабля, основаніе новаго города,
Путешествіе тѣхъ, кто искалъ Новой Англіи, и нашель ее,
почин гдѣ-нибудь,
Поселенье Арканзаса, Колорадо, Оттавы, Вилламеты,
Медленный ходъ впередъ, скудный обѣдъ, топор, ружье
и мѣшки сѣдельные;
Красота всѣхъ дерзновенныхъ, отважныхъ людей,
Красота лѣсныхъ людей и дровосѣковъ съ ихъ лицами ясными
и неприкрашенными,

----- [begin page 89] -----

Красота независимости, отбытья, дѣйствій, что лишь на себя
опираются,
Презрѣніе Американское къ статутамъ и церемоніямъ, без-
граничная нетерпѣливость при видѣ препонъ,

Вольный размахъ характера, чужанье общности въ нравахъ
случайныхъ, скрѣпленіе;
Мясникъ на бойнѣ, матросы на шхунахъ и шлюпкахъ, сплав-
щик плотовъ, піонеръ,
Тѣ, въ чьемъ вѣдѣніи лѣсъ строевой, въ зимовкахъ своихъ,
Разсвѣтъ въ лѣсахъ, полосы снѣга на вѣткахъ деревьевъ,
случайный ихъ трескъ,
Ясный радостный звукъ вотъ-твоего голоса, веселая пѣсня,
природная жизнь въ лѣсахъ, работа сильнаго дня,
Яркій ночью огонь, добрый вкусъ ужина, бесѣда, постель
изъ вѣтвей цикуты и изъ медвѣжьяго мѣха;
Домостроители, за своею работой, въ городахъ или гдѣ бы
то ни было,
Вся предварительность эта, съ рубанкомъ, съ оттесываньемъ,
наугольникъ, пиленье, пазы,
Подъемъ тяжелыхъ стропиль, вдвиганіе ихъ на мѣста, ихъ
кладки рядами,
Вбиванье большихъ гвоздей, шипами, въ пазы, соответ-
ственно с тѣмъ, какъ они приготовлены,
Удар деревяннаго молота и молотковъ, наклоненье людей,
изогнутіе членовъ ихъ,
Наклоненье, стоянье, сидѣнье на балкахъ верхомъ, вбиваніе
клина, держанье за столбъ и за скрѣпы,
Рука искривленная подъ подстропильною вязкой, другая
рука воздымаетъ топоръ,
Настилальщики пола, доски одну къ другой подгоняющіе,
чтобъ ихъ пригвоздить;
Положенья ихъ тѣль, когда опускаютъ они орудья свои на
подставки,
Отклики эхо, звучащіе черезъ пустое зданье,
Огромный складъ, возводимый въ городѣ, наполовину ужъ
выстроенный,

----- [begin page 90] -----

Шесть строителей сруба, два въ серединѣ, и двое на каждомъ
конце, несущіе бережно на плечахъ своихъ тяжкое
бревно для поперечины,
Длинною линіей каменьщики, съ лопатами въ правой рукѣ,
быстро кладутъ боковую длинную стѣну въ двѣсти ша-
говъ отъ фасада ея до конца,
Гибкія спины, въ склоненіи ихъ и въ подъятіи, стукъ не-
прерывный лопать о кирпичъ,
Кирпичи, одинъ за другимъ такъ легко по-рабочему сложен-
ные, ихъ уровень удостовѣренъ ударомъ лопатки, ея рукояткой,
Груды матеріаловъ, известка въ корытахъ четырехугольныхъ,
постоянное ихъ наполненіе известкой, приносятъ ее
рабочіе;
Строители мачтъ на верфи, кишашій рой подмастерій уже
подросшихъ,
Размахъ топоровъ ихъ по дереву, четырехугольно-вырублен-
ному, выравниванье, чтобъ придать ему форму мачты,
Веселый короткій хрустящій звукъ стали, которую наискось
вогнали въ сосну,
Стружки, цвѣта масла, летящія хлопьями, щепки летящія,
Гибкое движенье мускулистыхъ юныхъ рукъ и бедръ въ лег-
кихъ одеждахъ,

Строитель верфей, мостовъ, плотинъ, переборокъ на корабль,
плотовъ, преградъ для морей,
Городской пожарный, пожаръ, что внезапно вспыхнулъ въ
тѣсно составленной кучѣ домовъ,
Прибытье машинъ, и хриплые крики, выступленье быстрое
и дерзновенное,
Командъ сильный звукъ чрезъ пожарный рожокъ, выравниеніе
въ линію, вздыманье, паденіе рукъ, чтобъ воду
исторгнуть,
Тонкіе и спазматическіе, голубовато-бѣлые тамъ водометы,
батарея крюковъ и лѣстницъ, въ работъ своей,
Трескъ и разломъ смежнаго сруба, трескъ и разломъ по-
ловъ, если огонь затаился подъ ними,

----- [begin page 91] -----

Толпа, что слѣдитъ, съ озаренными лицами, яркій блескъ и
густыя тѣни;
Ковачъ у ковальной печи, и тотъ, кто за нимъ примѣняетъ
желѣзо,
Дѣлатель топора большого и малаго, и тотъ, кто желѣзо
паяетъ, и тотъ, кто его закаляетъ.
Выбиральщикъ, что дышитъ дыханьемъ своимъ на холодную
сталь и пробуетъ лезвее большимъ пальцемъ,
Тотъ, кто рукоятку выравниваетъ, и въ трубкѣ его укрѣ-
пляетъ.
Тѣневые также процессіи лицъ, примѣнявшихъ желѣзо въ
минувшемъ,
Терпѣливые мастерские первичные, строители и инженеры,
Далекое Ассирійское зданіе и зданіе Мизры,
Римскіе ликторы, предшествующіе консуламъ,
Древній воитель Европы съ своимъ топоромъ въ бою,
Подъятая длань, стукъ ударовъ о голову въ шлемъ,
Смертный ревъ, ослабѣвшее тѣло, споткнувшееся, устрем-
ленье, напоръ туда друга и недруга,
Осада, предпринятая вассалами возмутившимися, рѣшившими
добиться свободы,
Призывъ сдаться, выбиваніе замковыхъ вратъ, перемиріе,
переговоры,
Разграбленіе старого города во время его,
Наемники и изувѣры слѣпые, которые бурно въ своемъ без-
порядкѣ врываются,
Ревы, и пламя, и кровь, и пьянство, и сумасшествіе,
Имущества безъ зазрѣнія совести разграбляемыя изъ домовъ
и храмовъ, пронзительные крики женщинъ, ухвачен-
ныхъ разбойниками,
Коварство и воровство мародеровъ, люди бѣгущіе, старцы
въ отчаяніи,
Адъ войны, жестокости вѣръ,
Листъ всѣхъ исполнительныхъ словъ и дѣяній справедливыхъ
и несправедливыхъ,
Власть личности справедливой и несправедливой.

----- [begin page 92] -----

4.

Мускуль всегда и отвага всегда.

Что жизнь укрѣпляет, то смерть укрѣпляет,

И мертвые такъ же идутъ впередъ, какъ живые идутъ впередъ,

И не болѣе то, что грядетъ, недостовѣрно, чѣмъ настоящее,

Потому что грубость земли и человѣка включаетъ въ себѣ

столько же, сколько деликатность земли и человѣка.

И не длится ничто, кромѣ личныхъ качествъ.

Что, полагаете вы, длится здѣсь?

Городъ великій, вы полагаете, длится?

Или государство, въ которомъ кипитъ промышленность? или

конституція выработанная? или пароходы, наилучше

построенные?

Или гостиницы изъ гранита и желѣза? или какой-нибудь

шедевръ инженернаго искусства, форты, арсеналы?

Прочь! это все не можетъ быть лишь для себя самого любимо,

Это не наполняетъ свой часъ, танцоры танцуютъ, музы-

канты играютъ для нихъ,

Свершается зрѣлище, все довольно хорошо безъ сомнѣнья,

Все весьма хорошо, покуда не вспыхнетъ вызовъ.

Великій городъ есть тотъ, въ которомъ величайшіе мужчины

и женщины,

Если это лишь нѣсколько жалкихъ лачуг, это все же ве-

личайшій городъ во всемъ мірѣ.

5.

Мѣсто, гдѣ городъ великій стоитъ, не есть мѣсто раскинув-

шихся верфей, доковъ, фабрикъ, складовъ продуктовъ

только,

И не мѣсто, гдѣ непрерывно привѣтствуютъ вновь прибыва-

ющихъ, и гдѣ поднимаютъ свой якорь тѣ, кто отбы-

ваетъ,

----- [begin page 93] -----

И не мѣсто, гдѣ самыя высокія и пышные зданія, или лавки,

въ которыхъ продаются товары съ другихъ концовъ

земли,

И не мѣсто, гдѣ лучшія библіотеки и школы, и не мѣсто,

гдѣ деньги въ наибольшемъ изобиліи,

И не мѣсто, гдѣ населеніе наиболѣе многочисленно.

Гдѣ городъ стоитъ съ наиболѣе мускулистою расой орато-

ровъ и бардовъ,

Гдѣ городъ стоитъ, который ими любимъ, и который ихъ

любитъ взаимно, и ихъ понимаетъ,

Гдѣ нѣтъ никакихъ памятниковъ героямъ, кромѣ тѣхъ, что

въ общихъ словахъ и дѣлахъ,

Гдѣ бережливость на мѣстѣ своемъ, и благоразуміе на мѣстѣ

своемъ,

Гдѣ мужчины и женщины относятся къ законамъ легко,

Гдѣ рабы исчезаютъ, и гдѣ владыка рабовъ исчезаетъ,
Гдѣ населеніе сразу встаетъ на никогда не кончающуюся
дерзость избранныхъ,
Гдѣ яростные мужчины и женщины изливаются потокомъ,
как море на свистъ смерти изливаетъ свои сметающія
и неразорванныя волны,
Гдѣ внѣшняя власть выступаетъ всегда за выступленіемъ
власти внутренней.
Гдѣ гражданинъ всегда есть глава и идеаль, и Президентъ,
Мэр, Губернаторъ, и кто тамъ еще, суть лишь агенты
за плату,
Гдѣ учатъ дѣтей, чтобъ сами себѣ они были законами, и
лишь отъ себя зависѣли,
Гдѣ равенство душъ изъясняется дѣлами,
Гдѣ размышленія о душѣ поощряются,
Гдѣ женщины проходятъ въ народныхъ процессіяхъ по ули-
цамъ такъ же, какъ мужчины;
Гдѣ онѣ входятъ в собранія общественныя и занимаютъ
мѣста такъ же, какъ мужчины;
Гдѣ стоитъ городъ самыхъ вѣрныхъ друзей,
Гдѣ стоитъ городъ чистоты половъ,

----- [begin page 94] -----

Гдѣ стоитъ городъ самыхъ здоровыхъ отцовъ,
Гдѣ стоитъ городъ матерей съ наилучшими тѣлами,
Тамъ стоитъ городъ великій.

6.

Что за нищенскій видъ аргументы имѣютъ предъ дѣяніемъ,
полнымъ вызова!
Какъ расцвѣтная пышность всего, что есть въ городахъ,
сморщившись ежится предъ взглядомъ мужчины или
женщины!
Все ждетъ или устраняется, пока не появится сильное су-
щество,
Сильное существо есть пробный камень расы и способности
вселенной,
Когда появляется сильный, будь то мужчина или женщина,
все материальное утрачено,
Споръ о душѣ прекращается,
Старые обычаи и фразы сопоставляются, ихъ опрокидываютъ
или отбрасываютъ!
Что теперь ваше скопленіе денег? что оно можетъ теперь?
Что теперь ваша почтенность?
Что теперь ваша теологія, обученіе, общество, традиціи,
книги статутовъ?
Гдѣ теперь ваши слова о жизни?
Гдѣ крючкотворства ваши о душѣ?

7.

Бесплодный ландшафтъ покрываетъ руду, онъ такъ же хо-
рошъ, какъ любой, при всемъ его видѣ суровомъ,

Вотъ копъ и вотъ рудокопы.
Плавильный горнь здѣсь, расплавленъ металлъ, ковачи здѣсь
стоятъ со щипцами своими и молотами,
Что служило всегда, и что служить всегда, вотъ здѣсь,
Лучше его ничто не служило, оно служило всѣмъ,

----- [begin page 95] -----

Служило оно Греку съ текучимъ его языкомъ и умомъ утон-
ченнымъ, и задолго до Грека,
Служило при постройкѣ строеній, что длятся дольше, чѣмъ
всѣ другіе,
Служило Еврею, Персу, самому древнему жителю Индустана,
Служило возводителю кургановъ по Миссиссиппи, служило
тѣмъ, чьи останки покоятся въ Центральной Америкѣ,
Служило Альбіоновымъ храмамъ, въ лѣсахъ или на равни-
нахъ, съ необдѣланными столбами и съ ихъ Друидами,
Служило искусственнымъ резсѣлинамъ, обширнымъ, высо-
кимъ, безгласнымъ, на покрытыхъ снегами высотахъ
Скандинавіи,
Служило тѣмъ, кто въ незапамятное время дѣлалъ на гра-
нитныхъ стѣнахъ грубые рисунки солнца, луны, звѣздъ,
кораблей, волнъ океана,
Служило путямъ вторженій Готовъ, служило пастушескимъ
племенамъ и номадамъ,
Служило отдаленному Кельту, служило отважнымъ пиратамъ
Балтійскаго моря,
Служило, прежде чѣмъ кому-нибудь изъ этихъ, почтеннымъ
и безобиднымъ людямъ Эѳіопіи,
Служило для дѣланія руля на галерахъ, что строились для
удовольствія, и на военныхъ судахъ,
Служило всѣмъ великимъ дѣламъ на сушѣ и всѣмъ вели-
кимъ дѣламъ на морѣ,
Среднимъ вѣкамъ и раньше Среднихъ вѣковъ,
Служило не только живымъ, какъ нынѣ, но также служило
и мертвымъ.

8.

Я вижу Европейскаго палача,
Онъ стоитъ въ маскѣ, одѣтый въ красное, съ огромными
ногами и сильными голыми руками,
И опирается на полновѣсный топоръ
(Кого убилъ ты только что, Европейскій палачъ,

----- [begin page 96] -----

Чья это кровь на тебѣ такая мокрая и липкая?).
Я вижу ясные закаты мучениковъ,
Я вижу привидѣнія, что сходятъ съ эшафотовъ,
Привидѣнія умершихъ владыкъ, развѣнчанныхъ владычицъ,
обвиненныхъ сановниковъ, низложенныхъ царей,

Соперниковъ, измѣнниковъ, отравителей, застигнутыхъ зло-
счастіемъ вождей, и остальныхъ,
Я вижу тѣхъ, кто гдѣ бы то ни было умеръ за дѣло благое,
Семя скудно, однако посѣвъ никогда не растратится,
(Помните вы, о, цари чужеземные, о, священники, посѣвъ
никогда не растратится).
Я вижу, кровь смыта совѣмъ съ топора,
Чисто его лезвее и чиста рукоятка,
Больше они не разбрызгиваютъ кровь Европейской
знати, не обнимаютъ больше шей цариц.
Я вижу, на эшафотъ ужь не восходятъ, онъ покрывается
плѣсенью, я больше не вижу на немъ топора,
Я вижу могучее дружеское знаменіе власти—моей собствен-
ной расы, самой новой и самой обширной расы.

9.

(Америка! я не восхваляю любовь мою къ тебѣ,
Я имѣю, что я имѣю!)
Скачетъ топор.
Плотный лѣсъ даетъ отзвукъ текучій,
Катятся, мчатся впередъ выраженія эти, встаютъ въ очер-
таніяхъ,
Хижина, шатерь, пристань, вѣхи,
Цѣпь, плугъ, мотыка, ломъ, лопата,
Гонтъ, брусокъ, подпорка, стѣнная обшивка, косякъ, планки,
панель, щипецъ,
Крѣпость, потолокъ, залъ, академія, органъ, домъ, выставки, библіотека,
Карнизъ, рѣшетка, колонна четыреугольная, балконъ, окно,
башенка, портикъ,

----- [begin page 97] -----

Кирка, грабли, вилы, карандашъ, повозка, посохъ, пила,
рубанокъ, деревянный молотъ, клинъ, рукоятка печат-
наго станка,
Стуль, бочка, обручъ, столъ, калитка, флюгеръ, оконница,
Рабочій ящикъ, сундукъ, струнный инструментъ, лодка,
срубъ, и чего еще нетъ,
Капитолій Штатовъ, и капитолій народа Штатовъ,
Длинные стройные ряды построеній въ аллеяхъ, прибѣжища
для сиротъ или бѣдныхъ и больныхъ,
Пароходы и клипперъ а, измѣряющіе всѣ моря.
Видѣнья встаютъ.
Видѣнія всяческихъ примѣненій топоровъ, и тѣхъ, что то-
поръ примѣняютъ, и всего, что съ ними въ сосѣдствѣ,
Дровосѣки, что рубятъ деревья, и тѣ, что сплавляютъ его
до Пенобскота или Кеннебека,
Жители хижинъ среди горъ, Калифорніи или близъ малыхъ
озер, или вдоль теченья Колумбіи,
Тѣ, что на югъ живутъ, на берегахъ рѣки Гили или Ріо
Гранде, сердечныя сборища, забавы, характеры,
Тѣ, что живутъ вдоль рѣки святого Лаврентія, или на сѣ-
веръ въ Канадѣ, или по низовью, жители вдоль бере-
говъ, и жители вдали отъ прибрежій,

Ловцы тюленей, китопромышленники, моряки полярные, про-
ламывающіе проходъ сквозь лед.
Видѣнья встают.
Видѣнія мануфактуръ, арсеналовъ, плавленень и рынковъ,
Видѣнія желѣзныхъ дорогъ, что идутъ въ два ряда,
Видѣнія мостовъ съ поперечинами, обширные срубы, ряды
перекладинъ и своды,
Виденія цѣлыхъ флотовъ, баржи, суда на буксирѣ, озерные
суда, и рѣчные, и тѣ, что каналы обслуживаютъ,
Верфи и доки сухіе вдоль Восточныхъ и Западныхъ морей,
и во многихъ бухтахъ, и въ глухихъ мѣстахъ,
Кильсоны изъ красного дуба, сосновые доски обшивныя,
деревья для мачтъ, кривизна колѣнная корневища ли-
ственницы,

----- [begin page 98] -----

Сами корабли на путяхъ своихъ, лѣса, что встали рядами,
рабочіе внутри, рабочіе внѣ, за работой,
Рабочіе инструменты, повсюду лежащіе, большой буравъ и
малое сверло, стругъ, стержень, шнуръ, наугольникъ,
долотъ и рубанокъ.

10.

Видѣнья встают.
Видѣнье того, что мѣряютъ, пилятъ, стругаютъ, соединяютъ,
раскрашиваютъ,
Виденіе гроба для мертвого, что будетъ лежать тамъ въ саване,
Видѣніе того, что колонками стало, колонки кроватей, ко-
лонки кровати супруги, едва лишь обвѣнчанной,
Видѣнье корыта малого, видѣнье доски для качанья колы-
бели младенческой,
Видѣнье половъ, половицъ подъ ногой плясуновъ,
Видѣнье половицъ семейного дома, дома, исполненныхъ
дружбы, дѣтей и родителей,
Видѣніе кровли дома счастливыхъ двоихъ, молодого муж-
чины и женщины, кровля надъ счастливо обвѣнчанными,
молодымъ мужчиной и женщиной,
Кровля надъ ужиномъ, что радостно приготовлень цѣло-
мудренной женой, и радостно съѣденъ цѣломудрен-
нымъ мужемъ, довольнымъ послѣ работы дня.
Видѣнья встают.
Видѣніе мѣста того, гдѣ находится узникъ въ судѣ, и того,
кто сидитъ на томъ мѣстѣ, она или онъ,
Видѣніе стойки кабацкой, оперлись о которую юный пья-
ница вмѣстѣ съ пьяницей старымъ,
Видѣніе лестницъ пристыженныхъ и гнѣвающихся оттого,
что ползучіе ступаютъ по нимъ шаги,
Видѣнье лукавой кушетки, и на ней нездоровая пара пре-
любодѣйная,

----- [begin page 99] -----

Видѣнье стола игральнаго съ его дьявольскими выигрышами
и проигрышами,
Видѣнье ступенекъ, по которымъ восходить изобличенный
и осужденный убійца, самъ убійца съ дикимъ лицомъ
и съ руками окованными,
Шерифъ и при немъ помощники, безмолвный народъ, по-
блѣднѣвшія губы толпы, качанье веревки.
Видѣнья встають.
Видѣнья дверей, что даютъ много входовъ и выходовъ,
Дверь, чрезъ которую быстро входитъ другъ послѣ долгой
разлуки,
Дверь, что впускаетъ добрыя вѣсти и вѣсти злыя,
Дверь, чрезъ которую выйдя, сынъ оставляетъ домъ свой
родной, спѣсивый и полный надежд.
Дверь, чрезъ которую входитъ онъ, послѣ долгаго безслав-
наго отсутствія, сломленный, больной, безъ средствъ,
и безъ прежней невинности.

11.

Видѣнья встають.
Она, эта тѣнь, охраняема меньше, чѣмъ когда-нибудь, и
однакоже больше, чѣмъ когда-нибудь,
Великая и загрязненная, движется она среди того, что ее не
дѣлаетъ грубою и загрязненной,
Она вѣдаетъ мысли, межъ тѣмъ какъ проходить, ничто отъ
нея не сокрыто,
Не меньше она отъ того предупредительна или исполнена
дружбы,
Наибольше любима она, это безъ исключенья, нѣтъ у ней
основаній бояться, и она ничего не боится,
Ссоры, божба и напѣвы, икотою прерванные, выраженія
грязныя, это все для нее ничего, между тѣмъ какъ
проходить она,
Она безглагольна, и владѣетъ собой, и не властны они оскор-
бить ее,

----- [begin page 100] -----

Они ихъ приѣмлетъ, какъ законы Природы приѣмлютъ ихъ,
она—сильна,
Она тоже—законъ Природы,—нѣтъ закона сильнѣй, чѣмъ она.

12.

Основные видѣнья встають.
Видѣніе цѣльной Демократіи, сводка столѣтій,
Видѣнья, всегда устремляющіе отъ себя другія видѣнія,
Видѣніе буйныхъ мужественныхъ городовъ,
Видѣнія друзей и созидателей очаговъ цѣлой земли,
Видѣнія, обнимающіе звеньями всю землю, и связанные звень-
ями съ землей.

----- [begin page 101] -----

МОРСКІЕ НАНОСЫ

----- [begin page 102] -----

----- [begin page 103] -----

ИЗЪ КОЛЫБЕЛИ БЕЗКОНЕЧНО БАЮКАЮЩЕЙ.

Изъ колыбели безконечно баюкающей,
Изъ горла птицы-пересмѣшника, музыкальный челнокъ,
Изъ полночи Девятаго мѣсяца,
Надъ песками безплодными и полями, что тамъ вдали, гдѣ
ребенокъ, оставивъ постель свою, блуждалъ оди-
ноко, босой, съ головой обнаженной,
Внизъ изъ упавшаго свѣтлымъ дождемъ ореола,
Вверхъ изъ мистической этой игры тѣней, переплетающихся,
обнимающихся, какъ будто бы были они живыя,
Изъ массовыхъ пятенъ терновника и ежевики,
Изъ воспоминаній о птицѣ, которая пѣла мнѣ,
Изъ воспоминаній о тебѣ, грустный братъ, изъ этихъ пре-
рывистыхъ подъятій и паденій, которыя я слышалаъ,
Изъ-подъ этой желтой половинной луны, поздно вставшей и
распухшей какъ будто отъ слезъ,
Изъ этихъ начальныхъ нотъ любви и томленья въ туманѣ,
Изъ тысячи отвѣтовъ моего сердца, никогда не кончающихся,
Изъ мириадъ отсюда возникшихъ словъ,
Изъ слова сильнѣе и сладостнѣй, чѣмъ какое бѣ то ни было,
Изъ словъ такихъ, какъ они возникаютъ теперь при посѣ-
щеніи вновь этой сцены,
Какъ стоя, щебечущая, взлетающая, или кверху проле-
тающая,
Проворно сюда устремившись, прежде чѣмъ всѣ исчезнуть,
Мужъ зрѣлый, но вотъ, въ силу этихъ слезъ, малый маль-
чикъ опять,
Бросившись здѣсь на песокъ, лицомъ предъ волнами,
Я, пѣвецъ страданій и радостей, соединитель того, что здѣсь,
и грядущаго,

----- [begin page 104] -----

Берущій всѣ указанья, чтобы ихъ примѣнить, но быстро за
нихъ убѣгающій,
Воспоминанье пою.

Помэнокъ бывшихъ дней,
Когда въ воздухѣ былъ аромать сирени, и росла трава Пя-
того мѣсяца,
Вверху, на этомъ морскомъ берегу, въ терновомъ кустар-
никѣ,
Два пернатые гостя изъ Алабамы, два вмѣстѣ,
И гнѣздо ихъ, и четыре свѣтло-зеленыхъ яйца съ коричне-
выми крапинками,
И каждый день самецъ тутъ и тамъ пролеталъ, все близко,
И каждый день самка сидѣла въ гнѣздѣ, безгласная, съ
глазами блестящими,
И каждый день я, любопытный мальчикъ, никогда слишкомъ
близко, никогда не мѣшая имъ,
Осторожно смотря внимательнымъ взглядомъ, вбирая въ себя,
переводя.

*Сіяй! сіяй! сіяй!
Низливай теплоту свою, солнце великое!
Пока мы здѣсь грѣемся, мы оба вмѣстѣ.*

*Оба вмѣстѣ!
Вѣтры вѣютъ на Югъ, вѣтры вѣютъ на Сѣверъ,
День бѣлымъ приходитъ, ночь черной приходитъ,
Дома, на рѣчкахъ, въ горахъ не дома,
Съ пѣсней все время, не помня о времени,
Пока мы оба здѣсь вмѣстѣ.*

И вдругъ,
Быть можетъ убита, объ этомъ товарищъ не зная,
Въ полдень одинъ самка больше въ гнѣздѣ не сидѣла,
И послѣ полудня она не вернулась, ни день спустя,
И никогда уже больше не появилась.

----- [begin page 105] -----

Съ той поры все лѣто въ говорѣ моря,
И ночью подъ полною круглой луной в болѣе тихое время,
Надъ хриплымъ прибоемъ морскимъ,
Или порхая съ куста и на кустъ въ терновникѣ днемъ,
Я видѣлъ, я слышалъ, время отъ времени, одного, самца,
осиротѣлаго,
Одинокаго гостя изъ Алабамы.

*Вѣй! Вѣй! Вѣй!
Вѣй, вѣтер моря, вдоль береговъ Помэнока!
Я жду и все жду, когда ты привѣешь мнѣ вѣяньемъ по-
другу
другу мою.*

Да, когда звѣзды блистали,

Всю ночь на зубцѣ вѣхи, иззубренной мхами,
Внизу почти, среди волнъ съ ихъ захлестываньемъ,
Сидѣль одинокій пѣвецъ, дивно рождая слезы.

Подругу свою онъ звалъ,
Онъ изливаль значенія, которыя знаю изъ всѣхъ людей
только я.

Да, братъ мой, я знаю,
Другіе того не могли бы, но я сохранилъ твою каждую ноту,
Ибо не разъ, о, не разъ, смутно скользя къ этой бухтѣ,
Безмолвный, избѣгая сіяющихъ лунныхъ лучей, сливаясь съ
тѣнями,
Отзывая теперь туманныя формы, отзвуки эхо, звуки и всѣ
очертанья различныя въ ихъ раздѣленьяхъ,
Неутомимо бѣлыя руки въ кипѣньи буруна кидая,
Я, съ ногами босыми, ребенокъ, съ волосами вѣтромъ раз-
метанными,
Долго и долго внималъ.

Баюкай! баюкай! баюкай!
Вплоть за волной другая волна нѣжно ее баюкаетъ,

----- [begin page 106] -----

И снова другая, опять набѣгаетъ, опять обнимаетъ и
каждая тѣсно къ другой,
Но меня любовь моя не баюкаетъ, нѣтъ, не баюкаетъ.

Низко нависла луна, встала она такъ поздно,
Медлитель луна—отяжелѣла она, любовью навѣрно, лю-
бовью.

О, сумасшедшее море толкается въ сушу, еще,
Съ любовью, съ любовью.

О, ночь! не любовь ли моя, вонъ я вижу, порхаетъ и
вьется в кипѣньи буруна?
Что это тамъ за черная малая точка, я вижу, тамъ въ
бѣломъ?

Громко! громко! громко!
Громко тебя я зову, любовь моя!

Звонко и четко я устремляю мой голосъ впередъ надъ вол-
нами,
О, конечно должна ты узнать, кто здѣсь, кто здѣсь,

Ты должна знать, кто я, любовь моя.

*Низко-нависшая луна!
Что там за смутная точка въ тесной твоей желтизне?
О, это обликъ, обликъ подруги моей!
О, луна, не держи ее больше, не отнимай у меня.*

*Земля! земля! О, земля!
Куда бы я путь ни направилъ, о, я думаю, ты мнѣ могла
бы отдать назадъ подругу мою, еслибъ только
ты захотѣла,
Потому что почти я увѣренъ, что смутно я вижу ее,
куда бъ ни взглянулъ.*

----- [begin page 107] -----

*О, встающія звѣзды!
Быть можетъ та, кого мнѣ такъ нужно, встанетъ
однажды, встанетъ съ одною изъ васъ.*

*О, горло! Дрожащее горло!
Яснѣ звени черезъ воздухъ!
Землю пронзай и лѣса,
Гдѣ-нибудь слушаетъ, слушаетъ, чтобы услышать тебя,
та, кого мнѣ такъ нужно.*

*Выбрасывай пѣсни!
Здѣсь одинокія, пѣсни ночныя!
Пѣсни любви одинокой! пѣніе смерти!
Пѣсни подъ этой замедлившей желтой ущербной луной!
О, подъ этой луной, гдѣ она наклоняется, падаетъ въ
самое море!
О, безрасудныя пѣсни, звуки отчаянья.*

*Но тише! тихонько, постой!
Я буду чуть слышно вздыхать,
И ты, многошумное хриплое море, помедли минутку,
Мнѣ кажется, гдѣ-то я слышалъ, мнѣ подруга моя отвѣ-
чаетъ,
Такъ слабо, я буду тихонько, я буду тихонько вниманть,
Но не умолкну совсѣмъ, а то она сразу не будетъ знать,
куда придти ко мне.*

*Сюда, любовь моя!
Здѣсь я! здѣсь!
Этимъ сдержаннымъ звукомъ о себѣ я тебѣ возвѣщаю,
Этотъ нѣжный призывъ для тебя, для тебя, любовь моя.*

*Пусть тебя никуда не заманять,
Вот это—свистъ вѣтра, это голосъ не мой,
Вот это—порханье, порханіе пѣны,
Вот это—тѣни листьвы.*

----- [begin page 108] -----

*О, тьма! О, напрасно!
О, я истомился въ конецъ и скорблю.*

*О, смутный кругъ въ небесахъ возлѣ луны, упадающій
внизъ на море!*

*О, отраженье смущенное въ морѣ!
О, горло! О, трепетное сердце!
Я пою бесплодно, бесплодно всю ночь.
О, прошлое! О, счастливая жизнь! О, пѣсни восторга!
Въ воздухъ, въ чащу лѣсной, на поляхъ,
Любимый! любимый! любимый! любимый! любимый!
Но подруги моей больше нѣтъ, больше нѣтъ со мной.
Мы оба больше не вмѣстѣ.*

*Арія падаетъ.
Все другое по прежнему длится, звѣзды сіяютъ,
Вѣтры вздыхаютъ и вѣютъ, непрерывно звучатъ какъ клики
и отклики звуки птичьяго голоса,
Съ сердитою жалобой гнѣвная старая мать ворчитъ и все
жалуется,
На пескахъ Помѣнока, сѣдая, шуршитъ на прибрежьи,
Желтый обликъ луны, половинный, возросшій, изогнутый,
упадая, почти ужъ касается облика моря,
Мальчикъ, объятый экстазомъ, волны играютъ ногами бо-
сыми его, волосами вѣтры играютъ,
Любовь взаперти была въ сердцѣ такъ долго, теперъ нако-
нецъ на свободѣ, безумствуетъ, вырвалась,
Значеніе пѣсни, слухъ, душу, быстро являетъ,
Странныя слезы бѣгутъ по щекамъ,
Бесѣда, втроемъ, каждый рѣчь свою держитъ,
Нижній тонъ, мать древняя дикая плачетъ безостановочно,
Проноровляясь угрюмо къ душѣ этой дѣтской, въ шипѣньи
ему повѣствуя немного изъ тайнъ потонувшихъ,
Ихъ слушаетъ онъ, начинающій бардъ.*

*Демонъ иль птица! (сказала душа ребенка),
Вправду ли это къ подругѣ своей ты поешь? или воистину
это ко мнѣ?*

----- [begin page 109] -----

Ибо я, что мальчикомъ былъ, съ рѣчью, дремотой объятою,
нынѣ услышалъ тебя,
Въ мигъ единый теперъ я узналъ, что я такое, я пробудился,
И ужь тысячи звонкихъ пѣвцовъ, тысячи пѣсенъ, громче,
звончѣй чѣмъ твои, и печальнѣе,
Тысячи откликовъ, звонко щебечущихъ, къ жизни возникли
во мнѣ, и вставъ, не умрутъ.

О, ты, одинокий пѣвецъ, поющій самъ по себѣ, меня какъ
тѣнь означающій,
Одиноко внимающій тебѣ, никогда продолжать я твой голосъ
не перестану,
Ужь никогда не ускользну я, и отзвуки, отсвѣты,
Крики любви неутоленной никогда ужь не будутъ мнѣ чужды,
Никогда ужь меня не оставятъ быть тѣмъ мирнымъ ребен-
комъ, какимъ я былъ передъ этимъ в ночи,
У моря подъ желтой изгибной луной,
Вѣстникъ тогда пробудился, огонь, сладостный адъ внутри,
Потребность невѣдомая, мой удѣлъ.

О, дай мнѣ ключъ! (онъ гдѣ-то таится вотъ здѣсь в ночи),
Если столько дано мнѣ, дай мнѣ имѣть и больше.

Такъ слово! ибо я завоюю его!
Слово конечное, высшее слово изъ всѣхъ,
Утонченное, посланное — что это? — вотъ, я слушаю;
Вы его шепчете, вы все время его шептали, волны морскія?
Такъ это оно съ вашихъ влажныхъ краевъ и песковъ омо-
ченныхъ?

На это отвѣтствуя море,
Безъ промедлений, безъ торопливости,
Мнѣ шепнуло сквозь ночь, и явственно передъ разсвѣтомъ,
Пролепетало мнѣ тихое слово плѣнительное—смерть,
И снова смерть, смерть, смерть, смерть,
Съ мелодичнымъ свистомъ, не такъ, какъ птица, и не такъ,
какъ сердце мое, пробужденное сердце ребенка,

----- [begin page 110] -----

Но, продвигаясь каймой и какъ будто бы именно мнѣ ше-
лестя у ногъ моихъ,
Вползая оттуда упорно до слуха внимающаго и мягко меня
всего омывая,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.

Чего не забуду я,—
Но вотъ сливаю пѣсню моего смутнаго демона брата,
Которую мнѣ онъ пропѣлъ въ лунномъ свѣтѣ на побережьи
сѣдомъ Поминока,
Съ тысячью пѣсенъ отвѣтныхъ, взятыхъ мной наудачу,
Собственныхъ пѣсенъ моихъ, пробужденныхъ съ этого часа,

И съ ними ключъ, слово изъ волнъ,
Словно нѣжнѣйшей пѣсни и всѣ пѣснопѣнья,
Это плѣнительно-сильное слово, которое, къ ногамъ моимъ
подползая,
(Или какъ нѣкая старая нянька, что колыбель качаетъ,
всю въ свивальникахъ нѣжныхъ, ее къ сторонѣ
отклоняя),
Нашептало мнѣ море.

СЛЕЗЫ.

Слезы! слезы! слезы!
Въ одиночествѣ, ночью, слезы,
Что капля за каплей, на берегъ съдой, текутъ, ихъ впи-
ваетъ песокъ,
Слезы, слезы, нѣтъ ни звѣзды, все пустынно и вьоду темно,
Влажные слезы изъ глазъ, на закутанномъ чьемъ-то лицѣ,
О, кто этотъ призракъ? тотъ духъ, въ темнотѣ, въ слезахъ?
Какъ обрубокъ безформенный онъ, согнулся, сидитъ на
пескѣ?
И слезы, и вздохи, и муки, онъ задохся отъ криковъ бе-
зумныхъ;

----- [begin page 111] -----

О, буря, она собралась, возросла, и несется, и мчится по
отлогому берегу, вдоль!
О, дикая буря ночная, зловѣщая буря, съ вѣтрами—въ ней
отчаянье, въ ней изверженье!
О, тѣнь, какъ степенна она, какъ пристойна при свѣтѣ
дневномъ, съ спокойнымъ лицомъ и съ размѣрен-
нымъ шагомъ,
Но прочь уходящая ночью, поспѣшно, не видитъ никто,—
Тогда разрѣшенъ океанъ
Слезъ! слезъ! слезъ!

ПТИЦА-БОЕЦЪ. (ФРЕГАТЪ).

Ты, спавшій на бурѣ всю ночь,
Проснувшійся весь обновленный на своихъ непомѣрныхъ
крылахъ,
(Гроза разразилась? Ты выше поднялся надъ дикой,
На тучѣ покоился, туча качала тебя, рабыня твоя баюкала),
Ты синяя точка теперь, далеко, далеко, на небѣ,
Плывешь,
Межъ тѣмъ какъ на палубѣ здѣсь я слѣжу за тобой, вы-
плывая на свѣтлую полосу,
(Самъ—точка, лишь атомъ в плавучей пустынѣ міровъ).

Далеко, далеко на морѣ,
Послѣ ночи съ свирѣпымъ приливомъ, усѣявшимъ берегъ
обломками,

Съ новымъ днемъ, какъ сегодня, счастливымъ и яснымъ,
Съ зарей возрастающе-розовой,
Съ ослѣпительнымъ солнцемъ, въ просторѣ лазурнаго чи-
стаго воздуха,
Ты тоже являешься вновь.
Ты, рожденный соперничать съ вихремъ (ты, вѣтеръ, всѣ
вѣтры),

----- [begin page 112] -----

Ты, готовый схватиться съ просторомъ небесъ, с урага-
номъ, съ землею и съ моремъ,
Ты, воздушный корабль, паруса никогда не роняющій,
Дни, ночи, недѣли, безъ устали, прямо, впередъ, чрезъ про-
странства, чрезъ царства ты кружишься, мчишься,
Ты въ сумеркахъ былъ въ Сенегалѣ, ты утрою въ Аме-
рику,
Ты играешь межъ вспыхнувшихъ молній и въ тучахъ гро-
рику,
Въ нихъ, въ эти забавы, ты душу мою захвати, —
О, что бь это былъ за восторгъ! твой восторгъ!

МОРСКОЙ ПОДВОДНЫЙ МІРЪ.

Морской подводный міръ,
Лѣса на днѣ морскомъ, листы и вѣтви,
Морской латукъ, слои обширныхъ мховъ,
И странные посѣвы и цвѣты.
Густыя травы, мурава съ цвѣтками
Подобнымъ глазамъ, отверстия, щели,
Различные цвѣта, цвѣтъ блѣдно-сѣрый,
Зеленый, красный, бѣлый, золотой,
Игра и смѣна свѣта подъ водою,
Пловцы нѣмые, тамъ внизу межъ скалъ,
Кораллы, клейковины, камыши,
И водоросли, и пловцовъ тѣхъ пища,
Лѣнивыя вездѣ существованья,
Одни, въ водѣ подвѣшены, пасутся,
Другія жмутся, позаютъ по дну,
На глади Моря, пѣну выдувая
И воздухъ, проплываетъ кашалотъ,
И плавниками мощными играетъ,
Плыветъ свинцовоглазная акула,
Моржъ, черепаха, леопардъ морской,

----- [begin page 113] -----

Мохнатый, пробѣгаютъ рыбы-скаты,
Тамъ страсти, войны, племена, погони,
Тамъ зрѣнье есть въ глубинахъ океанскихъ,
Что дышутъ этимъ воздухомъ густымъ,
Какъ многіе подобное свершаютъ,

Отсюда перемѣна къ зрѣнью здѣсь,
И къ воздуху тончайшему, которымъ
Такія дышуть существа, какъ мы,
И перемѣна, шагъ отъ нашей сферы,
Въ иныя сферы, къ существамъ другимъ,

НОЧЬЮ ОДИНЪ НА ПРИБРЕЖЬИ.

Ночью одинъ на побережьи,
Межь тѣмъ какъ старая мать, распѣвая хриплую пѣсню,—
 баюкаетъ чадо свое,
Я смотрю на блестящія ясныя звѣзды, и думаю думу,—
 гдѣ ключъ вселенныхъ и будущаго.
Смыкаютъ все обширныя подобья, всѣ сферы, что выросли
 и не выросли, міры большіе, малые, смыкаютъ
 всѣ солнца, луны, и планеты,
Всѣ разстоянья мѣстъ, хотя бѣ обширныхъ,
Всѣ разстоянья времени, всѣ формы, въ которыхъ духа
 нѣтъ,
Всѣ души, всѣ живущія тѣла, хотя бѣ они всегда различны
 были в мірахъ различныхъ,
Все то, что происходитъ въ газахъ, влагѣ, растеньяхъ, ми-
 нералахъ, между рыбъ, среди
 звѣрей,
Смыкаетъ всѣ народы, всѣ краски, варваризмы, языки,
Всѣ тождества, какія только были, иль могутъ возникнуть
 на этомъ шарѣ,
Всѣ жизни, смерти, все, что было въ прошломъ, что въ
 настоящемъ, въ будущемъ идетъ,
Обширныя подобья скрѣпляютъ, всегда скрѣпляли все, и бу-
 дутъ вѣчно
Скрѣпляютъ, смыкать, держать все плотно, цѣльно.

----- [begin page 114] -----

----- [begin page 115] -----

У ДОРОГИ.

----- [begin page 116] -----

----- [begin page 117] -----

ЕВРОПЪ, 72 и 73 Годы Соединенныхъ Штатовъ.

Внезапно изъ ветхой и сонной берлоги,
Изъ душной берлоги рабовъ,
Какъ будто бы вспыхнула яркая молнія,
Сама на себя удивляясь,
Ногой придавивши лохмотья и пепель,
И стиснувши руки на горлѣ владыкъ.

О, надежда и вѣра!
О, боль завершенія жизни—всехъ техъ,
Кто былъ изгнан за то, что любилъ свою родину,
О, сколько, порвавшихся въ пыткъ, сердець!
Вернитесь назадъ въ этотъ день,
И забейтесь для жизни свободной.

А вы, которымъ платятъ за услугу
Грязнить народъ, замѣтте вы, лжецы:
Хотя несчетны были истязанья,
Убийства и безчестность воровства
Въ извилистыхъ и самыхъ низкихъ формахъ, —
Хотя изъ тѣхъ, кто бедень, выжимали
Достатокъ весь, грызя его какъ черви,—
Хоть обещанья с королевскихъ устъ
Нарушены, и тот, кто обѣщался,
Отмѣтилъ подлымъ смехомъ свой обѣтъ,—
И хоть во власти тѣхъ, кто былъ обиженъ,
Владыки были,—все жъ свои удары
На нихъ еще не устремила мечь,
И головы не срѣзаны у знати;—
Народъ презрѣлъ свирѣпости владыкъ,

----- [begin page 118] -----

Но мягкость милосердія была,
Какъ дрожжи для гибели горчайшей,
И струсившіе деспоты вернулись.
Съ своей приходитъ каждый съ полной свитой,
При немъ—палачъ, святоша, вымогатель,
Солдатъ, законникъ, баринъ, и тюремщикъ,
И скофантъ.

А сзади всѣхъ ползет, глядите, призракъ,
Какъ бы туманъ, въ покровѣ бесконечномъ,
Лобъ, голова, и весь—въ багряныхъ складкахъ,
Лица и глазъ никто не видитъ,
Изъ всѣхъ одеждъ, изъ красныхъ одѣяній,
Приподнятыхъ рукой, лишь палець видно,
Изогнутый, кривой, во всемъ подобный
Змѣиной головѣ.

Межъ тѣмъ тела лежать въ могилахъ свѣжихъ,

Кровавыя тѣла погибшихъ юныхъ,
Веревка тяжко съ висѣлицы пала,
Летаютъ пули, принцы ихъ послали,
Приспешники властей хохочутъ,—
И это все должно явить свой плодъ.

Тѣла погибшихъ юношей, тѣла
Замученныхъ, повѣшенныхъ, сердца,
Пронзенные свинцомъ жестоко-сѣрымъ,
Теперь какъ будто холодны, недвижны,
Но невозможно ихъ убить.
Они вознесены святою смертию,
Они живутъ въ другихъ, такихъ же юныхъ,
Внемлите, короли,
Они живутъ въ другихъ, опять готовыхъ
На вызовъ вамъ.

Надъ каждымъ, кто убить былъ за свободу,

----- [begin page 119] -----

Надъ каждою подобною могилой,
Растетъ трава, которой имя — вольность,
И въ свой чередъ посѣетъ сѣмена,
И вѣтры разнесутъ ихъ для посѣвовъ,
Дожди, снѣга—кормильцы имъ.

Да, каждый духъ, котораго отъ тѣла
Освободить оружіе тирана,
Здѣсь будетъ, отъ земли онъ не уйдетъ,
Онъ будетъ проходить по ней незримо,
Шептать, предупреждать и торопить.

Свобода, пусть отчаются другіе,
Я никогда въ тебѣ не усомнюсь.

Домъ запертъ? И хозяина нѣтъ дома?
Пусть, все равно готовы будьте, ждите,
Онъ будетъ скоро, вѣстники его
Приходятъ вдругъ!

РУЧНОЕ ЗЕРКАЛО.

Держи его мрачно—гляди, что оно посылаетъ назадъ (кто
это? иль это ты?),
Снаружи—одежда нарядная, внутри—нечистоты и прахъ,
Нѣтъ больше блестящихъ глазъ, нѣтъ болѣе звучнаго го-
лоса, нѣтъ болѣе твердой походки,
Теперь взоръ унылый раба, руки, походка, и голосъ раба,

Дыханіе пьяницы, ликъ нездоровый обжоры, плоть сифи-
литика,
Легкіе тамъ внутри по кускамъ отгнивающія,
Желудокъ больной, разъѣдаемый ракомъ,
Боль ревматизма въ суставахъ, кишки, набитыя мерзостью,
Темная кровь, что струится отравнымъ теченьемъ,

- - - - - [begin page 120] - - - - -

Вмѣсто словъ бормотанье, притупленный слухъ, осязанье,
Нѣтъ мозга; нѣтъ болѣе сердца, нѣтъ магнетизма пола;
Это изъ зеркала глянетъ въ зрачокъ, передъ тѣмъ какъ
отсюда уйдешь ты,
Такой конецъ такъ скоро—и послѣ такого начала!

БОГИ.

Любовникъ божественный, безупречный Товарищъ,
Ждущій, незримый еще, но вполне достовѣрный,
Будь моимъ Богомъ.

Ты, ты, о, Совершенный Человѣкъ,
Способный, свѣтлый, и красивый,
Довольный, любящій,
Широкий въ духъ, заверченный в тѣлѣ,
Будь моимъ Богомъ.

О, Смерть, (ибо Жизнь свой чередъ остслужила),
Открыватель, привратникъ жилища небеснаго,
Будь моимъ Богомъ.

Сильнѣйшее, и лучшее, что вижу,
Что знаю, постигаю
(Чтобы разрушить оковы водъ стоячихъ, и тебя, освободить
тебя, Душа),
Будь моимъ Богомъ.

Всѣ помыслы великіе, стремленья
Народовъ, всѣ геройскія дѣянья,
Свершенья восхищенныхъ, просвѣтленныхъ,
Будьте моими Богами.

Или Время и Пространство,
Иль форма дивная божественной Земли,

- - - - - [begin page 121] - - - - -

Иль что нибудь красивое, на что я

Гляжу, дивясь,
Или лучистый обликъ солнца,
Или звѣзда въ ночи,
Будьте моими Богами.

КОГДА УСЛЫХАЛЪ Я АСТРОНОМА УЧЕНАГО.

Когда услыхалъ я астронома ученаго,
Когда предъ собой увидалъ я дѣленья, фигуры, въ колоннахъ,
Когда діаграммы увидѣлъ я, карты, сложенья, и мѣры,
Когда я сидѣлъ и слушалъ, какъ астрономъ говорить,
Въ аудиторіи лекцію складно читаетъ, съ успѣхомъ большимъ,—
Какъ непостижно я сдѣлался скоро больнымъ и усталымъ,
Пока наконецъ я не всталъ и не выскользнулъ прочь,
Въ мистическій влажный вохдухъ ночной,
Гдѣ время отъ времени
Глядѣлъ я, въ молчаніи полномъ, на звѣзды.

СОВЕРШЕНСТВА.

Лишь сами они понимаютъ себя и подобныхъ себѣ,
Какъ душу пойметъ лишь душа.

О, Я! О ЖИЗНЬ!

О, я! О, жизнь! бесконечно все тѣ же вопросы, въ своемъ
возвращеніи,
Бесконечно ряды недостойныхъ, невѣрныхъ, города, что на-
биты глупцами,
Я самъ каждый мигъ самого себя упрекающій (ибо кто же
глупѣе, чѣмъ я, и кто больше невѣрнень?),

----- [begin page 122] -----

Глаза напасно хотящіе свѣта, ничтожность и низость, без-
конечно борьба и борьба.
Убожество всѣхъ достиженій, тупо идущія, грязныя массы,
эта толпа вокругъ меня,
Пустые безплодные годы покоя, я съ этимъ со всѣмъ спле-
тенный,
Вопросъ, о, горе мнѣ! скорбный, повторный.—Что же во
всемъ этомъ добраго?
О, я! О, жизнь!

ОТВѢТЬ.

То, что ты здѣсь—что жизнь существуетъ и тождество,
Что могучее зрѣлище длится, и ты можешь пропѣть въ
немъ свой стихъ.

Я СИЖУ И ГЛЯЖУ.

Я сижу и гляжу на всѣ скорби міра, на весь его гнеть и
стыдъ,
Я слышу рыданья, припадокъ рыданій, юношей полныхъ рас-
каянья, послѣ дѣлъ уже сдѣланныхъ,
Я вижу убогую жизнь старухи гонимой своими дѣтьми, уми-
рающей, полной отчаянья, исхудавшей, и скорбной,
Я вижу, какъ мужъ обращается дурно съ женой, я вижу,
какъ соблазнитель вовлекаетъ въ обманъ юныхъ
женщинъ,
Я вижу, какъ ревность и жжетъ и грызетъ, какъ любовь
безъ отвѣта старается спрятаться, я вижу все это
здѣсь на землѣ,
Я вижу, все то, что свершаютъ сраженья, чума, тираннія,
узниковъ вижу и мучениковъ,

----- [begin page 123] -----

Я вижу голодъ на Морѣ, смотрю, какъ матросы жребій бро-
саютъ, кто будетъ убитъ, чтобы жизни другихъ
сохранились,
Я вижу, какъ наглые люди заносчиво прижимаютъ рабочихъ,
тѣснятъ бѣдняковъ, и негровъ, и всѣхъ угне-
тенный,
Все это—всю эту низость и пытку, которой конца пѣть, я
все это взоромъ объемлю,
Вижу, слышу, молчу.

ЗВѢЗДА ФРАНЦІИ. 1870— 1871.

О, Франція, звѣзда,
Блистательность твоихъ надеждъ и силъ, и славы,
Какъ нѣкій повелительный корабль,
Который вель такъ долго цѣлый флотъ,
Сегодня кажется лишь выброскомъ, носимымъ
По волѣ бурь, лишь остовомъ безъ мачтъ,
Съ полупотопшимъ жалкимъ экипажемъ,
Съ толпой полубезумной,—нѣтъ руля,
Нѣтъ рулевого.

Во тьму упавшая звѣзда,
Ты шаръ не только Франціи одной,
Души моей, ея надеждъ завѣтныхъ,
Ты блѣдный символъ, ты восторгъ борьбы,
Священный жаръ свободы, дерзновенье,
Стремленье къ отдаленнымъ идеаламъ,
Ты сонъ о братствѣ, сонъ энтузіаста,
Ты ужасъ всѣхъ тиранов и святошъ.

Распятая звѣзда—ты продана,
Ты продана измѣнниками подло,

Звѣзда страданья надъ страною смерти,
Надъ краемъ героическимъ и страннымъ,
Надъ страстной, надъ фривольною страной.
О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. И за твои ошибки,
За суетность твою, и за грѣхи
Я нынѣ упрекать тебя не стану,
Огонь твоихъ терзаній беспримѣрныхъ
Ихъ сжегъ, и ты освѣщена.

За то, что ты средь многихъ винъ своихъ
Всегда высокой цѣлью задавалась,
За то, что, какъ цѣна ни будь громадна,
Себя ты не хотѣла продавать,
За то, что съ горькимъ плачемъ ты проснулась
Отъ зелья одурманеннаго сна,
За то, что ты одна, какъ великанша,
Среди сестеръ,
Тѣхъ, кто тебя позорилъ, разорвала,
За то, что не могла ты, не хотѣла
И не носила принятыхъ цѣпей,—
Вотъ этотъ крестъ тебѣ, твой ликъ избитый,
Кривавость рукъ и язвы ногъ пронзенныхъ,
Копье, воткнутое въ тебя.

О, Франція! Звѣзда, корабль разбитый,
Давно ужъ одураченный—проснись,
Звѣзда, зажгись, корабль, найди дорогу!

Да, какъ корабль всего, сама Земля
Изъ хаоса кипучаго рожденья,
Созданье смертоноснаго огня,
Изъ мглы отравъ и судорогъ свирѣпыхъ,
Выходитъ въ красотѣ побѣды полной,
Такъ ты подъ Солнцемъ, путь свой начертавъ,
Плыви, корабль, раскрывши крылья.

Свершатся дни, растаютъ облака,
Распутанъ будетъ жесткій трудный узелъ,
И высоко надъ Европейскимъ міромъ
(Лицомъ къ лицу, черезъ просторъ морей,
Колумбіи отвѣтствуя побѣдно),
Твоя звѣзда, о, Франція, опять,
Красивая звѣзда в вѣнцѣ лучистомъ,
Въ тиши небесной, ярче, въ новомъ блескѣ,

Зажжетъ бессмертный лучъ.

ЛАСКА ОРЛОВЪ.

Идя вдоль рѣки по дорогѣ (это утромъ мой отдыхъ, прогулка),
Я въ воздухѣ, тамъ, ближе къ небу, заглушенный услышалъ звукъ;
Внезапная ласка орловъ, любовная схватка въ пространствѣ,
Сплетеніе вмѣстѣ высоко, сомкнутые сжатые когти,
Вращеніе, бѣшенство, ярость живого вверху колеса,
Четыре могучихъ крыла, два клюва, сцѣпленіе массы,
Верченье, круженье комка, разрывы его и увертки,
Прямое паденіе внизъ, покуда, застывъ надъ рѣкою,
Два вмѣстѣ не стали одно, въ блаженномъ мгновеньи за-
тишья,
Вотъ, въ воздухѣ медлятъ они въ недвижномъ еще равновѣсьи,
Разлука, и втянуты когти, и вотъ они, медленно, снова
На крѣпкихъ и вѣрныхъ крылахъ, вкось, въ разномъ отдѣльномъ полетѣ,
Летятъ, онъ своею дорогой, своею дорогой она.

----- [begin page 126] -----

ХОЖДЕНІЯ В МЫСЛИ. *(Послѣ чтенія Гегеля).*

Въ мысли своей проходя по Вселенной, я видѣлъ, что малость
Имя чье—Благо, упорно стремится къ безсмертью,
Все же обширное, имя чье—Зло, поспѣшаетъ
Быть поглощеннымъ и мертвымъ, погаснуть, исчезнуть.

КАРТИНА ФЕРМЫ.

Гумно, открыта дверь широкая овина,
И видно пастбище, на немъ рогатый скотъ,
Пасутся лошади, подъ солнечнымъ сіяньемъ,
А тамъ туманъ, и ширь, и дальній горизонтъ.

БѢГУНЪ.

На плоской дорогѣ бѣжитъ, искусившійся въ бѣгъ, бѣгунъ,
Онъ тонокъ, и жилисть онъ весь, у него мускулистые ноги,
Онъ одѣтъ легко, и при бѣгѣ наклоняется тѣломъ впередъ,
И кисти его слегка сжаты, и руки немного приподняты.

КРАСИВЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

Женщины ходять, сидять, молодыя и старья,
Молодыя красивы—красивѣе старья юныхъ.

----- [begin page 127] -----

МАТЬ И ДИТЯ.

Я вижу, дитя задремало, какъ въ гнѣздѣ, на груди мате-
ринской,
Мать и ребенокъ спятъ—о, долго я ихъ изучаю.

МЫСЛЬ.

Послушанія, вѣры, и клейки;
Я стою въ сторонѣ и гляжу, я глубоко растроганъ при
видѣ, что сонмы людей повинуются голосу тѣхъ,
кто не вѣритъ въ людей.

СКОЛЬЗЯ ПО ВСЕМУ, ЧЕРЕЗЪ ВСЕ.

Скользя по всему, черезъ все,
Черезъ Природу, Пространство, и Время,
Какъ корабль, по водамъ приближающійся.
Скитанья души—не жизнь одну,
Смерть, смерти многія буду я пѣть.

НЕ ПРИХОДИЛЪ КЪ ТЕБѢ НИ РАЗУ ЧАСЪ ПРОСВѢТА.

Не приходилъ къ тебѣ ни разу часъ просвѣта,
Божественный, внезапный, быстрый проблескъ,
Порвавши вдругъ всѣ пузыри—обычай,
Богатство, торопливость важныхъ дѣлъ,
Политику, любви, искусство, книги—
До полноты небытія?

----- [begin page 128] -----

СТАРЫЕ ЛЮДИ.

Я вижу въ васъ устье рѣки, что растетъ, расширяется
Вливаясь въ великое море.

МѢСТА И ВРЕМЕНА.

Мѣста и времена—что есть во мнѣ такое,

Что всюду и всегда я имъ иду навстрѣчу,
Когда бы, гдѣ бы,—всюду дома?
Цвѣта, сгущенія, и запахи, и формы—
Что́ есть во мнѣ, связующее съ ними,
Въ чемъ наша связь?

----- [begin page 129] -----

УДАРЫ БАРАБАНА.

----- [begin page 130] -----

----- [begin page 131] -----

ГРОМЧЕ УДАРЬ, БАРАБАНЪ.

Громче ударь, барабанъ!—Трубы, трубите, трубите!
Въ окна и въ двери ворвитесь—съ неумолимой силой,
Въ храмъ во время обѣдни—пусть всѣ уйдутъ изъ церкви,
Въ школу, гдѣ учится юноша, силою звуковъ ворвитесь,
Жениху не давайте покоя—не время теперь быть съ невѣстой,
Возмутите мирнаго пахаря, который пашетъ и жнетъ,
Гремите сильнѣй, барабаны—громче, сильнѣе ударьте,
Рѣзкія трубы, трубите—звучи намъ, призывный рогъ!

Громче ударь, барабанъ!—Трубы, трубите, трубите!
Над суетой городовъ—над уличнымъ шумомъ и грохотомъ.
Постели готовы для спящихъ, чтобъ спать эту ночь въ
домахъ?
Не надо, не нужно, чтобъ спящіе спали въ постеляхъ своихъ.
Торговцы торгуют? Не надо, не нужно теперь торгашей,
Ораторъ еще не умолкъ? пѣвецъ будетъ пѣть, пожалуй?
Въ судѣ адвокатъ защищаетъ дѣло свое предъ судьей?
Скорѣй же, скорѣй, барабаны,—рассыптесь гремящею дробью,
Пронзительно, трубы, трубите—звучи намъ, призывный рогъ!

Громче ударь, барабанъ!—Трубы, трубите, трубите!
Переговоровъ не надо—разубѣжденія прочь,
О боязливомъ не думать—о слезахъ и моленяхъ не думать,
О старикѣ, умоляющемъ юношу, помыслы прочь,
Голосъ ребенка да смолкнетъ, зовъ материнскій да смолкнетъ,
Ждущіе похоронъ трупы, пусть даже вздрогнуть они,
Страшную вѣсть возвѣстите боемъ своимъ, барабаны,
Съ воплемъ трубите намъ, трубы,—звучи намъ, призывный
рогъ!

ПѢСНЬ РАЗСВѢТНОГО ЗНАМЕНИ.

Поэтъ.

О, новая пѣснь, свободная пѣснь,
Ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься,
Зовы тебя порождаютъ и четкий напевъ голосовъ,
Голосъ вѣтра и зовъ барабана,
Голосъ знамени, голосъ ребенка, и голосъ моря, и голосъ
отца,
Низко здѣсь на землѣ и высоко тамъ въ воздухѣ,
На землѣ, гдѣ стоятъ отецъ и ребенокъ,
И въ воздухѣ вышнемъ, куда глаза устремляются,
Гдѣ бьется разсвѣтное знамя.

Слова! Что вы, мертвыя книжности?
Нѣтъ больше словъ, ибо глядите и слушайте:
Пѣсня моя здѣсь звучитъ на открытомъ воздухѣ,
Я долженъ петь вместе со знаменемъ, съ браннымъ стя-
гомъ.

Скручу я струну и вкручу въ нее
Желанье мужчины, желанье ребенка, я вкручу ихъ въ нее,
Жизнью струну я наполню.
Я вмещу въ нее яркий конецъ штыка,
Я вкручу въ нее пули и свистъ картечи
(Как тотъ, кто несетъ угрозу и символъ далеко въ грядущее,
Съ голосомъ трубнымъ крича: *Пробудитесь, возстаньте!*
Пробудитесь, возстаньте!);
Я стихъ изолью съ потоками крови, полный волненья и ра-
дости,
Стихъ текучій, иди же скорѣе, соперничай
Со знаменемъ, знаменемъ браннымъ.

Знамя.

Сюда, ко мнѣ, пѣвецъ, пѣвецъ,
Сюда, ко мнѣ, душа, душа,
Сюда, ко мнѣ, ребенокъ малый,
Мы будемъ въ облакахъ носиться,
Съ вѣтрами будемъ мы играть,
Съ вѣтрами будемъ мы кружиться,
Съ безмѣрнымъ свѣтомъ веселиться.

Ребенокъ.

Отецъ, скажи, что тамъ въ небѣ манить меня длиннымъ
пальцемъ,
И что это мнѣ въ то же время говорить, говорить?

Отецъ.

Ничего, дитя, ты не видишь въ небѣ,
Посмотри, тамъ въ домахъ, сколько яркихъ вещей,
Открываются лавки мѣняльныя,
Посмотри, приготовилось сколько повозокъ,
Чтоб ползти среди улицъ съ товарами;
Сколько цѣнности въ нихъ, и труда сколько вложено,
Как желаетъ ихъ вся земля.

Поэтъ.

Свѣжимъ и розово-краснымъ солнце восходить все выше,
Море въ дали голубой плыветъ и бѣжитъ и плыветъ,
Вѣтеръ над лономъ морскимъ веетъ, стремится к земле,
Вѣтеръ сильный идетъ съ Запада, съ Юго-запада,
Пѣной молочно-бѣлой играетъ надъ гранью водъ.

----- [begin page 134] -----

Но я-то не море и не красное солнце.
Я не вѣтеръ съ ребяческимъ смѣхомъ его,
Я не вѣтеръ безмѣрный, который крѣпчаетъ,
Я не вѣтеръ, который и хлещетъ и бьетъ,
Но я тотъ, кто незримый приходитъ, поетъ,
Прихожу и пою, и пою, и пою.
Я тотъ, кто лепечетъ въ ручьяхъ и въ дождяхъ.
Я птицамъ извѣстенъ въ поляхъ и лѣсахъ,
Онъ мнѣ щебечуть и утромъ и вечеромъ,
Я тотъ, кто извѣстенъ прибрежнымъ пескамъ,
И знаютъ шипящія волны меня,
И знамя и бранное знамя,
Что мечется, бьется вверху.

Ребенокъ.

Отецъ, да оно живое,
Как тамъ много людей—тамъ дѣти,
Вотъ, мнѣ кажется, вижу, оно
Говорить съ своими дѣтьми,
Я слышу—оно говорить и со мной.
Какъ это волшебю!
О, оно расширяется, быстро растеть, Отецъ,
Оно покрываетъ все небо!

Отецъ.

Перестань, перестань, глупый мальчикъ,
То, что ты говоришь, печалить меня,
И мнѣ очень не нравится;
Смотри съ другими, опять говорю,
Смотри не вверхъ, на знамена,
Взгляни, мостовая какая внизу,
И замѣть, какъ прочны дома.

Знамя.

Говори съ ребенкомъ, пѣвецъ,
Говори всѣмъ дѣтямъ на Югъ и на Сѣверъ,
Все забудь, укажи этотъ день,
Я вьюсь, развѣваюсь по вѣтру.

Поэтъ.

Я вижу не эти лишь полосы знамени,
Я слышу раскатные топоты армій,
И слышу я окликъ, зоветь часовой;
Я слышу ликующій вопль миллионовъ,
Я слышу Свободу въ воззваньяхъ людей,
Гремятъ барабаны, безумствуютъ трубы,
Я самъ между ними—возсталъ, и лечу,
Я вольная птица лѣсовъ и утесовъ,
Я вольная птица морей,
Съ высотъ язираю, на крыльяхъ, на крыльяхъ,
И мнѣ ли плѣнительный мир отвергать!
Я вижу безчисленность пашень, амбары,
Я вижу работы, я вижу рабочихъ,
Я вижу несчетность телѣгъ и телѣгъ,
Я вижу, я слышу, летятъ паровозы,
Я вижу огромные мощные склады,
Я вижу на Западѣ груды зерна,
Над нимъ, задержавшись, я рѣю,
Я вижу на Сѣверѣ лѣсъ строевой,
И вновь я на Югѣ, и всюду работа,
Окинувши целое зоркимъ оглядомъ,
Я вижу, какъ цѣнны сбиранья и жатвы,
Я вижу, что значитъ единство великихъ,
Надменныхъ, въ единое слитыхъ, владѣній
(А сколько ихъ будетъ еще!),
Я крѣпости вижу надъ гуломъ портовымъ,

Приходятъ, уходятъ, плывутъ корабли,
И все же, и все же, над всѣмъ этимъ міромъ
Подъемлю я малое длинное знамя,
Возникшее въ видѣ меча!
Проворно летитъ оно, мечется, бьется,
Войну указуя и вызовъ,
Мой стягъ уже поднять надъ глыбами зданий,
Грозитъ лезвіемъ это звѣздное знамя,
Прочь миръ отъ земли и воды!

Знамя.

Все громче и громче, сильнѣе, смѣлѣе,
Все дальше и дальше, певецъ!
Пронзи своимъ голосомъ воздухъ,
Не мир и богатства показывай дѣтямъ,
Довольно об этомъ, мы ужасомъ будемъ,
Теперь ужъ мы ужасъ, теперь мы рѣзня!
Что значить обширность, надменность владѣній,
Ихъ пять или десять, ихъ сколько, ихъ сколько?
И сколько тамъ складовъ и лавокъ мѣняльныхъ?
Все, все это наше, всѣ земли, всѣ воды,
И море, и рѣки, и нивы, и доли,
Для насъ паруса кораблей,
Для насъ эта ширь многотысячноверстная,
Для насъ города съ многолюднымъ ихъ грохотомъ,
Для насъ миллионы людей,—
О, бардъ, ты — и въ жизни и въ смерти—верховный,
Смотри, мы высоко, мы бранное знамя,
Такъ пой же не только для этого дня,
На тысячу лѣтъ спой теперь эту пѣсню,
Для малой, для дѣтской души!

Ребенокъ.

О, Отецъ, я домовъ не люблю,
Никогда ихъ любить не буду,

----- [begin page 137] -----

И монеты не нравятся мнѣ,
Но хотѣлъ бы подняться я вверхъ,
Отецъ, мой отецъ, это знамя люблю я,
Я хотѣлъ бы и долженъ стать знаменем.

Отецъ.

Мальчикъ родной, ты тревогой меня исполняешь,
Этимъ знаменемъ быть—слишкомъ было бы страшно,
Мало ты знаешь о томъ, что такое сегодняшній день,
И что послѣ сегодня, всегда, навсегда,
Здѣсь выгоды нѣтъ никакой,
А опасность на каждомъ шагу,
Выйти во фронтъ и стоять передъ битвами—
И какими еще!—
Что у тебя съ ними общаго?
Со страстями неистовыхъ, съ этой рѣзней, съ преждевремен-
ной смертью?

Знамя.

Такъ вотъ, я пою эту смерть и неистовыхъ,
Все сюда, да, всего я хочу.
Я, бранное знамя, подобное видомъ мечу!

Новый восторгъ, исступленный,
И стремленья дѣтей, этотъ лепеть ихъ,
Со звуками мирной земли я солью,
И съ влажными всплесками моря,
Корабли, что на морѣ сражаются въ дымѣ,
И льдяность холоднаго дальняго Сѣвера,
Съ шелестѣньями кедровъ и сосенъ,
И дробь барабановъ, и топотъ идущихъ солдатъ,
И Югъ съ его солнцемъ горячимъ,
И бѣлые гребни заливной волны
Береговъ Востока и Запада,

----- [begin page 138] -----

И все, что замкнуто межъ ними,
Водопады и рѣки бѣгущіе,
И горы, и поле, и поле, и лѣсъ,
О, весь материкъ въ его цѣлости,
Без забвенья малѣйшего атома,
Все сюда, что поетъ, говоритъ, вопрошаетъ,
Все сюда, мы вберемъ и сольемъ это все,
Мы хотимъ, мы возьмемъ, мы беремъ, мы поглотимъ,
Довольно улыбчивыхъ губъ
И музыки словъ поцѣлуйныхъ,
Изъ ночи возставши для дѣла благого,
Теперь ужъ не вкрадчиво мы говоримъ,
А какъ вóроны каркаемъ въ вѣтрѣ!

Поэтъ.

Крѣпнеть все тѣло мое,
Жилы мои расширяются,
Все ясно теперь для меня!
Знамя, какъ ширишься ты, приближаясь изъ ночи,
Я тебя воспѣваю надменно,
Я тебя возглашаю рѣшительно,
Я прорвался, и нѣтъ больше путь,
Слишкомъ долго я глухъ былъ и слѣпъ,
Мой голосъ ко мнѣ возвратился,
Мой глаз и мой слухъ утончились,
Ребенокъ ихъ мнѣ возвратил!
Я слышу, о, бранное знамя,
Твой насмѣшливый зовъ съ высоты,
Безумный! безумный! О, знамя,
Но я же тебя пою!
О, да, ты не тишь домовъ,
Ты не пышность и тяжесть богатства,
Возьми здѣсь любой из домовъ,
Коли хочешь, любой здѣсь разрушь,

----- [begin page 139] -----

Ты ихъ разрушать не хотѣло,

Но развѣ имъ можно стоять,
Хоть часъ, если ты не надъ ними?
О, знамя, не цѣнность ты вещи,
Тебя не купишь на деньги,
Но что мнѣ всѣ внѣшности жизни,
Что пристани мнѣ съ кораблями,
Вагоны, машины, машины,—
Тебя лишь отсюда я вижу,
Изъ ночи, но съ гроздьями звѣздъ!
Ты свѣта и тьмы раздѣлитель,
Ты воздухъ вверху разрѣзаешь,
Ты солнечнымъ блескомъ согрѣто,
Ты мѣряешь пропасть небѣсъ!
Въ то время, какъ дѣльные—съ дѣломъ,
Толкуютъ—про дѣло, про дѣло,
Ребенку ты вдругъ полюбилось,
Ребенокъ увидѣлъ тебя!
О, ты, верховодное знамя,
О, стягъ боевой и змѣиный,
Въ выси недоступной змѣею
Ты вьешься и ты шелестишь!
Ты образ, ты только идея,
Но кровь будетъ здѣсь проливаться,
И яростно будутъ сражаться,
И какъ ты возлюблено мной!
Надъ всѣми и всѣхъ призывая,
И всѣми державно владѣя,
Ты вьешься, разсвѣтное знамя,
Являя намъ звѣздный свой лик!
всѣхъ я и все оставляю,
И вижу лишь бранное знамя,
И знамя одно воспѣваю,
Которое въ вѣтрѣ шумит!

----- [begin page 140] -----

ДАЙ МНѢ БЕЗМОЛВНОЕ ЯРКОЕ СОЛНЦЕ.

1.

Дай мнѣ безмолвное яркое солнце со всѣми лучами его
ослѣпительными,
Дайте мнѣ сочный осенній плодъ, спѣлый и красный изъ
сада,
Дай мнѣ поле съ нескошенной свѣжей травой,
Дайте мнѣ дерево, дай мнѣ лозу на рѣшеткѣ,
Дайте мнѣ свѣжую рожь и пшеницу, дайте животных, дви-
женьями ясными учащихъ насъ быть довольными,
Дайте мнѣ ночи, ночи спокойныя, какія бываютъ на ровныхъ
возвышенностяхъ,
Близъ Миссисиппи, и дайте смотрѣть мнѣ на звѣзды,
Дайте мнѣ садъ, что душистъ на зарѣ от красивыхъ цвѣ-
товъ, гдѣ бы могъ я бродить безъ помѣхи,

Дайте въ супружество мнѣ женщину съ нѣжнымъ дыханьемъ,
отъ которой не могъ бы устать я,
Совершенного дай мнѣ ребенка, прочь от шумнаго міра
дайте уйти в деревенскую тихую жизнь,
Дайте мнѣ пѣть—щебетать для себя самого внезапно рожден-
ныя пѣсни,
Уединенье мнѣ дайте, дайте Природу мнѣ, дай мнѣ, Природа
свои первобытныя здравія!

Это прошу я, и это хочу я имѣть (утомясь непрерывнымъ
волненьемъ, измученный битвой-войной).
Этого требую я, неустанно объ этомъ взываю, изъ сердца
крича своего,
Межь тѣмъ какъ, прося неустанно, я къ Городу льну моему,
День изо дня, и за годомъ годъ, о, Городъ, идя, проходя
твои улицы,
Гдѣ ты все еще держишь покуда меня, и не хочешь меня
отпустить,

----- [begin page 141] -----

Но зато насыщаешь меня и богатою дѣлаешь душу, давая
мнѣ лица и лица,
(О, я вижу, при видѣ того, отъ чего я хотѣлъ ускользнуть,
Ставши лицомъ къ лицу, отвергнувши крики свои,
Я вижу, душа моя топчетъ то, о чемъ сама же просила).

2.

Возьмите себѣ безмолвное яркое солнце,
Держи при себѣ, Природа, лѣса свои, и тихіе доли возлѣ
лѣсовъ,
Держи при себѣ поля клевера, ржаныя поля и сады,
И поля цвѣтущей гречихи съ жужжащей пчелою девятого
мѣсяца;
Дайте мнѣ лица и улицы—дайте мнѣ эти фантомы несчетные,
Безпрерывно идущіе вдоль тротуаровъ,
Дайте мнѣ видѣть несчетность глазъ—дайте женщинъ—това-
рищей, любящихъ, тысячами.
Дайте мнѣ видѣть новыхъ людей каждый день—
За руку новыхъ людей держать каждый день!
Дайте такія мнѣ зрелища—улицы дайте !
Дайте Broadway, по которой проходятъ солдаты подъ звукъ
барабановъ и трубъ!
(Роты солдатъ и полки—иные въ походъ уходящіе,
Безстрашные, полные бодрости—другіе, отбывши свой срокъ,
Въ рядахъ порѣдѣвшихъ домой приходящіе,
Молодые, и такъ уже старые, что идутъ утомленно, не видя
кругомъ ничего),
Дайте мнѣ берега и верфи, чернотой кораблей обрамленныя!
О, вотъ этого мнѣ! Напряженности жизни, разнообразной и
полной сполна, черезъ край!
Жизнь театра, и жизнь кабачка, и огромный отель, вотъ
чего я хочу!
Салонъ парохода! прогулки толпою! процессія съ факелами!
Густая бригада, на поле сраженья идущая,

И военный за нею обозъ, тяжело нагруженный;
Народъ безконечный, потоку подобный, съ гудѣньемъ своихъ
голосовъ, со страстями, со зрѣлищами,
съ безмерностью улицъ, наполненныхъ мощнымъ
біеніемъ,
Съ призывомъ его барабановъ, какъ нынѣ,
Безконечный и шумный хоръ, стуки и трески мушкетовъ,
(Даже зрѣлище раненыхъ),
съ своими толпами, съ музыкальнымъ ихъ буй-
ственнымъ хоромъ!
и лица его, и глаза—вотъ чего я хочу.

ПЛЕМЯ БОЙЦОВЪ.

Племя бойцовъ-побѣдителей!
Племя земли, готовое къ битвѣ—готовое къ маршу побѣдному,
(Не легковѣрное больше, не ждущее, не неподвижное),
Племя отнынѣ не знающее
Иного закона, какъ тотъ, что въ самомъ себѣ,
Племя борьбы, страсти и бури.

ВЗГЛЯНИ, ПРЕКРАСНЫЙ МѢСЯЦЪ.

Взгляни, прекрасный мѣсяцъ, и облей
Своимъ лучомъ картину подъ тобою,
Потокъ ночного нѣжнаго сіянья
Низлей, какъ ореоль вокругъ главъ святыхъ,
Вкругъ этихъ лицъ ужасныхъ, вздутыхъ, красныхъ,
На мертвецовъ, лежащихъ на спинѣ,
Съ раскинутыми бѣшено руками,
Низлей свой свѣтъ, священный, безпредѣльный.

ПРИМИРЕНІЕ.

Слово надо всѣмъ, прекрасное какъ небо,
Прекрасно, что война со всей своей рѣзней
Во времени совсѣмъ-совсѣмъ сотрется,
Что руки двухъ сестеръ,
Смерти и Ночи,
Безпрестанно смываютъ, омываютъ,—омываютъ запятанный
міръ;
Умеръ мой врагъ, человѣкъ такой же, какъ я божествен-
ный, умеръ,

Я гляжу на него, какъ лежитъ онъ тихо, съ бѣлымъ ли-
цомъ, въ гробу—
Я къ нему подхожу, наклоняюсь, касаюсь слегка
Своими губами до бѣлаго лика в гробу

----- [begin page 144] -----

----- [begin page 145] -----

ОСЕННИЕ РУЧЬИ.

----- [begin page 146] -----

----- [begin page 147] -----

СТАРАЯ ИРЛАНДІЯ.

Далеко отсюда, посрединѣ острова дивной красоты,
Припадая къ могилѣ, старая скорбная мать,
Когда-то царица, нынѣ худая, въ лохмотьяхъ, сидитъ на
землѣ,
Вкругъ ея плечъ разметались сѣдые старые волосы,
У ногъ бесполезно лежитъ королевская арфа,
Долго молчитъ она, долго, чрезмѣрно, скорбя о закутанной
въ саванъ надеждѣ, наслѣдникѣ,
Сердце ея на всей землѣ больше всего полно скорби, ибо
больше всего въ немъ любви.

Лишь слово, о, древняя мать,
Больше не нужно тебѣ припадать къ холодной землѣ, чело
прижимая къ колѣнамъ,
Больше не нужно тебѣ сидѣть, такъ закутавшись въ покровъ
своихъ бѣлыхъ волосъ, такъ разметанныхъ,
Ибо знай, тотъ, о комъ ты скорбишь, не находится въ этой
могилѣ,
Это было одно заблужденіе, сынъ, котораго любишь ты, не
былъ дѣйствительно мертвъ,
Не умеръ Владыка, онъ снова возсталъ сильный и юный въ
другой странѣ,
Даже въ то самое время, какъ плакала ты близъ арфы, упав-
шей на этой могилѣ,
Плачь твой, уйдя отъ могилы, былъ унесенъ,
Вѣтры къ нему благосклонны были, море его пріютило,

И нынѣ онъ съ новою розовой кровью
Двигается въ новой странѣ.

----- [begin page 148] -----

ГОРОДСКОЙ МЕРТВЫЙ ДОМЪ.

У воротъ городского мертваго дома,
Куда праздно я шель, уходя дорогой своею отъ криковъ,
Я съ любопытствомъ замедлилъ шаги, ибо вотъ отверженный
призракъ, тѣло несутъ проститутки умершей,
Тѣло ея никто не зоветъ, они положили его на сырой, на
кирпичный полъ,
Тѣло ея, божественной женщины, я вижу тѣло ея, я одинъ
на него смотрю,
Ни эта холодная тишь, ни вода, что каплетъ изъ крана, ни
мертвенный запахъ отвѣта во мнѣ не находятъ,
Лишь домъ—этотъ дивный домъ—этотъ тонкій красивый
домъ—погибшій,
Этотъ бессмертный домъ больше, чѣмъ всѣ ряды зданій,
когда либо выстроенныхъ,
Красивый, страшный обломокъ—жилище души—самъ душа,
Никѣмъ не возванный домъ, избѣгаемый всѣми—прими одно
дыханіе отъ моихъ содрогнувшихся губъ,
Возьми слезу одинокую, межъ тѣмъ какъ я ухожу, какъ
мысль о тебѣ,
Мертвый домъ любви—домъ грѣха и безумья, разбитый, раз-
рушенный,
Домъ жизни, недавно еще полный смѣха и говора,—но, бѣд-
ный, о, бѣдный домъ, и тогда уже мертвый,
Мѣсяцы, годы, исполненный откликовъ, убранный домъ—но
мертвый, но мертвый, мертвый.

КЪ ТОМУ, КОТОРЫЙ БЫЛЪ РАСПЯТЬ.

Духъ мой съ твоимъ, милый братъ,
Не думай, многіе, имя твое возглашающіе, не понимаютъ
тебя,
Не возглашаю я имя твое, но я понимаю тебя,

----- [begin page 149] -----

Съ радостью я именую тебя, о, товарищъ, чтобъ нынѣ тебя
привѣтствовать, и привѣтствовать тѣхъ, кто съ
тобой заодно, раньше и послѣ, и тѣхъ, кто еще
придетъ,
Всѣ мы работаемъ вмѣстѣ, передавая ту же задачу и то же
наслѣдіе,
Мы немногіе, равно безразличные къ странамъ, къ эпохамъ,

Мы включатели всѣхъ континетовъ, всѣхъ кастъ, допуска-
тели всѣхъ теологій,
Сострадатели, и сознатели, полный отчетъ людей,
Мы проходимъ безмолвно средь диспутовъ и утверждений, но
не отвергаемъ ни спорящихъ, ни утверждений ка-
кихъ бы то ни было,
Мы слышимъ и крики и шумъ оглушительный, съ каждой
на насъ стороны раздѣленья идутъ, обвиненья, и
ревности,
Они насъ тѣснятъ догматически, думаютъ насъ окружить,
мой товарищъ,
Но мы идемъ неудержно, свободно, по всей Землѣ, мы
странствуемъ вверхъ и внизъ, пока не наложимъ
неизгладимую нашу печать на время, и на раз-
ныя эры,
Пока не насытимъ мы время и эры, чтобъ мужчины и жен-
щины расъ столѣтъя грядущіе, могли быть брать-
ями, вѣдать любовь, какъ мы.

ВЫ, ПРЕСТУПНИКИ, ВЗЯТЫЕ ВЪ СУДЪ.

Вы, преступники, взятые въ судъ,
Вы, осужденные въ куляхъ, приговоренный, убійцы въ цѣ-
пяхъ и въ желѣзныхъ ручныхъ кандалахъ,
Кто же я, что я не взятъ въ судъ, что я не въ тюрьмѣ?
Я безсердечный и дьявольскій, какъ и любой, отчего жъ
мои руки безъ наручней, ноги мои безъ цѣпей?

----- [begin page 150] -----

Вы, проститутки, по тротуарамъ идущія въ яркихъ одеж-
дахъ или въ стѣнахъ своихъ комнатъ безстыдныя,
Кто же я, чтобы могъ васъ назвать безстыдными больше
себя?

О, виновень! Я самъ признаю—сознаюсь!
(Не хвалите меня, о, поклонники—не говорите привѣтствій
мнѣ—вы меня заставляете мысленно встать на
дыбы,
Я вижу, чего вы не видите—я знаю, чего вы не знаете).

Внутри, въ этомъ остовѣ костномъ, я лежу загрязненный,
задохшійся,
Подъ лицомъ этимъ, будто безстрастнымъ, безпрерывно ки-
пятъ inferнальныя волны,
Я приемлю порывы страстей и нечестіе,
Заодно я съ преступниками, объятами страстной любовью,
Чувствую, есмь я единый отъ нихъ, я самъ—въ этомъ ликѣ
острожниковъ и проститутокъ,
И отнынѣ отъ нихъ отрекаться не буду я—ибо какъ я
отречься могу отъ себя?

ЗАКОНЫ МИРОЗДАНИЙ.

Законы мірозданій,
Для сильныхъ вождей и художниковъ, для свѣжихъ племенъ,
учителей и совершенныхъ писателей въ нашей
Америкѣ,
Для благородныхъ и ученыхъ и музыкантовъ грядущихъ.

Всѣ должны имѣть отношенія къ общему цѣлому міра, къ
всеобъемлющей правдѣ міра,
Не будетъ ничто казаться чрезмѣрнымъ—всѣ созданья должны
изъяснять божественный законъ уклоненій.

Какъ полагаете вы, что же есть мірозданье?
Какъ полагаете вы, что же можетъ насытить душу, какъ не
знать, что свободенъ твой путь и что нѣтъ надъ
тобой никого?
Какъ полагаете вы, что же буду внушать я вамъ сотнями
разныхъ дорогъ, какъ не то, что мужчина и жен-
щина такъ хороши, какъ Богъ?
И что нѣтъ никакого бога, который былъ бы божественнѣе,
чемъ вы?
И что это есть именно то, что древнѣйшіе миѳы и миѳы но-
вѣйшіе разумеютъ в концѣ концовъ?
И что ты, и что вы, и что каждый приблизится вплотъ къ
мірозданьямъ чрезъ такія законы?

КЪ ОБЩЕЙ ПРОСТИТУТКѢ.

Не тревожься—со мной будь спокойна—я Уольт Уитманъ,
Какъ Природа, щедрый и страстный,
Покуда Солнце тебя не отвергло, я тебя не отвергну,
Покуда вода не устала блистать для тебя, и листья шеп-
тать,
Слова мои будутъ блистать и шептать для тебя.
Милая дѣвушка, я назначаю тебѣ свиданье,
И я говорю тебѣ—приготовься, чтобъ быть достойною встрѣ-
тить меня,
И я говорю, будь терпѣлива и жди, покуда я не приду.
Пока—я бросаю тебѣ какъ привѣтствіе многозначительный
взглядъ,
Чтобы ты не забыла меня.

----- [begin page 152] -----

ЧУДЕСА.

Что это, кто это тамъ носится съ чудомъ?
Что до меня, я не знаю кромѣ чудесъ ничего,
Брожу ли я въ по улицамъ,

Или свой взглядъ устремляю надъ крышами, ввысь, къ небесамъ,
Или босой хожу по побережью у самага края воды,
Или стою подъ деревьями въ чашѣ лѣсной,
Или днемъ говорю съ кѣмъ-нибудь, кого я люблю,
Или сижу за столомъ и спокойно обѣдаю,
Или гляжу на чужихъ, что ѣдутъ вонъ тамъ, противъ меня,
въ каретѣ,
Или слѣжу за пчелами, какъ они въ лѣтній полдень хлопочуть,
вьются вкругъ улья,
Или смотрю, какъ животныя кормятся въ полѣ,
Или смотрю на птицъ, на волшебность игры насѣкомыхъ,
летающихъ въ воздухѣ,
Или смотрю на волшебность закатнаго Солнца, на звѣзды,
что свѣтятъ свѣтло и спокойно,
На изысканный тонкій серпъ молодой Луны весной;
Это вмѣстѣ съ другимъ, одно и все, для меня чудеса,
Все въ общей связи, но каждое все же отдѣльно и на мѣстѣ
своемъ.

Для меня каждый часъ свѣта и тьмы есть чудо,
Каждый кубическій дюймъ пространства есть чудо,
Каждый квадратный аршинъ земной поверхности тѣмъ же
покрытъ,
Каждый футъ внутренняго тѣмъ же кишить,
Для меня глубокое море есть непрерывное чудо,
Рыбы, которыя плаваютъ—скалы—движеніе волнъ—корабли
съ людьми на нихъ,
Какія еще чудеса есть страннѣе?

----- [begin page 153] -----

ИСКРЫ ОТЪ КОЛЕСА.

Тамъ, гдѣ толпа городская день деньской движется безостановочно,
Отступивши, сливаюсь я съ кучкой дѣтей наблюдающихъ,
я медля съ ними стою въ сторонѣ.

У кривизны, образующей край плитняка,
Точильщикъ работаетъ, онъ колесомъ остритъ лезвее большаго ножа,
Наклонившись заботливо, онъ держитъ его у камня, ступней
и колѣномъ,
Размѣрно ступая, онъ быстро его вращаетъ, нажимая легкой,
но твердой рукой,
Въ изобиліи наружу исходятъ золотыя струи,
Искры отъ колеса.

Какъ эта картина и вся обстановка ея меня поражаетъ и трогаетъ,

Печальный старикъ, съ острымъ подбородкомъ, въ изношен-
номъ платѣ, съ широкою кожаной перевязью,
Я самъ, истекающій и расплавляющійся, призракъ нѣмой,
любопытно пловучій, здѣсь теперь поглощенный,
задержанный,
Кучка, (никѣмъ незамѣченная точка въ обширной окру-
жности),
Дѣти спокойно-внимательныя, громкая, гордая, ртачливая
основа всѣхъ улицъ,
Камень, который в круженьи тихо и хрипло мурлычетъ,
лезвее слегка нажатое,
Распространяющее и роняющее, въ сторону быстро бросаю-
щее, въ тонкихъ дождяхъ золотыхъ, искры отъ
колеса.

----- [begin page 154] -----

ЧТО Я ПОСЛѢ ВСЕГО.

Что я послѣ всего какъ не малый ребенокъ, котораго тѣ-
шить звукъ
Имени собственнаго; повторяетъ его онъ еще и еще;
Я стою въ сторонѣ, чтобы слушать—не устаю никогда.

А у васъ есть ваше имя;
Или можетъ быть кажется вамъ, что въ имени нашемъ,
Въ звукѣ его только два или три выраженья, не больше?

ДРУГИЕ ПУСТЬ ХВАЛЯТЪ ЧТО ИМЪ УГОДНО.

Другіе пусть хвалятъ что имъ угодно;
А я, съ береговъ бѣгущей Миссури, ничего не хвалю въ
искусствѣ,
Или въ чемъ иномъ,
Прежде чѣмъ это въ себя не вдохнетъ хорошенько воздухъ
вотъ этой рѣки,
А также запахъ западныхъ прерій,
И не выдохнетъ все это вновь.

ФАКЕЛЬ.

На моемъ берегу Сѣверо-Западномъ ночью стоятъ рыбаки,
цѣлой толпой наблюдаютъ,
На озерномъ просторѣ, предъ ними другіе лососей острой
поражаютъ,
Лодка, дымная вещь тѣневая, движется наискось въ черной
водѣ,
На носовой оконечности факель горитъ пылающій.

----- [begin page 155] -----

МОЯ КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Картины храню я много въ маломъ домѣ,
Къ землѣ не прикрѣплень онъ, этотъ домъ,
Онъ круглый, и отъ края въ немъ до края
Лишь нѣсколько вершковъ;
Но гляньте! въ немъ пространства есть довольно
Для зрѣлицъ всѣхъ, для всѣхъ воспоминаній,
Какія въ мірѣ есть!
Картины жизни здѣсь, тамъ группы смерти,
А здѣсь—смотрите—чичероне самъ,
Поднявъ свой палецъ, указываетъ,
Какъ много интересныхъ здѣсь картинъ.

ГОСУДАРСТВА ПРЕРІЙ.

Садъ мірозданья новый, безъ первичной
Пустынности, но плотно населенный,
Веселый, современный, милліоны
Живутъ въ немъ, города растутъ и фермы,
Желѣзомъ перевязанъ онъ, и скрѣплень,
Онъ сложно-слить, въ немъ многія—одно,
Весь міръ ему несетъ посильность дани,
Свобода въ немъ и дѣльность и законъ,
Вѣнецъ и пышный рай, — чтобъ оправдать
Минувшее, вотъ что явило время.

----- [begin page 156] -----

----- [begin page 157] -----

ГОРДАЯ МУЗЫКА БУРИ.

----- [begin page 158] -----

----- [begin page 159] -----

СТАРАЯ ИРЛАНДІЯ.

1.

Гордая музыка бури,
Вихрь, что мчится такъ вольно съ свистомъ несясь черезъ
преріи,
Мощный гуль верхушекъ деревьевъ лѣсныхъ—вѣтеръ горъ,
Воплощеніе призраковъ смутныхъ—вы, оркестры сокрытые,
Вы, серенады тѣней съ инструментами легкими,
Слитіе съ ритмомъ Природы всѣхъ языковъ народовъ;
Вы, струны, какъ будто оставленныя композиторомъ мощ-
нымъ—вы, хоры,
Вы, священныя, смутныя, вольныя пляски—вы, мысли
Востока,
Вы, глухой говоръ рѣкъ, вы, ревъ водопадовъ текучихъ,
Вы, гуль отдаленныхъ пушекъ съ топотомъ конницъ,
Вы, отзвуки лагерей съ разными трубными зовами,
Вставая рядами мятежными, наполняя глубокую полночь,
подчиняя меня своей власти,
Входя въ одинокую спальню мою, почему вы схватили меня?

2.

Выйди впередъ, о, душа, и пусть все другое уходитъ,
Слушай, внимательно слушай, они протянулись къ тебѣ,
Полночь собой раздѣляя, входя въ мою спальню,
Для тебя они это поютъ и пляшутъ, душа.
Праздничный гимнъ,
Дуэтъ жениха и невѣсты, свадебный маршъ,
Губы любви, сердца любовниковъ, брызжетъ любовь черезъ
край,
Румяныя щеки и благовонья, свита полная дружескихъ
лицъ, молодыхъ и старыхъ,
Ясные звуки флейты и пѣвучіе трепеты арфы,

----- [begin page 160] -----

Вотъ, близится бой барабановъ,
Свобода! ты видишь, тамъ въ дымъ сраженья, знамена, хотъ
порваны, все же летять?
Ты видишь смятенъе сраженныхъ?
Ты слышишь ликующій кликъ побѣдителей?
(О, душа, рыданія женщинъ, и стоны раненыхъ въ ихъ агоніи,
Свистъ и трещанье огня, почернѣлость развалинъ, зола го-
родовъ,
Безутѣшность людей, похоронный плачь челоувѣчества).
Вотъ, меня наполняютъ напѣвы античныхъ временъ, пѣсни
среднихъ вѣковъ,
Вижу и слышу я старцевъ, на арфахъ играющихъ, празд-
никъ Валлійскій,
Миннезингеровъ слышу съ ихъ сладкою пѣсней любви,
Миннестрели поютъ, трубадуры.

Вотъ, могучіе звуки органа,
Трепетны низкіе звуки (какъ скрытый земной упоръ,
На которомъ покоится вверхъ уходящее, и о что опирается
то, что бѣжитъ, убѣгаетъ,
Красота во всѣхъ очертаньяхъ, изящество, сила, всѣ оттѣнки,
извѣстные намъ,
Зеленые стебли травъ, и чирикалки-пташки, дѣти, что
скачутъ, играя, небесныя тучки (вверху),
Сильный басъ не смолкаетъ, дрожанья его непрерывны,
Все остальное объемлютъ, крѣпятъ, вовлекаютъ въ волну
свою,

Материнство всего остального,
Съ нимъ каждый звучитъ инструментъ, во множествахъ,
Торжественность гимновъ и мессъ, возбуждающихъ благо-
говѣнье,
Всѣ страстныя пѣсни сердца, всѣ скорбныя возгласы,
Безмѣрная слабость пѣвучихъ пѣвцовъ чрезъ вѣка,
Ихъ всѣхъ растворяетъ, перелагая ихъ въ музыку, дивный
регистръ самой Земли,
Вѣтровъ и лѣсовъ, и могучихъ валовъ Океана,

----- [begin page 161] -----

Новый сложный оркестръ, сочетатель годовъ и климатовъ,
обновитель десятикратный,
Какъ въ давно-прошедшіе дни, говорятъ намъ поэты, Эдемъ,
Блужданье оттуда, скитаніе долгой разлуки, но и вотъ окон-
чено странствіе,
И странникъ приходитъ домой,
И человѣкъ и искусство снова слиты съ Природой.

Tutti! земля и небо;
(Дирижеръ Всемогущій внезапно взмахнулъ своей палочкой).

Мужская строфа супруговъ міра,
И всѣ жены отвѣтствуютъ.

Скрипки поютъ,
(О, голосъ скрипокъ, я думаю, ты расскажешь вотъ это
сердце, само не умѣетъ оно говорить,
Любовью, стремленьемъ объятые, сердце, само не можетъ оно
говорить).

3.

О, съ самаго ранняго дѣтства,
Ты знаешь, душа, какъ для меня всѣ звуки дѣлались му-
зыкой.
Голосъ родимой моей, напѣвающій пѣснь колыбельную,
(Голосъ, о, голоса, нѣжные, полные ласки,
Памяти зовъ, послѣднее чудо изъ всѣхъ, голоса ми-
лой матери, милой сестры);
Дождь, растущая нива, вѣтерокъ между длинныхъ колосьевъ,

Морской размѣрный бурунъ, что бѣется въ прибрежный
песокъ,
Птичка съ своимъ щебетаньемъ, крикъ пронзительный ястреба,
Крикъ перелетныхъ птицъ, ночью летящихъ на Югъ или
Сѣверъ,

----- [begin page 162] -----

Псалмы въ деревенской церкви, или между сплетенныхъ де-
ревьевъ, проповѣдь, звуки ея подъ открытымъ небомъ.
Гудочникъ въ тавернѣ, протяжная пѣсня матроса,
Мычащее стадо коровъ, блеющія овцы, крикъ пѣтуха на зарѣ.

Всѣ пѣсни различныхъ странъ, звуча, окружаютъ меня,
Нѣмецкія пѣсни дружбы, вина и любви,
Баллады Ирландскія, веслые жиги, и пляски, щебетанья
Англійскія,
Французскія пѣсенки, напѣвы Шотландскіе, и надо всѣми,
Несравненность мелодій Италіи.

Черезъ сцену, съ блѣднымъ лицомъ, но съ мрачною страстью,
Норма идетъ, потрясая кинжаломъ въ рукѣ.

Вижу я неестественный блескъ въ глазахъ обезумѣвшей блѣд-
ной Лючіи,
Ея волосы падаютъ внизъ волною разметанной.

Я вижу, какъ бродитъ Эрнани въ брачномъ саду,
Среди запаховъ розъ ночныхъ, сіяющей, держа свою невѣсту
за руку,
Слышитъ адскій призывъ, смертельный возгласъ рога.

Скрещеннымъ мечамъ и сѣдымъ волосамъ, обнаженнымъ подъ
Небомъ,
Электрической ясной басы, и баритонъ міра,
Дуэтъ тромбона, Свобода навѣки!

Изъ тѣни густой подъ вѣтвями Испанскихъ каштановъ,
У старыхъ тяжелыхъ стѣнъ монастырскихъ скорбящая пѣснь,
Пѣснь о погибшей любви, факель юности, жизни, потухшій
въ отчаяньи,
Пѣснь умирающаго лебедя, сердце Фернандо разбито.

Пробуждаясь отъ мукъ, наконецъ отошедшихъ, Амина поетъ,

----- [begin page 163] -----

Богаты какъ звѣзды, и какъ утренній свѣтъ веселы, потоки
восторга ея.

Плодоносная женщина входитъ,
Дискъ лучезарный, контральто Венера, цвѣтущая мать,
Сестра боговъ возвышеннѣйшихъ, душу Альбони я слышу).

4.

Я слышу эти оды, симфоніи, оперы,
Я слышу въ *Вильгельмъ Телль* музыку возставшего и гнѣв-
наго народа.

Я слышу *Гугенотовъ* Мейербера, *Пророка*, или *Роберта*,
Фауста Гуно, или *Донъ Жуана* Моцарта.

Я слышу музыку танцевъ, пляски всѣхъ народовъ,
Вальсъ, плѣнительный размѣръ, текучій, меня погружающій
въ нѣжность блаженства,
Болеро подъ звоны гитаръ и подъ стукъ кастаньетъ стреко-
чущихъ.

Я вижу священные танцы древніе и новые,
Я слышу звукъ арфы Еврейской,
Я слышу маршъ крестonosцевъ, несущихъ крестъ высоко,
подъ звуки военныхъ кимваловъ.
Я слышу монотонное пѣніе дервишей, оно перемѣшано съ
дикими вскриками, межъ тѣмъ какъ они кру-
жатся, кружатся, все въ направленіи къ Меккѣ,
Я вижу священные пляски забвенья Арабовъ и Персовъ,
Опять, въ Элевзисѣ, въ домѣ Цереры, я вижу, танцуютъ
современные Элліны,
Я слышу, какъ они ударяютъ въ ладоши, наклоня свои
тѣла,
Я слышу размѣрное передвижанье ихъ ногъ.

Я вижу опять безумную пляску, древній плясъ Корибантовъ,
исполнители ранятъ другъ друга,
Я вижу Римскаго юношу, подъ рѣзкіе звуки свирѣлей онъ
бросаетъ и ловитъ оружіе,

----- [begin page 164] -----

Римскіе юноши, павъ на колѣни, снова встаютъ съ ору-
жіемъ.

Слышу я зовъ муэззина съ Мусульманской мечети,
Я вижу молящихся тамъ, безъ обрядовъ, безъ проповѣди,
безъ доказательствъ, безъ словъ,
Но странныхъ, безгласныхъ, благоговѣйныхъ, поре подъ-
ятыхъ горящихъ головъ, экстаическихъ лицъ.

Я вижу многострунную арфу Египта,
Первобытныя слышу я пѣсни Нильскихъ лодочниковъ,
Священные гимны, имперскія пѣсни Китая,
Тонкіе звуки кинга, (удареніе въ древо и въ камень),
Или Индусскія флейты и раздражительный звукъ пронзи-
тельной вины,
Толпа баядерокъ.

5.

Вотъ, меня оставляють Азія, Африка, Европа хватаетъ
меня, и снова наполненъ я звуками,
Органы огромные и оркестры я слышу, какъ будто бы это
скопленъе обширное, гуль голосовъ,
Сильный гимнъ Лютера *Eine feste Burg ist unser Gott*,
Россини *Stabat mater dolorosa*,
Или плывущій въ какомъ-нибудь высокомъ соборѣ, смутность
отъ пышныхъ оконъ цветныхъ,
Страстный *Agnus Dei* или *Gloria in Excelsis*.

Композиторы! мощные маэстри!
И вы, нѣжные пѣвцы старыхъ странъ, сопрано, теноры,
басы.
Вамъ новый бардъ, поющій на Западѣ,
Шлетъ съ поклономъ любовь свою.

(Такіе ведутъ къ тебѣ, о, душа,

----- [begin page 165] -----

Всѣ чувства, предметы и зрѣлища, ведутъ къ тебѣ,
Но нынѣ мнѣ кажется, звуки ведутъ къ тебѣ превыше всего).

Я слышу ежегодное пѣнье дѣтей въ соборѣ Св. Павла,
Или, подъ высокою кровлей какой-нибудь исполинской залы,
симфоніи, ораторіи Бетховена, Гэнделя, Гайдна,
Мірозданье въ волнахъ божества омываетъ меня.

Дайте мнѣ удержать всѣ звуки, (я бѣшено бьющійся звукъ),
Наполните меня всѣми голосами Вселенной,
Одарите меня ихъ трепетами, дрожаньями Природы также,
Бури, воды, и вѣтры, оперы и пѣснопѣнья, марши и пляски,
Лейтесь, произноситесь, ибо всѣхъ васъ хотѣлъ бы я взять!

6.

Тутъ я тихонько проснулся,
И медля, все еще вопрошая музыку моего сновидѣнья,
И вопрошая всѣ эти воспоминанья, бурю въ ея неистовствѣ,
И всѣ пѣсни сопрано и тенора,
И эти забвенныя пляски восточныя съ благоговѣйнымъ ихъ
пыломъ,
И нѣжность всѣхъ инструментовъ въ ихъ разнородности,
и размахъ звуковой органовъ,
И всѣ безпритязательныя жалобы, вздохи любви и печали и
смерти,
Я сказалъ моей любопытной безмолвной душѣ съ постели
моей спальни,
Ко мнѣ, я нашель тотъ ключъ, котораго долго искалъ,
Выйдемъ въ день освѣженными,
Весело жизнь отмѣчая, проходя въ дѣйствительномъ мірѣ,
Отнынѣ напитанные нашимъ небеснымъ сномъ.

И еще я сказалъ,
Можетъ быть, о, душа, то, что ты слышала, не было зву-
комъ вѣтровъ,

----- [begin page 166] -----

Не было сномъ взбушевавшей бури, не было всплесками
крыльевъ и крикомъ пронзительнымъ сокола воль-
ныхъ морей,
Не было сладкими звуками солнечно-яркой Италиі,
Ни Германскимъ органо́мъ величественнымъ, ни обширнымъ
скопленъемъ, волной голосовъ, ни рядами гармоніи,
Ни строфами супруговъ и женъ, ни звукомъ солдатскаго
марша,
Ни флейтами, нѣтъ, и не арфами, нѣтъ, и не звуками бран-
наго рога,
Но для новаго ритма, къ тебѣ подходящаго,
То были поэмы какъ мостъ перекинутыя отъ Жизни до
Смерти, смутно въ воздухъ ночи навѣяныя, не
ухваченныя, не записанныя,
Выйдемъ же въ смѣлый день и запишемъ ихъ.

----- [begin page 167] -----

СПЯЩІЕ.

----- [begin page 168] -----

----- [begin page 169] -----

СПЯЩІЕ. (Отрывокъ).

Я блуждаю всю ночь въ сновидѣнны,
Я шагаю легко, я шагаю безшумно и быстро, останавливаюсь,
Наклоняюсь съ глазами раскрытыми надъ глазами закрытыми
спящихъ,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю, не согла-
суюсь, противорѣчу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на мѣстѣ стою.

Какъ торжественно, тихо лежатъ они,
Какъ дышутъ спокойно они, дѣти въ своихъ колыбеляхъ.

Несчастныя вижу черты людей пресыщенныхъ, облики бѣлые
труповъ, багровыя лица пьяницъ, болѣзненно-
серыя лица тѣхъ, что сами ласкаютъ себя,
Тѣла на поляхъ сраженья, съ кровью глубокихъ ранъ, су-
масшедшіе въ комнатахъ наглухо запертыхъ,
дурачки невинно-блаженные, новорожденные,
эти изъ вратъ исходящіе, и умирающіе, эти изъ
вратъ исходящіе,
Ночь проникаетъ ихъ, ночь ихъ объемлетъ.

Брачная спитъ чета спокойно въ своей постели, онъ поло-
жилъ ладонь на бедро супруги, она положила
свою ладонь на бедро супруга,
Сестры нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ своей постели,
Мужчины нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ постеляхъ своихъ,
И спитъ съ ребенкомъ своимъ мать, закутавъ его.

Слѣпые крѣпко спятъ, глухіе спятъ и нѣмые,
Спитъ узникъ спокойно въ тюрьмѣ, и спитъ блудный сынъ,

- - - - - [begin page 170] - - - - -

Убийца, что будетъ повѣшенъ завтра, какъ спитъ, какъ
спитъ онъ?
И тотъ, кто убить, какъ онъ спитъ?

Спитъ женщина, любящая безъ взаимности,
Спитъ мужчина, любящій безъ взаимности,
И спитъ голова того, кто весь день строилъ планы, и деньги,
деньги сколачивалъ,
И тотъ, кто характеромъ бѣшенъ, и тотъ, кто предатель,
спятъ, всѣ спятъ.

Я стою въ темнотѣ, опустивши глаза близь тѣхъ, кто стра-
даетъ всего и всего безпокойнѣй,
Я на нѣсколько дюймовъ отъ нихъ рукою своей провожу,
успокаивая.

Я взоромъ пронзаю тьму, существа иныя являются,
Земля отъ меня отступаетъ въ ночь,
Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то, что не
земля, красиво.

Я иду отъ постели къ постели, я сплю съ другими спящими
съ каждымъ рядомъ по очереди,
Мнѣ снятся во снѣ моемъ сны, всѣ сны другихъ уснувшихъ,
И я становлюсь другими уснувшими, спящими.

И пляска—играйте вы тамъ! я кружусь все скорѣй и скорѣе!

Я вѣчно-смѣющійся—вотъ, новая свѣтитъ луна и сумерки,
Я вижу веселыя игры, въ прятки, куда ни взгляну я, по-
всюду проворные духи,
Вновь прятки и прятки опять глубоко въ землѣ и въ морѣ,
И тамъ гдѣ не море, и гдѣ не земля.

----- [begin page 171] -----

ШОПОТЫ НЕБЕСНОЙ СМЕРТИ.

----- [begin page 172] -----

----- [begin page 173] -----

ДЕРЗАЕШЬ ЛИ НЫНѢ, ДУША.

Дерзаешь ли нынѣ, душа,
Со мною идти къ неизвѣстной странѣ,
Гдѣ нѣтъ подъ ногами земли и нѣтъ проторенной дороги?

Тамъ нѣтъ провожающихъ, нѣтъ указующихъ картъ,
Нѣтъ голоса тамъ, нѣтъ касанья руки человѣческой,
Лица нѣтъ съ цвѣтущею плотью, нѣтъ губъ, нѣтъ очей въ
той странѣ.

Я не знаю ея, о, душа,
Ты не знаешь ея, передъ нами одна неизвѣстность,
Все ждетъ неприснившись въ той области, въ той недоступ-
ной странѣ.

Пока не развяжутся узы,
Всѣ, кромѣ вѣчныхъ ухъ, кромѣ Времени, кромѣ Про-
странства,
И тьмы нѣтъ, и нѣтъ тяготѣнья, нѣтъ чувства, границъ,
насъ граничащихъ.

Тогда мы, прорвавшись, летимъ,
Въ Пространствѣ и Времени,
О, душа, приготовлены къ нимъ,
Равные имъ, наконецъ снаряженные! (радость, всего, и
вѣнецъ),
Чтобы выполнить ихъ, о, душа!

ШОПОТЫ СМЕРТИ НЕБЕСНОЙ.

Шопоты смерти небесной я слышу, шептанія, ропоть,
Сказъ-пересказъ между усть, лепетаніе ночи, хоралы въ
 свистѣннїи шороха,
Шелесты нѣжно-всходящихъ шаговъ,
Тихое вѣянье, вздохъ навѣваній мистическихъ, струи неви-
 димыхъ рѣкъ,
Теченья потока, который течетъ, бесконечно течетъ,
(Или всплески то слезъ, безпредѣльныя волны человѣческихъ слезъ?).

Я вижу, какъ разъ вижу въ небѣ, скопление огромное тучъ,
Пасмурно тучи плывутъ, медленно и молчаливо,
Молча они нарастаютъ, мѣшаясь другъ съ другомъ,
Время отъ времени, наполовину туманомъ закрыта,
И опечалена, дальняя свѣтитъ звѣзда,
То появляясь, то затмѣваясь.

(Это скорѣе роды какіе-нибудь,
Торжественно это безсмертное чье-то рожденье;
На граняхъ, для глазъ непроницаемыхъ,
Проходитъ какая-то въ мірѣ душа).

БОЖЕСТВЕННАЯ ЧЕТЫРЕСТОРОННОСТЬ.

1.

Пою божественную четырехсторонность,
Идущую из Одного, рожденье сторон,
Изъ стараго и новаго, изъ полной
Божественности четырехъ сторонъ,
(Всѣ стороны ея необходимы).
Она прочна, и съ этой стороны

Я Ягова,
Я старый Брама, я Сатурнъ; и Время
Меня не задѣваетъ,—я есмь Время,
И старое, и новое, любое,
Неубѣдимый, непреклоненъ я,
И исполняю право приговоры.
Земля, Отецъ, и темный старый Кроносъ,
Съ законами, ихъ возрастъ внѣ считанья,
И вѣчно новые они,

Всегда съ могучими законами свершаю
Свой путь,
Безъ послабленій, людямъ нѣтъ прощенья,—
Кто согрѣшилъ, умреть—
Жизнь согрѣшившаго возьму я;
Пусть милости никто не ожидаетъ—
Я дал вам дни и перемѣны годы
И тяготѣнье, милость? нѣтъ ея.
Какъ смѣна дней и перемѣны года,
И тяготѣнье людямъ не прощаютъ,
Я раздаю отсюда приговоры
Неумолимые, безъ искры сожалѣнья.

2.

Обѣтованный, кроткій, утѣшитель,
Съ рукою нѣжною, протянутой впередъ,
Я, Богъ сильнѣйшій, выступаю,
Предсказанный пророками, пѣвцами
В ихъ восхищенныхъ прорицаньяхъ и поэмахъ,
Отсюда, съ этой стороны,
Вотъ! я Господь Христосъ—вотъ! я Гермесъ—
Вотъ! предстаю я съ ликомъ Геркулеса,
Все, въ чемъ работа, въ чемъ печаль, страданье,
Приноровляя, я въ себя вбираю;
Я много разъ отвергнуть былъ, ославленъ,
И заключенъ въ тюрьмѣ, и распятъ былъ,

----- [begin page 176] -----

И то же много разъ еще случится,
Ото всего я міра отказался
Во имя братьевъ и сестеръ моихъ,
Изъ-за души, и путь мой проходилъ
Черезъ дома людей, богатыхъ, бедныхъ,
Идя, дарилъ я поцѣлуй любви
Затѣмъ, что я любовь, я Богъ несущій
Веселье, и надежду, и для всѣхъ
Свѣтъ милосердья, съ кроткими словами,
Какъ къ дѣтямъ, съ мудро-свѣжими словами,
Которыя единственно мои,
Такъ прохожу я, молодой и сильный,
И сознавая слишкомъ хорошо,
Что я себя назначилъ к ранней смерти;
Но милосердіе мое безсмертно—
И смерти нѣтъ для мудрости моей,
Ни ранней смерти, и ни поздней смерти,
И здѣсь моя любовь по завѣщанью,
И никогда, нигдѣ, ей смерти нѣтъ.

3.

Особнякомъ стоящій, недовольный,
И замышляющій возстанье,
Преступниковъ товарищъ, братъ рабовъ,

Лукавый, презираемый, безъ знаній,
Чернорабочій, съ ликомъ истомленнымъ
Отверженца, въ морщинахъ, темный, черный,
Но гордый въ глубинѣ души, какъ всѣ,
Всегда и нынѣ возмущенный,
Возставшій на того, кто восхотѣлъ
Мной править, относясь ко мнѣ съ презрѣньемъ,
Угрюмый, полный хитростей и ковь,
Злопамятный, исполненный уловокъ,
(Хоть думали, что одураченъ я,
И пораженъ, и всѣ мои уловки

----- [begin page 177] -----

Разрушены, но этого не будетъ),
Протестъ, я, Сатана, еще живу,
Свои слова еще произношу я,
Являясь въ новыхъ странахъ, какъ мнѣ должно
(И въ старыхъ также),
Всегда стою на сторонѣ моей,
Готовый к схваткѣ, равный съ кѣмъ угодно,
Действительный и сильный, какъ любой,
И время словъ моихъ не перемѣнитъ,
И въ перемѣнахъ я не измѣнюсь.

4.

Святая Одухотворенность,
Жизнь, дышашій, кто за предѣломъ свѣта,
Свѣтлѣй, чѣмъ свѣтъ,
За гранью адскаго пожара,
Веселый, мчашійся превыше сферъ, гдѣ адъ,
За гранью Рая, весь благоуханный
Однимъ благоуханіемъ своимъ,
Включающій всю жизнь, что на землѣ,
Включающій, своимъ касаньемъ, Бога,
Спасителя и Сатану,
Эфирный, проникающій весь міръ,
(Что́ былъ бы этотъ міръ, не будь меня?
Что́ былъ бы Богъ?)
Суть формъ, жизнь всѣхъ реальныхъ тождествъ,
Дѣйствительный, всегдашній, достовѣрный
(И именно незримый),
Жизнь этого круговорота міра,
Жизнь солнца, звѣздъ, и человѣка,
Всеобщая душа,
Кончая четыресторонность,
Я, прочный, я, наипрочнѣйшій,
Дышу и я моимъ дыханьемъ
Сквозь эту пѣснь.

----- [begin page 178] -----

ТОТЬ, КОГО Я ЛЮБЛЮ ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

Тоть, кого я люблю днемъ и ночью, мнѣ снилось, сказали
мнѣ, умерь,
И мнѣ снилось, пошель я туда, гдѣ они схоронили того, кто
мнѣ дорогъ,
Но въ этомъ мѣстѣ онъ не былъ,
И мнѣ снилось, что я проходилъ и искалъ между мѣстъ
погребальныхъ,
Чтобы найти его,
И увидѣлъ, что каждое мѣсто —
Погребальное было;
Дома, что исполнены жизни, исполнены были и смерти,
(Вотъ и этотъ теперь),
Улицы, и корабли, и мѣста развлеченья,
Чикаго, Бостонъ, Маннагатта, Филадельфія, были полны
мертвецами, не только живыми,
Мертвецовъ было больше повсюду, о, больше гораздо;
И то, что мнѣ снилось, хочу говорить я отнынѣ всѣмъ лю-
дямъ и всѣмъ поколѣньямъ,
Я связанъ отнынѣя съ тѣмъ, что мнѣ снилось,
И нынѣ я знать не хочу всѣхъ мѣстъ погребальныхъ,
И хочу я безъ нихъ обходиться,
И, если бъ въ честь мертвыхъ поставлень былъ памятникъ
гдѣ бы то ни было,
Хоть тамъ, гдѣ я ѣмъ и гдѣ сплю, —я былъ бы доволенъ,
И если тѣло того, кто мнѣ дорогъ, иль собственный
трупъ мой
Въ прахъ, образомъ должнымъ, сведется и прахомъ низвер-
гнется въ море,
Я буду доволенъ,
Или, если вѣтрамъ его бросать,
Я буду доволенъ.

----- [begin page 179] -----

ДА, И ВАСЪ, ДА, И ВАСЪ, ЗНАЮ Я, О, МГНОВЕНЬЯ ПОНИКШІЯ.

Да, и васъ, да, и васъ, знаю я, о, мгновенья поникшія,
Знаю тяжесть свинца, какъ, сковавши, вы льнете къ ногамъ,
Вся земля превращается въ комнату плача—
И заносчивый слышу я голосъ, насмѣшливый голосъ,
Вещество побѣдитель—оно лишь ликуетъ и длится.

Беспрерывно плывутъ ко мнѣ крики отчаянья,
Ховъ ближайшаго мнѣ дорогого, встревоженный, зыбкій, не-
вѣрный,
*Въ моръ долженъ я плыть, и немедля,
Такъ приди же, скажи мнѣ, куда я спешу,
Укажи мнѣ мое назначенье.*

Понятна мнѣ ваша тревога, но вамъ не могу я помочь,
Приближаюсь, внимаю, гляжу, скорбный ротъ, взгляды изъ
глазъ, и нѣмое отъ васъ вопрошанье,
*Поспѣши и скажи мнѣ, куда я иду, къ своему наклонясь
изголовью?*
Говорить это старецъ, встревоженъ, испуганъ—говорить это
юная женщина,
Умоляя утѣшить ее;
Говорить это юноша, *Что жь, мнѣ спастись невозможно?*

КАКЪ БУДТО БЫ ПРИЗРАКЪ ЛАСКАЛЪ МЕНЯ.

Какъ будто бы призракъ какой-то ласкалъ меня,
Я думалъ, что я не одинъ, на этомъ побережьи;
Но былъ со мною кто-то, я думалъ, идя по побережью,
кто-то, кого я любилъ, онъ ласкалъ меня,
И я наклоняюсь, гляжу сквозь мерцающій свѣтъ, и этотъ
кто-то исчезъ совершенно,
И тѣ предо мной, что меня ненавидятъ, смѣясь надо мной.

----- [begin page 180] -----

УВѢРЕНІЯ.

Мнѣ увѣреній не нужно, я человекъ, озабоченный собствен-
ной душою своею;
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что здѣсь, подъ ногами, возлѣ
рукъ и лица, о которыхъ я знаю, смотрятъ лица,
которыхъ не знаю я, настоящія лица, спокойныя
лица,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что величіе міра и его красота,
въ каждой малости міра сокрыты,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что я безграниченъ, безграничны
вселенныя, я напрасно стараюсь подуматъ, какъ
они безграничны,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что міры и системы міровъ про-
носятся въ воздухѣ въ быстрой игрѣ съ предна-
значенной цѣлью и что я въ нѣкій день беде
избранъ, свершитъ столько же, сколько они, и
больше свершитъ, чѣмъ они,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что временное измѣряется въ
длительности милліонами лѣтъ,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что внутренній міръ есть у вну-
треннихъ сферъ и у внѣшнихъ есть внѣшній, что
у зрѣнья другое есть зрѣнье, у слуха есть слухъ
и у голоса голосъ другой,
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что страстно оплаканныя смерти
юношей нужны, смерти женщинъ въ расцвѣтѣ, и
малыхъ дѣтей были нужны,
(Или, скажете вы, Жизнь нужна, Смерть, всей Жизни и
цѣль и предѣль, не нужна?)
Для меня нѣтъ сомнѣнья, что все, что погублено моремъ,
эти выброски моря, какіе бы тамъ ни были жер-

твы, все равно чья жена, чей ребенокъ, отецъ,
мужъ, любовникъ, до мельчайшихъ подробностей
нужны,

----- [begin page 180] -----

Для меня нѣтъ сомнѣнья, что все, что лишь можетъ слу-
читься, гдѣ бы что ни случилось и какъ бы оно
ни случилось, нужно въ цѣльности жизни, въ
явленьяхъ ея неразрывныхъ,
Нѣтъ, не Жизнь, какъ я думаю, все устрояетъ, Простран-
ство, и Время, но я вѣрю, что все устрояетъ
Небесная Смерть.

ПЕСОКЪ СЫПУЧІЙ ГОДЫ.

Песокій сыпучій годы, что меня,
Вертя, бросаютъ, самъ не угадаю,
Куда,
Всѣ наши планы, неудачи, дѣла, призванія, дорогу усту-
паютъ, по сущности смѣются надо мной, и усколь-
заютъ,
Одинъ лишь замыселъ, который я пою, душа объятая ве-
личіемъ и силой не ускользаетъ отъ меня,
То, что есть самость самого себя, дорогу не уступить ни-
когда—конечная въ немъ сущность—достоверность
помимо всѣхъ, всего,—
Помимо дѣлъ, побѣдъ, сраженій, жизни, въ концѣ-концовъ
что остается?
Когда вся видимость ломается, тогда, что остается, какъ не
эта Самость?

МУЗЫКА, ЧТО ВСЕГДА ВКРУГЪ МЕНЯ.

Этой музыки, что всегда вокругъ меня, безъ конца, безъ на-
чала, и однако жь давно не разученной, раньше
я не слыхалъ,
Но теперь слышу хоръ я, и я вознесенъ,

----- [begin page 182] -----

Теноръ, сильный, я слышу, все выше онъ ноты беретъ, мощный,
свѣжій, съ веселыми звуками наступленія дня,
Временами сопрано врывается такъ задорно надъ самой вер-
хушкой возвышенныхъ волнь,
Басъ, прозрачный, дрожащій такъ низко, такъ сладко, на-
сквозь
сквозь по вселенной,
Торжествующій возгласъ всѣхъ вмѣстѣ, звонкій вопль похо-
ронныхъ рыданій нѣжныхъ скрипокъ и флейтъ,
этимъ всѣмъ я себя наполняю,

Слышу звукъ, и не только объемы его я вбираю, я взволнованъ изысканнымъ смысломъ значеній,
Слышу разные я голоса, какъ они, извиваясь, приходятъ,
и уходятъ, споря въ пламенной силѣ, стараясь
другъ друга волненіемъ чувствъ побѣдить;
Я не думаю, чтобы поющіе знали самихъ себя—но теперь,
какъ я думаю, я начинаю ихъ знать.

ВЪ МОРѢ СПУТАЛСЯ, ЧТО ЛИ, КОРАБЛЬ.

Въ морѣ спутался, что ли, корабль, замѣшавшись въ численіи пути?
Или хочеть онъ мель миновать и вступить на дорогу,
но искуснаго кормчаго нѣтъ?
Эй, морякъ! эй, корабль! принимайте на борть, здѣсь искуснѣйшій кормчій,
Я отчалилъ, гребу къ вамъ и малъ мой челнокъ,
Но съ привѣтомъ я кормчаго вамъ предлагаю.

ТЕРПѢЛИВЫЙ БЕЗШУМНЫЙ ПАУКЪ.

Терпѣливый безшумный паукъ,
Я замѣтилъ, какъ былъ онъ на мысѣ, на маломъ, одинъ,
Я замѣтилъ, какъ онъ, чтобы изслѣдовать это пространство,
что его пустотой окружало,

----- [begin page 183] -----

Устремилъ изъ себя паутину, паутину, еще паутину,
Какъ разматывалъ онъ паутинки, неустанно гоня ихъ впередъ,

И ты, о, душа моя,
Тамъ гдѣ ты, окруженная, отъединенная, въ океанахъ безмѣрныхъ пространства,
Размышляющая, неустанно въ исканьяхъ бросающая, наудачу свой взоръ обращающая къ сферамъ разнымъ, чтобы ихъ сочетать,
До тѣхъ поръ, какъ создастся тотъ мостъ, что нуженъ тебѣ,
До тѣхъ поръ, какъ зацѣпится гибкій послушливый якорь!
До тѣхъ поръ, какъ твои паутинки прилѣпятъ гдѣ-нибудь,
О, душа!

О, ЖИТЬ ВСЕГДА, ВСЕ ВРЕМЯ УМИРАЯ.

О, жить всегда, все время умирая!
О, похороны прошлаго меня, и погребеніе меня текущихъ дней,
Межь тѣмъ какъ я иду впередъ, вещественный, и зримый,
и властный, какъ всегда;
О, я, чѣмъ былъ я годы, нынѣ мертвый (я не скорблю,
нѣтъ, я доволенъ),

Высвободить себя изъ этихъ тѣлъ моихъ, межъ тѣмъ какъ
я верчу ихъ и смотрю туда, куда я ихъ бросаю;
И уходить, (живя! всегда живя!), и оставлять тѣла, тамъ за
собою.

КЪ ОДНОМУ, КТО СКОРО УМРЕТЬ.

Ото всѣхъ другихъ отдѣляю я васъ, у меня къ вамъ
вѣсть,
Вы скоро умрете—пусть другіе вамъ говорятъ, что имъ
угодно, я не могу прибѣгать къ уловкамъ,

----- [begin page 184] -----

Я точенъ и безжалостен, но я васъ люблю—для васъ нѣтъ спасенья.

Мягко кладу я на васъ правую руку свою, вотъ, вы слы-
шите это,
Я не умствую, я свою голову близко склоняю, наполовину
ее закрывая,
Я спокойно сижу рядомъ съ вами, я вѣрный, надежный,
Я болѣе чѣмъ сидѣлка, больше, чѣмъ родственникъ или сосѣдъ,
Я васъ отъ всего освобождаю, кромѣ васъ самого, тѣлесно-
духовнаго, что есть вѣчно, васъ, какъ васъ са-
мого, достовѣрно спасеніе ждетъ,
Тѣло, которое вы здѣсь оставите, будетъ всего лишь отбро-
сомъ.

Солнце, вспыхнувъ, горитъ въ направленіяхъ совсѣмъ не
предвидѣнныхъ,
Сильныя мысли васъ наполняютъ, довѣріе, вы улыбаетесь,
Вы позабыли, что вы больны, какъ я позабыл, что боль-
ны вы,
Вы не видите больше лѣкарствъ, вы не мыслите больше о
вашихъ друзьяхъ, которые плачутъ, я съ вами,
Я отдѣляю другихъ отъ васъ, сожалѣть здѣсь не о чемъ,
Нѣтъ во мнѣ сожалѣнья, я привѣтствую васъ.

НОЧЬ НА ПРЕРІЯХЪ.

Ночь на преріяхъ,
Ужинъ конченъ, огонь чуть горитъ на землѣ,
Эмигранты усталые спятъ, въ свои покрывала закутаны;
Я блуждаю одинъ,—я стою, и гляжу на звѣзды, и въ звѣз-
дахъ я вижу теперь, чего никогда не видалъ.
Я вбираю безсмертье и миръ,
Удивляюсь я смерти, задачамъ и замысламъ.

----- [begin page 185] -----

Какъ изобильно! духовно! какъ все сведено къ завершеньямъ!
Тотъ же, какъ встарь, человекъ и душа—тѣ же стремленья,
и голосъ довольства.

Я думалъ, что день лучезарнѣй всего, до того какъ уви-
дѣлъ, что мнѣ не день показалъ,
Я думалъ, что этого міра довольно, пока вокругъ меня не
возникли безшумно міриады другихъ міровъ.

Межъ тѣмъ какъ меня наполняютъ теперь великія мысли
пространства и вѣчности, измѣрятъ себя буду я ими,
И нынѣ, коснувшись до жизней другихъ міровъ, достигшихъ
до чертъ, которыхъ достигли жизни земли,
Или ждущихъ еще достиженья, или дальше ушедшихъ земного,
Я гляжу—мнѣ они не безвѣстны, какъ мнѣ жизнь не без-
вѣстна моя,
Или жизни земли, что дошли до того, до чего досягнула моя,
или ждущія, чтобы достигнуть.

О, я вижу теперь, жизнь не можетъ всего показать мнѣ,
какъ день не можетъ.
Я вижу, что долженъ я ждать того, что покажетъ смерть.

ПОСЛѢДНЕЕ ВОЗЗВАНІЕ.

Наконецъ, тихонько,
Отъ стѣнъ укрѣпленнаго мощнаго дома,
Отъ закрышки искусственно-сплетенныхъ замковъ, отъ за-
твора дверей, плотно замкнутыхъ,
Пусть легко я умчусь.

Пусть безшумно я буду впередъ ускользать,
Замки отомкни ключомъ мягкости—шопотомъ,
Двери открой, о, душа.

Нѣжно—не будь
Нетерпѣливой,
(Сильно ты держишь, о, смертная плоть,
Сильно ты держишь, любовь).

КОГДА НАБЛЮДАЛЪ Я, КАКЪ ПАХАРЬ СКЛОНЯЛСЯ.

Когда наблюдалъ я какъ пахарь склонялся надъ плугомъ,
Какъ сѣятель сѣетъ въ поляхъ, и жнецъ убирается съ
жатвой,
О, жизнь и смерть, видѣлъ также я сходства, что есть между
васъ;
(Жизнь, это въ полѣ работа, и Смерть, съ ней въ согласіи,
жатва).

ВЪ ЗАДУМЧИВОСТИ И КОЛЕБЛЯСЬ.

Въ задумчивости и колеблясь,
Пишу я слово *Мертвый*,
Вѣдь Мертвые—Живые,
(Единственно—живые, можетъ быть,
Единственно—реальные, а я
Видѣние, я—призракъ).

----- [begin page 187] -----

ОТЪ ПОЛДНЯ ДО ЗВѢЗДНОЙ НОЧИ.

----- [begin page 188] -----

----- [begin page 189] -----

О ШАРЪ, ТЫ, ОСЛѢПИТЕЛЬНЫЙ, ТАМЪ ВЪ ВЫСЯХЪ.

О, шаръ, ты, ослѣпительный, тамъ въ высяхъ,
О, жгучій полдень Октября!
Ты, заливающій блистательнымъ сияньемъ
Сѣдой пѣсокъ на берегъ отлогомъ,
Исполненный свистящаго шептанья
Близъ моря съ пѣной, съ далями, съ тѣнями
И съ полосами темными его,
И съ голубымъ его распространеньемъ,
О, солнце лучезарнаго полудня,
Къ тебѣ мое особенное слово!

Услышь меня, блистательное.
Я твой любовникъ, я любилъ тебя всегда,
Когда я грѣлся, маленькій ребенокъ,
Потомъ счастливый мальчикъ, гдѣ-нибудь
Одинъ блуждалъ по лѣсной опушкѣ,
Далеко-достающими твоими
Лучами наслаждаясь, зрѣлый мужъ,
Иль молодой иль старый, какъ теперь.
Къ тебѣ съ воззваньемъ обращаюсь.

(Меня ты не можешь молчаньемъ своимъ обмануть,
Я знаю, предъ тѣмъ человѣкомъ, который достоинъ,
Вся Природа сдается,
Облака и деревья слышать голосъ его, отвѣчаютъ, хотя не
словами—

Такъ же, Солнце, и ты,
Что до мукъ и волнений твоихъ, и внезапныхъ прорывовъ и
стрѣлъ исполинскаго пламени,
Я ихъ понимаю, я знаю то пламя, я знаю волненія эти
вполнѣ),

----- [begin page 190] -----

О, ты, съ плодородной своей теплотою и свѣтомъ,
Надъ міриадами фермъ, надъ водами и землями Юга и Сѣ-
вера,
Надъ Миссиссиппи съ его безконечнымъ теченьемъ,
Надъ Техасомъ съ просторомъ его травянистыхъ равнинъ,
Надъ лѣсами Канады, надъ всѣмъ этимъ шаромъ, который
свой ликъ обращаетъ къ тебѣ,
Въ пространствѣ сіяющему,
Ты, что всѣхъ безпристрастно объемлешь, не земли одни,
моря,
Ты, что гроздьямъ и сорнымъ побѣгамъ и малымъ лѣснымъ
цвѣткамъ,
Расточаешь дары такъ щедро,
Устремись, устремись на меня, на мое, хоть однимъ только
бѣглымъ лучомъ
Изъ милльона твоихъ милліоновъ,
Пронзи, просіявь, эти пѣсни.

Не однимъ только имъ устремляй свою силу, свою ослѣпи-
тельность тонкую,
Приготовь пополудни мое—приготовь мои тѣни, что вотъ
все длиннѣе, длиннѣе,
Приготовь мои звѣздныя ночи.

ЭКСЦЕЛЬСИОРЪ.

Кто ушелъ дальше всѣхъ? потому что хотѣлъ бы я дальше
уйти,
Кто былъ справедливымъ? потому хотѣлъ бы я быть на
землѣ справедливѣе всѣхъ,
И кто осторожнѣйшимъ былъ? потому что хотѣлъ бы я быть
осторожнѣе,
И кто былъ счастливи всѣхъ? О, я думаю, это я,
Я думаю, не было здѣсь никого счастливи меня,

----- [begin page 191] -----

И кто растратилъ все? потому что я трачу всегда все лучшее,
что я имѣю,
И кто всѣхъ болѣе гордый? потому что я думаю, есть у
меня основанья быть самымъ гордымъ сыномъ

живущимъ—потому что я сынъ высоковершиннаго
мощнаго города,
И кто былъ правдивымъ и смѣлымъ? потому что хотѣлъ бы
я быть самымъ смѣлымъ и самымъ правдивымъ
существомъ во вселенной,
И кто благосклонный? потому что хотѣлъ бы я больше
явить благосклонности, чѣмъ всѣ остальные,
И кто снискавшій любовь наиболѣе многихъ друзей? потому
что не вѣрю, чтобъ кто-нибудь могъ обладать
совершеннѣйшимъ тѣломъ, чѣмъ тѣло мое, и
исполненнымъ большей влюбленности,
И кто, думая, думаетъ мысли обширнѣе всѣхъ? потому что
тѣ мысли я мыслью своею окружилъ бы,
И кто создалъ гимны, которые нужны землѣ? потому что
безумствую я, пожирающимъ схваченъ желаньемъ
Создавать въ изступленности гимны ликованья для цѣлой
земли.

СТАРЫЕ СНЫ БРАННЫХЪ ДНЕЙ.

Въ полночь я сплю и мнѣ снятся лица, тревожныя лица,
Взглядъ пораженнаго на смерть, (неописуемый взглядъ),
Лица умершихъ, что навзничь упали, раскинувши руки,
И вижу ихъ, вижу ихъ, вижу.

----- [begin page 192] -----

Снятся мнѣ сцены Природы, поля и равнины, и горы,
Небеса за грозой такъ прекрасны, ночью мѣсяцъ нездѣшній
горить,
Къ намъ онъ смотритъ, и нѣжно сіяетъ, а мы роемъ, ко-
паемъ траншеи,
Это вижу я, вижу я, вижу.
Миновали давно эти лица, и равнины, и эти траншеи,
Гдѣ я шель съ зачерствѣлымъ лицомъ, сквозь рѣзню, и отъ
павшаго прочь,
Я спѣшилъ все впередъ въ это время, но теперь ихъ ви-
дѣнья мнѣ ночью
Снятся, вижу ихъ, вижу ихъ, вижу.

МОЛОДОСТЬ, ДЕНЬ, СТАРЫЙ ВОЗРАСТЪ И НОЧЬ.

Молодость, сильная, и изобильная, полная мощи, любви,
Полная прелести нѣжной изящества, и обольщающихъ чаръ,
Знаешь ли ты, что вослѣдъ за тобой Старый Возрастъ спо-
собенъ
Съ тою же мощью явится, и съ такою же прелестью чаръ?

День полноцвѣтный, блестящій—о, день безмѣрнаго солнца,
Дѣйствія и честолюбья, веселаго звонкаго смѣха,
Ночь вослѣдъ за тобою идетъ съ милліонами солнць,
Съ дремотой и съ тьмой возрождающей.

ЯСНАЯ ПОЛНОЧЬ.

Твой часъ, Душа, свободный твой полеть
Въ безмірное,—отъ книгъ, и отъ искусства,
О, прочь отъ нихъ, день стертъ, урокъ исполненъ,
Выходишь ты сполна, глядишь, безмолвно,
И думаешь о томъ, что такъ тебѣ
Желанно—ночь, и сонъ, и смерть, и звѣзды.

----- [begin page 193] -----

ПѢСНИ РАЗСТАВАНЬЯ.

----- [begin page 194] -----

----- [begin page 195] -----

ПО МѢРѢ ТОГО КАКЪ ВРЕМЯ.

По мѢрѢ того какъ время придвигаетъ мрачное облако,
Страхъ передъ тѣмъ, чего я не знаю, затемняетъ меня.

Я дальше пойду, впередъ,
Я еще буду идти черезъ эти страны, но я не могу сказать,
куда и надолго ли,
Быть можетъ вскорѣ, какъ-нибудь днемъ или ночью, пока я
пою, голосъ мой вдругъ прекратится.

О, книги, о, пѣсни! что жь, или все сведется лишь къ этому?
Что же, мы только дойдемъ до этого начала насъ?
И все же довольно, душа, и того;
О, душа, мы дѣйствительно ликъ свой явили—довольно намъ.

ГОДЫ СОВРЕМЕННОСТИ.

Годы современности! годы несвершеннаго!
Вашъ горизонтъ растетъ, я вижу, что онъ разступается
Для болѣе сильныхъ, торжественныхъ драмъ,
Я вижу не только Америку, не только народъ Свободы, я
вижу другіе народы готовятся,

Я вижу ужасные входы, уходы со сцены, сочетанія новые,
солидарность расъ,
Я вижу грядущую эту силу, неудержимо вступающую на мі-
ровую сцену,
(Старыя силы, старыя войны, съиграли ль они свои роли?
Дѣйствія, имъ надлежащія, кончены ли?)
Я вижу Свободу, во всеоружьи, побѣдную, гордо-надменную,

----- [begin page 196] -----

Съ Закономъ с одной стороны, и съ Миромъ съ другой,
Изумительна эта тріада, все они вышли на бой противъ
мысли о кастѣ;
Къ какимъ историческимъ развязкам мы близимся съ такой
быстротой?
Я вижу людей в ихъ маршахъ и въ ихъ контр-маршахъ,
спѣшать и спѣшать милліоны,
Я вижу, что всѣ рубежи и границы аристократій старинныхъ
разрушены,
Я вижу—межи Европейскихъ владыкъ всѣ стерты,
Я вижу, что въ этотъ день Народъ начинаетъ свои рубежи
означать(всѣ другіе долой),
Донинѣ еще никогда столь острыхъ вопросовъ не ставили,
Никогда еще не былъ простой человѣкъ, и духъ его, болѣе
силенъ и болѣе богоподобенъ,
Чу, как онъ нудить, торопить, не оставляя массы в покоѣ,
Шагъ дерзновенный его на землѣ и на морѣ повсюду,
Великаго онъ океана коснулся и въ немъ создаетъ поселенья,
Колонизуетъ архипелаги,
Своимъ паровымъ кораблемъ, телеграфомъ своимъ электри-
ческимъ,
Газетой и массой военныхъ орудій,
Конторами, нити свои разбросавшими въ міръ,
Межъ всѣхъ географій онъ звенья куетъ и связуетъ всѣ
страны;
Что за шопоты это, о, страны, бѣгутъ передъ вами, прохо-
дятъ подъ глубиью морей?
Всѣ народы беседу ведутъ? создается ли это у шара земного
единое сердце?
Человѣчество хочетъ ли слиться въ сплошное одно?
Ибо видишь, тираны трепещутъ, короны тускнѣютъ,
Упорствуя въ духъ своемъ, земля—лицомъ к лицу съ но-
вой эрой,
Предъ всеобщей, быть может, войною божественной,
Не знаетъ никто, что случится вотъ-вотъ, дни и ночи та-
кими наполнены знаменьями;

----- [begin page 197] -----

Вѣще годы! пространство, пока я иду, и тщетно стараюсь
его проникать,
Наполнено призраками,
Те вещи, что скоро случатся, дѣянья еще не свершенныя
Бросаютъ вокругъ меня тѣни свои,

Этот натискъ, стремленье и пыль, въ которые трудно по-
вѣрить,
Лихорадочность сновъ изступленныхъ, ихъ странность, о,
годы,
Сновидѣнія ваши, о, годы,—какъ они проникають въ меня!
Наяву ли я или во снѣ, я не знаю!
Америка вмѣстѣ съ Европой, свершенная, смутно темнѣють,
Уходятъ за мной они въ тѣнь,
Несвершенное, столь исполинское, какъ никогда не бывало,
Идетъ и идетъ на меня.

ПѢСНЯ НА ЗАКАТѢ.

Блескъ завершенаго дня, плывущій, меня наполняющій,
Часъ пророческій, часъ, сводящій въ цѣльность минувшее,
Оживляющій горло мое, о, ты, божественный средній, простой,
Ты, земля и жизнь, я пою васъ, пока свѣтитъ послѣдній
лучъ.

Открытый ротъ души моей, возвѣщающій радость,
Глаза души моей, зрящіе свѣтъ совершенства,
Природная жизнь меня, правдиво хвалящая вещи,
Всегда подтверждающая
Торжество вещей.

Каждому слава!
Слава тому, что зовемъ мы пространствомъ, сферѣ безчи-
сленныхъ духовъ,
Слава тайне движенія во всѣхъ существахъ, вплоть до
мошки мельчайшей,

----- [begin page 198] -----

Слава способности рѣчи, чувствамъ, и тѣлу,
Слава сіянію бѣглому—отраженію блѣдному на новой лунѣ,
тамъ, на западномъ небѣ,
Слава всему, что я вижу и слышу, чего я касаюсь, всему,
до конца.

Благо во всемъ,
Въ этомъ довольствѣ и въ этомъ апломбѣ животныхъ,
Въ круговоротѣ временъ ежегодномъ,
Въ веселіи юности,
Въ силѣ, въ роскошествѣ зрѣлаго возраста,
Въ изысканно-строгомъ величій старости,
Въ великолѣній смерти съ ея панорамами.

Дивно уйти!
Дивно быть здѣсь!
Сердце, невинная кровь, всеодинаковость брызгъ!
Воздухъ, дышать имъ, какая услада!
Говорить—и ходить—и рукой ухватить что-нибудь!

Готовить ночлеги и еду, глядеть на свое розоватое тело!
Сознавать мое тело, такое довольное, сильное!
Невероятным быть Богом, быть мной!
Быть с другими Богами, быть с этими вот, мне желанными мужчинами, женщинами!

Дивно, как славлю я вас и себя самого!
Как мои мысли играют утонченно в зрелищах этих вокруг!
Как молчаливо над нами плывут облака, там вверху!
Как несется вода и поет (о, конечно, она жива)!
Как деревья растут и встают, со стволами могучими, с листьями, сучьями!
(Конечно есть большее что-то в каждом из этих деревьев, живая душа).

----- [begin page 199] -----

О, изумление вещей—до мельчайшей частицы!
О, духовность вещей!
О, строй музыкальный, текущий через века, континенты
и ныне касающийся меня и Америки!
Я беру ваши сильные струны, мшаю их, и другому с улыбкою их отдаю.

Я тоже слагаю хваления Солнцу, восшедшему или полуденному, или, как в эту минуту, закатному,
Я тоже биемем своим участвую в мозг земли, в красоту ея, во всех возрастаниях Земли,
Я тоже чувствовал зов, неудержный призыв себя.

Когда я плыл вниз по течению Миссиссиппи,
Когда я блуждал по прериям,
Когда я жил, когда я глядел через окна мои, через глаза,
Когда поутру шел вперед я и видел, как там на Востоке свет занимается,
Когда я купался в заливе Восточного моря, и в Западном море опять,
Когда проходил по Чикаго, который внутри страны,
Все равно по каким бы то ни было улицам,
По шумным ли шел городам, или в чаще безмолвных лесов или даже меж зрелищ войны,
Где бы я ни был, себя я вмняю довольство и торжество.

Я пою до конца равенства наших дней и старинных,
Я пою бесконечный ряд финалов вещей,
Я говорю, продолжает Природа, и слава все длится,
Я хваления пою электрическим голосом,
Ибо не вижу несовершенства ни одного во вселенной,

И не вижу единой причины, единого слѣдствія, чтобы жалостны были, въ концѣ-концовъ, во вселенной.

О, закатное солнце! хоть время пришло,
Я еще подъ тобой щебечу, разъ никто не щебечеть другой
Про безмѣрный восторгъ обожанья.

----- [begin page 200] -----

----- [begin page 201] -----

ПЕСЧИНКИ.

----- [begin page 202] -----

----- [begin page 203] -----

МАНАГАТТА.

Мой городъ, имя свое, подходящее имя свое, благородное,
снова принявшій,
Первичное, избранное, красоты и значенья чудеснаго,
*На скалахъ основанный островъ—берега, гдѣ всегда разби-
ваются
ваются весело*
Приходящія и уходящія, вѣчно спѣшущія волны морскія.

СУМЕРКИ.

Усыпительно-чувственно-мягкія тѣни,
Только что солнце зашло, ревностный свѣтъ разсѣялся —
(Скоро и я отойду, разсѣюсь),
Дымка-нирвана-ночь и покой-забвеніе.

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЪ ИМѢЛЪ Я.

Если бы выборъ имѣлъ я сходствовать съ лучшими бардами,
Нарисовать ихъ портреты, красиво и стройно,
И по волѣ моей состязаться,

Съ Гомеромъ, со всѣми его бойцами и битвами — съ -
лесомъ, Аяксомъ и Гекторомъ,
Или съ плѣнными скорбью Гамлетомъ, Лиромъ, Отелло
Шекспира,
Съ Тэннисономъ, съ прекрасными лэди его,
Напѣть и измыслить лучшее, замысль избранный влить въ
совершенную риѣму, усладу пѣвцовъ;
Это, все это, о, Море, все это охотно бѣ я отдалъ,
Если бы дало мнѣ ты колебанье единой волны,

----- [begin page 204] -----

Ухватку ея,
Или вдохнуло бы въ стихъ мой дыханье свое, единое,
И оставило въ немъ этотъ запахъ.

ВЫБОРКА ИЗЪ ЗРѢЛИЩЪ МАЯ.

Яблони, цѣлый садъ яблокъ, деревья всѣ сплошь въ цвѣтахъ;
Коврами далеко и близко, пшеница, поля въ веселомъ жи-
вомъ изумрудѣ;
Неистошима вѣчная свѣжесть каждаго ранняго утра;
Желтая дымка, туманъ золотистый, прозрачный, теплаго
солнца послѣ-полудня;
Пышныя гроздья сирени, кусты съ изобильемъ пурпурныхъ
и бѣлыхъ цвѣтовъ.

ПОСЛѢ БЛЕСКА УШЕДШАГО ДНЯ.

Послѣ блеска ушедшаго дня,
Только темная, темная ночь являетъ глазамъ моимъ звѣзды;
Послѣ грома органа властительнаго, или хора пѣвцовъ, или
звуковъ оркестра,
Молча, сквозь душу мою, проходитъ симфонія истинная.

САМЫЕ БРАВЫЕ СОЛДАТЫ.

Бравыми, bravыми были солдаты, которые жили въ бою и
жизнь пронесли черезъ битву,
(Вознесены имена ихъ теперь),
Но самые brave шли и тѣснились впередъ, и пали, без-
вѣстно, безъ имени.

----- [begin page 205] -----

МОЯ КАНАРЕЙКА.

Считаемъ мы великимъ, о, душа, вникать вникать въ глубокой смыслъ
великихъ книгъ,
Быть поглощеннымъ въ глубинѣ, въ объемѣ ихъ мыслей,
зрѣлицъ ихъ и отвлеченій?
Но чувствовать тебя, о, птичка въ клѣткѣ, журчаніе твоихъ
веселыхъ трелей,
Звонящихъ въ этой комнатѣ спокойной, звонящихъ въ ней
все долгое предъ-полдня,
Величья въ этомъ меньше ли, душа?

ПЕРВЫЙ ОДУВАНЧИКЪ.

Простой, красивый, и свѣжій, выходящій изъ зимняго плѣна,
Какъ будто бы въ мірѣ нѣтъ дѣлъ, ухищреній, раздѣльныхъ
народностей,
Изъ уюта, залитыхъ лучами, его укрывающихъ травокъ,
Золотой и невинный, спокойный, какъ свѣжесть зари,
Одуванчикъ весны засвѣтился, первый, раскралъ свой до-
вѣрчивый ликъ.

----- [begin page 206] -----

----- [begin page 207] -----

ПРОЩАЙ, МОЯ МЕЧТА.

----- [begin page 208] -----

----- [begin page 209] -----

ПРОЩАЙ, МОЯ МЕЧТА.

Прощай, моя мечта!
Подруга милая, умершая любовь!
Я ухожу, куда—не знаю.
Не знаю, что въ пути я встрѣчу,
И встрѣтимся ль когда съ тобою снова,
Итакъ, прощай, моя Мечта!

Теперь въ послѣдній разъ—на мигъ дай оглянуться;
Слабѣе тиканье часовъ внутри меня,

Слабѣе, тише,
Конецъ, исходъ, и нисхожденье ночи,
И скоро сердце остановится совсѣмъ.

Мы долго жили, радовались вмѣстѣ,—
Плѣнительно!—ласкали мы другъ друга,
Пришель разлуки часъ,—прощай, моя Мечта!

Но не давай мнѣ слишкомъ быть поспѣшнымъ.
Воистину, мы долго жили, спали,
Переливались, и совсѣмъ смѣшались
Въ одно;
Такъ если мы умремъ, умремъ мы вмѣстѣ,
(Да, мы останемся какъ нѣчто, что одно),
Коль мы куда-нибудь поидемъ,
Поидемъ мы вмѣстѣ, чтобы встрѣтить, что случится,
Быть можетъ лучше бедемъ мы и веселѣе,
Научимся чему-нибудь,

----- [begin page 210] -----

Быть можетъ, это ты теперь меня
Ведешь
(Кто знаетъ?) къ пѣснямъ настоящимъ,
Быть можетъ, это ты теперь
Вращаешь смертный узелъ, разрѣшаешь,—
Итакъ, въ послѣдній разъ,
Прощай же—и привѣтъ тебѣ сердечный,
Моя Мечта!

----- [begin page 211] -----

ОГЛАВЛЕНІЕ.

----- [begin page 212] -----

----- [begin page 213] -----

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Какъ предисловіе.

Полярность.

Стр.

5

2. Посвященія.

Одного воспѣваю я.	11
Когда размышлялъ я в молчаньи.	11
На морѣ въ тѣсныхъ корабляхъ.	12
Къ чужимъ странамъ.	14
Къ историку.	14
Тебѣ, старое дѣло.	14
Для того, кому я пою.	15
Читая книгу.	16
Начинаемъ скитанія мы черезъ Штаты.	17
Къ нѣкоторой пѣвицѣ.	18
Я непоколебимый.	19
Міръ учености.	19
Корабль отплывающій.	20
Я слышу Америку поющую.	20
Гдѣ городъ въ осадѣ?.	21
Все же, хоть я и пою одного.	21
Не закрывайте своихъ дверей.	21
Поэты грядущіе.	22
Къ тебѣ.	22
Къ читателю.	22

----- [begin page 214] -----

3. Дѣти Адама.

Въ садъ міровой.	25
Во имя запруженныхъ рѣкъ, причиняющихъ боль.	25
...	
Я пою электрическое тѣло.	28
Женщина ждетъ меня.	38

Я самопроизвольный.	40
Одинъ часъ безумья и радости.	43
Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго.	44
Черезъ вѣка и вѣка возвращаясь время отъ времени.	45
Мы двое, какъ долго мы были обмануты.	46
О, бракъ! О, брачный восторгъ!	47
Я тотъ, кто болѣетъ любовью.	47
Естественные миги.	47
Я проходилъ когда-то по людному городу.	48
Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа.	48
Лицомъ обратившись на западъ отъ береговъ Калифорніи.	49
Какъ Адамъ раннимъ утромъ.	50
4. Тросникъ.	
Душистыя травы моей груди.	53
Для тебя, о, Демократія.	55
Основа всѣхъ метафизикъ.	55
Вы новый человекъ ко мнѣ привлеченный?	56
Капайте, капли.	57
Я слышу, меня обвиняютъ.	57
Въ это мгновенье.	58
Мы двое мальчишекъ.	58
Здѣсь листы мои самые слабые.	59
Мой образъ, Земля.	59
Мнѣ снилось во снѣ.	59
5. Привѣтъ міру.	
Salut au monde.	63
6. Пѣснь Отвѣчателя.	77
7. Пѣснь плотничьяго топора.	85

8. Морскіе наносы

Изъ колыбели безконечно баюкающей.	103
Слезы.	110
Птица-боець.	111
Морской подводный мірь.	112
Ночью одинъ на прибрежьи.	113

9. У дороги

Европъ.	117
Ручное зеркало.	119
Боги.	120
Когда услыхалъ я астронома ученаго.	121
Совершенства.	121
О, я! О, жизнь!.	121
Отвѣтъ.	122
Я сижу и гляжу.	122
Звѣзда Франціи.	123
Ласка орловъ.	125
Хожденія въ мысли.	126
Картина фермы.	126
Бѣгунъ.	126
Красивыя женщины.	126
Мать и дитя.	127
Мысль.	127
Скользя по всему, черезъ все.	127
Не приходиль къ тебѣ ни разу часъ просвѣта.	128
Старые люди.	128
Мѣста и времена.	128

10. Удары барабана.	
Громче ударь, барабанъ.	131
Пѣснь разсвѣтнаго знамени.	132
Дай мнѣ безмолвное яркое солнце.	140
Племя бойцовъ.	142
Взгляни, прекрасный мѣсяць.	142
Примиреніе.	143
11. Осенніе ручьи.	
Старая Ирландія.	147
Городской мертвый домъ.	148
Къ тому, который былъ распятъ.	148
----- [begin page 216] -----	
Вы, преступники, взятые въ судъ.	149
Законы мірозданій.	150
Къ общей проституткѣ.	151
Чудеса.	152
Искры отъ колеса.	153
Что я послѣ всего.	154
Другіе пусть хвалятъ что имъ угодно.	154
Факель.	154
Моя картинная галлерей.	155
Государства прерій.	155
12. Гордая музыка бури.	
Спящіе.	167
14. Шопоты небесной смерти.	
Дерзаешь ли нынѣ, душа.	173
Шопоты смерти небесной.	174
Божественная четыресторонность.	174

Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью.	178
Да, и васъ, да, и васъ, знаю я, о, мгновенья поникшія	179
...	
Какъ будто бы призракъ ласкалъ меня.	179
Увѣренія.	180
Песокъ сыпучій годы.	181
Музыка, что всегда вокругъ меня.	181
Въ морѣ спутался что ли корабль.	182
Терпѣливый безшумный паукъ.	182
О, жить всегда, все время умирая.	183
Къ одному, кто скоро умретъ.	183
Ночь на преріяхъ.	184
Послѣднѣе воззваніе.	185
Когда наблюдалъ я, какъ пахарь склонялся.	186
Въ задумчивости и колеблясь.	186
15. Отъ полдня до звѣздной ночи.	
О, шаръ, ты, ослѣпительный, тамъ въ высяхъ.	189
Эксцельсіоръ.	190
Старые сны бранныхъ дней.	191
Молодость, день, старый возрастъ и ночь.	192
Ясная полночь.	192
----- [begin page 217] -----	
16. Пѣсни разставанья.	
По мѣрѣ того, какъ время.	195
Годы современности.	195
Пѣсня на закатѣ.	197
17. Песчинки.	
Маннагатта.	203

Сумерки.	203
Если бы выборъ имѣлъ я.	203
Выборка изъ зрѣлицъ мая.	204
Послѣ блеска ушедшаго дня.	204
Самые бравые солдаты.	204
Моя канарейка.	205
Первый одуванчикъ.	205
18. Прощай моя мечта.	207